

Алексей Доброхотов

ЛЕГЕНДА О ПУСТОШКЕ

Алексей Доброхотов
Легенда о Пустошке

«Издательские решения»

Доброхотов А.

Легенда о Пустошке / А. Доброхотов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748525-2

Озабоченный стремлением заработать много денег, начинающий антиквар попадает в глухую деревню, жители которой в поисках смысла человеческой жизни отправляются в мавзолей к В. И. Ленину. Что они там нашли и какое открытие сделал молодой московский танатолог, как через смерть постигается жизнь — об этом пишет Автор в свойственной ему увлекательной манере. Как обычно в книгах Алексея Доброхотова, сюжет насыщен приключениями и фантосмагорическими эпизодами.

ISBN 978-5-44-748525-2

© Доброхотов А.
© Издательские решения

Содержание

Действующие лица	6
Часть 1. Отец	7
Глава 1. Поминки	7
Глава 2. Призраки	40
Глава 3. Ученики	71
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Легенда о Пустошке

Алексей Доброхотов

*Как мы можем знать, что такое смерть,
когда мы не знаем еще, что такое жизнь?*
Конфуций

© Алексей Доброхотов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Действующие лица

Дед Афанасий – пролетарий сельского труда,

Вера Сергеевна – жена Афанасия,

Митя – сын Афанасия.

Марья Петровна – знахарка,

Анастасия Павловна – бывшая доярка,

Элеонора Григорьевна – бывшая учительница математики,

Надежда Константиновна Пырьева – бывший член КПСС.

Станислав Стопкин (Стас) – начинающий антиквар.

Митрич – сельский механизатор,

Галя – жена Митрича,

Маша – милая деревенская девушка,

Елизавета Ивановна – мать Маши.

Тимофей Иванович – авторитетный сельский пенсионер,

Егор Степанович – бывший диссидент.

Витя и Колька – сыновья Егора Степановича.

Малек – деревенский тунеядец.

Василий Михайлович Донкин – участковый инспектор милиции.

Марина – жена Донкина.

Вениамин Аркадьевич – невропатолог *районной больницы*

Сергей Аристархович Лунев – предприниматель районного масштаба, виноторговец

Иннокентий Павлович Томский – столичный патологоанатом.

Светлана – жена Томского.

Виктор Викторович Виктор – следователь следственного управления города Москвы.

Леонид Михайлович – влиятельный человек.

Павел – помощник Леонида Михайловича.

Сергей – молодой человек спортивного вида.

Василий – санитар морга.

Никита (Фуфел) – столичный уличный бомж.

Маркс – свободный человек свободных мыслей.

Нюся – сожительница Маркса.

Максимильян Феликсович – начальник следственной части.

Илья Маркович – окружной прокурор.

Семен Измайлович – столичный адвокат.

Ван, Цун и Вэй – три китайца.

Вахтер – дядя в камуфляже.

Иные и прочие, проживающие в деревне Селки, в районном центре, в городе Москве и в других местах, а также **козел** и **тело вождя Мировой революции**.

*«Старикам не стоит думать о смерти
пусть лучше позаботятся о том,
как полчище разрыхлить грядки на огороде»
Мишель Монтень, из «Опытов».*

Часть 1. Отец

Глава 1. Поминки

Позабыта—позаброшена, снегом белым запорошена, лежит среди лесов и болот Новгородской области деревня Пустошка. Затерялась в дали от проезжих дорог, прижалась к топким берегам извилистой речушки, лесом притиснутая. Того и гляди столкнет с холма в реку буйный молодняк последние домишки и поглотит деревню мутная вода забвенья. Никто не вспомнит о ней, не всплакнет. Никто не приедет растопить остывшую печь, отогреть отсыревшие, старые бревна.

Ушли в безвременье те года, когда здесь бушевала жизнь, кричали босоногие дети, собаки неистово облаивали нахальных велосипедистов, ходили стадами пятнистые коровы и оглушительно трещали стартерами трактора. Шумное было некогда поселенье, можно сказать успешное сельскохозяйственное предприятие, вполне справлявшееся при социализме с планом по сдаче молока государству.

Но грянула Перестройка. Райком закрыли. Общественное хозяйство, лишённое государственных дотаций, рухнуло. Стадо порезали коров на мясо. Старую технику растащили по дворам. Пахотные земли быльем поросли. Дорогу размыли вешние воды, да размесили трактора, в основном те, на которых разбежались по миру безработные колхозники. Кто перебрался ближе к райцентру, кто подался в город, а кто и совсем умер. Магазин закрыли, автобусный маршрут сняли. Последние три километра алюминиевого электрического кабеля мужики из соседнего села ночью со столбов срезали и сдали в утиль. Зачем брошенным электричество? Все одно ни холодильников, ни телевизоров, ни пылесосов у них нет. Баловство одно, а мужикам деньги.

Совсем пусто стало в Пустошке, стояла, как снежная кочка. Из полусотни дворов пять осталось. И то в основном старухи. Доживают свой век в одиночестве. Без света, без клуба, без магазина, без почты. До ближайшего населённого пункта Селки пять километров идти лесом по разбитой дороге, и то если развалившейся мост через речку перейти удастся. А так – вброд, как трактора делают. Пока светло теплится жизнь в деревне, а как стемнеет – все спать ложится. Одни волки по дворам рыщут. Да только все заперто. Даже собаки по домам сидят.

Не забредет сюда усталый участковый, не приедет придирчивый инспектор РосПотребНадзора, не нагрянет лихая налоговая проверка. Обходит напасть стороной последних жителей деревни. Из всех властей только душная избирательная комиссия вдруг вспомнит о своих избирателях в редкую пору избирательной компании да, матерясь, пришлет вездеход с урной. Покрутят в руках забытые старухи чудные бюллетени, побросают их в урны, поедят холодных пирожков, послушают кандидатские байки о счастливой жизни, покачают головами и разойдутся, посмеиваясь, по своим дворам, печи топить, кур кормить, огороды копать.

Изредка в сухую ясную погоду докатит на скрипучем велосипеде почтальон, если дорогу не развезло, да снегом сильно не запорошило. Привезет пенсии, кое какие продукты под заказ, что в сумку поместятся, старые газеты да свежие новости. Чаю горячего попьёт, на лавочке с пенсионерами посидит, подивит ужасами иной жизни и уедет обратно в неведомое, когда снова наведается одному Богу известно.

Но не зарастает народная тропа к деревне. Через леса, через болота, в распутицу и в снегопад едут мужики на санях, на тракторах, на мопедах, везут хлеб, соль, крупу и пряники. Не деньги им нужны, мало в Пустошке денег, ни картошка, на старых огородах выращенная – у самих такого добра хватает. Мужики самогон просят. Только тут его по настоящему, правильно варят, на душистых луговых травах настаивают. Готовят издавна. Не самогон, а баль-

зам, да и только. Упоение широкой души русской. Изысканный народный, целебный и дешевый напиток.

А если хворь кого одолеет самогоном неизлечимая, того приведет тропа к самому краю деревни на топкий бережок узкой речушки. Стоит там изба ветхая, покосившаяся, черной толью крытая, зеленым мхом поросшая. Живет в ней знахарка. Сколько лет ей никто не знает. В собесе записано «со слов 1940 года рождения». Но с чьих слов не уточняется. Любую болезнь вылечит. Любой сглаз и порчу снимет. Мертвого на ноги поставит. На ее травах и самогон варится.

Замерла Пустошка, сползает с холма медленно в реку. Затягивает вокруг нее петлю молодой порослью лес. Задремала притихшая жизнь.

* * *

Теплым апрельским утром на своей скрипучей кровати не проснулась Надежда Константиновна Пырьева, последний представитель Советской Власти в деревне, бывший член Правления колхоза, постоянный делегат областной конференции Партии Коммунистов, а теперь маленькая сухая, одинокая старушка. Легла вечером спать, и больше глаз не открыла. Отошла в сторону. Напрасно будил ее звонкий петушок, напрасно скреблись и мяукали кошки. Никто не выпустил их утром гулять, никто не открыл тяжелые двери.

Ближе к обеду наведалься к ней ближайшая соседка Анастасия Павловна за парой свежих яиц в обмен на морковку. Дернула дощатую дверь, а та изнутри на кованный крючок заперта. Солнце в зените, курицы в курятнике озабоченно квохчут, кошки под дверью кричат, а в доме тихо. Не бывало такого. Стукнула в дверь сильнее, обошла избу кругом, заглянула в окно. Лежит Надежда Константиновна на кровати, не двигается.

Почуяла старушка неладное, перекрестилась, побежала к деду Афанасию на другой край села. Один он мужик на всю деревню остался. К кому еще идти, как не к нему? Не самой же топором дверь вышибать. Да и жена его Вера Сергеевна, баба энергичная и дородная, лишней в таком деле не окажется. По дороге заскочила к Элеоноре Григорьевне бывшей сельской учительнице. Как-никак сама грамотная, знает, что делать, если что. Заодно свернула к дому Марьи Петровны, что на самом бережку речушки ютился. Предупредила и ее на всякий случай, стукнула в оконце, сообщила на ходу. Знахарка все же. Вдруг понадобится.

Через полчаса у дверей дома Надежды Константиновны собралась вся деревня: четыре старухи и один пьяный дед с топором.

* * *

Захотел Афанасий Никитич на восьмом десятке лет на недельку в запой уйти, да печень не пустила. Попил самогона денек-другой-третий, только хуже стало. До этого одна душа болела, а теперь и еще хворь навалилась. Не жизнь, а сплошная тоска.

Думал ли он, что на старости лет окажется жить в глухом лесу, на подножном корму, как дикая, шелудивая собака. Всеми брошенный, забытый, неприкаянный. Ни людей, ни работы, ни радости. Поговорить, и то не с кем. Одни бабы кругом. Надоели их постные рожи. Что баба за собеседник? Разве сможет она постичь глубину высокой тоски, изнывающего в одиночестве сердца. Одна дурь у них в голове вертится. Живут без всякого понятия о глубокой непознанности сути вещей. И понимать не хотят. Это ли не досада? В общем, не с кем мужику умными мыслями поделиться. Некому про жизнь свою рассказать. Некого поучить и наставить. Не на кого опереться.

Потомственный земледелец, крестьянский сын, внебрачный отпрыск кулака и батрачки прожил Афанасий Никитич всю жизнь на земле в родном колхозе, куда привела его мать, когда

отца со всем кулацким семейством отправили в Сибирь на поселение. Давно это было. Еще до войны с немцами. Но он, малолетка, помнил, как зимой садился в сани степенный борода-тый мужик и бабы вокруг голосили: «На кого ж ты нас оставляешь?» Потом пришел голод, а следом тяжелый труд. Даже малых детей гнали на пашню зарабатывать колхозные палочки. Весь день трудились, а результата не видели. Не образовывался достаток в доме от обществен-ного труда. Не богатели семьи. Трудились кучей на одном поле, а урожай дядя из города заби-рал. Получалось так, что все вокруг общее, все вокруг ничье, но трогать не смей. Так и отучила Советская власть мужика работать. Перестала земля кормить.

Пришлось крестьянам, по указанию райкома, животноводством заняться. Завезли стадо коров. Начали колхозники сено на полях заготавливать. Вроде как пошло дело. Даже с планом по продаже молока справлялись. Только хозяйство наладили, война пришла. Мужиков со дво-ров сгребла, коров на мясо определила, чтоб врагу не достались, колхоз отменила.

Но повезло Пустошке. Не пожег ее немец. Даже на постой не останавливался. Стороной прошел. Одни партизаны по ночам разбойничали. Все из амбаров выгребали, во имя Победы. Голодали колхозники, перебивалась мерзлой картошкой. Когда же откатился немец на Запад, ушли и партизаны. Полегчало. Снова привычно замычали коровы, молоко на столах появилось.

По зиме Афанасия в армию призвали. Родину защищать. Немца окончательно добивать в его логове. Молодой и безудержный настрелялся боец из автомата вволю. Набегался по вра-жьи полям. Под Прагой войну закончил, за три дня до Победы. Насмотревшись на западную жизнь, свою, сдуру, ругать начал. За то и поплатился. Прямо с фронта в лагерь уехал, тайгу раз-рабатывать. Победе в тюрьме радовался. Домой только через восемь лет вернулся. Мать сына не дождалась. Умерла. Поселился в разваливающемся родительском доме. Подлатал крышу. Сел за трактор.

Кто теперь помнит, что в те далекие годы нес Афанасий Никитич на себе почетную миссию лица своего колхоза. Определили его в передовики производства. Самой он оказался подходящей для этого кандидатурой. Красивый, статный, как потом говорить стали – фотоге-ничный, к тому же и герой войны, как ни как пять боевых медалей блестили на застиранной гимнастерке. Кому же еще агитировать за ударный труд, как не ему. Пришлось оправдывать звание. Сто десять процентов плана выдавал на посевной, да столько же на уборочной, даже если в загул уходил. Два раза в районной газете на первой полосе во весь рост печатался. Имен-ного его лучезарная улыбка на фоне уборочного комбайна обошла обложки многих столич-ных журналов, наглядно демонстрируя высокие достижения социалистического сельскохозяй-ственного производства. Даже знаком отличия отметили за доблестный и многолетний труд. Можно сказать первый парень на деревне, после председателя и остальных членов правления. Уважаемый человек.

Молодую жену взял себе из райцентра. Красивую, работающую. У самого второго сек-ретаря райкома партии отбил. Все мужики восторгались. Десять ящиков водки на свадьбе выпили. Шумно прошла свадьба. По-настоящему, по-деревенски, крепко и с мордобоем. Новый дом за год срубили. Переселились. Новая жизнь заладилась. Жена им гордилась. Бабы завидовали. Мол, работающий, малопьющий, почти не гуляющий. Трех сыновей растил. Дом ста-раниями прирастал. Хозяйство крепло. Планировал даже детей в университет отправить. Пер-сональную пенсию обещали... Но наступили дни перемен.

Все одно к одному под откос пошло, прахом. Начальство разбежалось. Работы не стало. Младшего любимого сына Советская Армия в Афганистане сгубила. Среднего самого рабо-тящего Федьку новые власти посадила за что-то. Так толком и не объяснили за что именно. На суде говорили сразбойничал с кем-то. Уехал в область на заработки и вот тебе на! Но разве мог сын сотворить такое? Конечно – нет. Просто милиции все равно кого посадить. Вот и схва-тили первого, кто под руку подвернулся. Когда теперь выйдет?.. Пишет, что еще три года до срока осталось, помнит, любит... Но вернется ли?.. И возвращаться куда? Нет больше

деревни. Один лес кругом шелестит. Что ему тут делать? Разве что на волков охотиться. Старший Митька и вовсе сгинул где-то в столицах, даже и след простыл. Растворился в суете новой жизни. Ни вестей, ни адреса. Жив ли?..

Только и осталось теперь у деда, что старая жена Вера Сергеевна, да маленькое хозяйство.

– Войну воевали. За правду сидели. Колхоз поднимали. Детей растили. И все зря, итить твою макушку, – сплевывал дед горькую слюну и заливал желчь самогоном.

* * *

Вера Сергеевна, бессменная спутница жизни деда Афанасия, всегда отличалась смекалкой и особой практичностью. Любое сложное жизненное обстоятельство она старательно стремилась обратить в свою пользу. Как только иссяк источник постоянного дохода семьи, и вокруг сельской власти образовалась мутная пустота, так она сразу наладила в баньке производство самого, что ни есть, народного продукта повседневного спроса – самогона. Бутылки больше не принимали, а стеклотара не терпит пустоты. Понимая, что водка на Руси всегда ценилась дороже денег, Вера Сергеевна сумела не только выстоять в тяжкую годину перемен, но и вытянуть на себе хозяйство из двух коров и одного квелого мужичка. Правда, от одной коровы все же пришлось отказаться, так как с таким хозяином сеном запастись со временем становилось все труднее, и не только от того, что окрестные поля стремительно зарастали лесом, но главным образом потому, что старому мужу осиливать двойной покос с каждым годом становилось все тяжелее. Зато завела трех свиней с боровом и двух коз с козлом. Куры с утками в счет не принимались. Эти сами себя кормили, как, впрочем, и стая косматых кошек.

Именно благодаря природной предприимчивости Веры Сергеевны, нашедшей свой полный расцвет лишь под конец жизни, жива оставалась Пустошка. Не оскудевали источники, питающие хлебом. Не пропадали без следа последние имена одиноких ее жителей. Нет, нет, а в неделю раз, ближе к выходным, разорвет вечернюю тишину надрывный рев трактора, преодолевающего очередную выбоину на разбитой дороге. Затрещит мотором по главной улице, остановится возле дома Веры Сергеевны. Привезет хлеба свежего магазинного, фабричных макаронных изделий, крупы, сахара, соли да сладостей, старушек порадовать, а то и комбикорма, керосин, свечи да спички или еще чего, что заказывали. Затарится тракторист продуктом местного изготовления и в путь обратный покатится, чтобы домой обернуться засветло. Путь-то не близкий. Километров пять до ближайшей деревни. Не дай бог в лесу застрять ночью.

Уедет, а к дому Веры Сергеевны уже все жители стягиваются, посмотреть, что нового в лавочке появилось, прикупить чего, в долг записать, обменять, заказать, сплетни послушать.

Так и теплится жизнь в деревне.

За хлопотами по хозяйству незаметно проходят дни, месяцы, годы. Кастрюли на печи, огород, банька с кипящим баком, скотина, лавка с учетной книгой, дед с его хворями, да капризами. Некогда и о себе подумать. Носится Вера Сергеевна по двору, как заведенная, от одного дела к другому – присесть некогда. Остановится на миг возле фотографий сынов на стене, смахнет платочком набежавшую слезу и дальше бежит за все по дороге хватается. Не может иначе.

* * *

Элеонора Григорьевна родилась и всю жизнь прожила в Пустошке. Отсюда уехала по комсомольскому набору в областной центр учиться. Сюда же вернулась сельской учительницей. До самой пенсии каждый день ходила в соседнее село за пять километров детей учить математике. По выходным огород вела, тетрадки проверяла. Иногда в клуб заходила, когда кино

показывали, а в основном книжки читала. Замуж так и не вышла. Встречалась, правда, одно время с учителем физкультуры. Но не долго. Полгода не больше. Как узнал тот, что дело идет к беременности, быстренько переметнулся на англичанку и в город ее увез. Пришлось к знахарке идти. Хорошо срок еще позволял. Не рожать же дитя без свадьбы. Позора на весь район не оберешься. Учительница все же, не доярка. Потом сватался к ней плюгавый колхозный бухгалтер. Но она ему отказала. Не то себя после аборта стеснялась, не то мужичок после физкультурника мелким показался. Больше хороших парней на своем пути не повстречала. Да и время было такое, суетное. Мужиков мало, работы много. То субботник, то митинг, то лекция с политинформацией. Так, семье и не обзавелась.

Жила с матерью в родительском доме, а как ее схоронила, так и вовсе одна осталась. Пришлось самой хозяйство вести, за коровой смотреть. Появились новые заботы: дрова, сено, огород. Со школы придет, ужин приготовить некогда. Пришлось корову продать, кур по соседям раздать. Один пес Шарик остался. Сидит на цепи, дом сторожит, хозяйку с работы ждет, голодных кошек от дверей гонит.

Шли годы. Дом ветшал, Элеонора Григорьевна старела. Тяжело стало в школу ходить. Даже велосипед уже не выручал. Пришлось выйти на пенсию.

Началась новая жизнь. Не требовалось больше вставать засветло, нескончаемые тетрадки проверять, готовиться к министерским контрольным. Сиди тихо на лавочке, слушай радио, радуйся жизни. Свобода. Но не тут то было. Оглянулась Элеонора Григорьевна назад и охватила ее щемящая тоска. На что жизнь ушла? Ни работы, ни семьи, ни детей, ни внуков, ни хозяйства, одна голая пенсия и старый пес Шарик, сидит преданно возле ног, положив косматую голову на колени, и печально вздыхает. Обняла его хозяйка за давно не мытую шею и заплакала.

Через год случилась инфляция, спутница больших перемен и моментально обнулила все заработанные долгими годами скудные жизненные накопления. Пес умер от старости. Деревня опустела. Кто мог – подался в иные края, а Элеонору Григорьевну никто и нигде не ждал. Ни родных, ни друзей, ни денег. Большая Россия, а уезжать некуда.

Осталась она доживать свой век в родном доме с покосившейся крышей, питаясь овощами с обширного огорода, границы которого теперь определялись исключительно силами обработчика. Оспаривать межу некому. Дрова брала, как и все, с соседних участков, постепенно разбирая обветшалые брошенные дома. На нищенскую пенсию покупала у Веры Сергеевны самое необходимое и по вечерам читала, читала, читала, пока солнце не садилось за горизонт или свеча не до конца не сгорала.

* * *

Анастасию Павловну зачали во время оккупации. Не то немец постарался, не то лихой партизан. Отчество получила от бабушки по материнской линии. Мать растила ее одна. Бойкая получилась у нее девка, ядреная. Едва выросла, сразу же замуж выскочила. Одной из первых в своей возрастной категории. Муж ей достался красивый, кудрявый, озорной. Годик пожили вместе душа в душу, на том и закончилась счастливая жизнь. В армию мужа призвали. Там он и повесился на первом году службы.

Родила сына Вову. Вернулась в дом к матери. С ней вместе парня и поднимала. Через все детские болезни прошла. Со страхом и криками отправляла его в Армию. Со слезами встречала. Потом Володя на комсомольскую стройку уехал. С тех пор больше его не видели. Пришлет раз в год короткое письмо. Мол, жив, здоров, обустроюсь, как положено, заберу... Все обещает, обнадеживает, а не едет. Видимо, не до старой матери. Свои заботы у сына. Да и что ему делать в деревне?

Работала Анастасия Павловна, как и все бабы в колхозе. Коров доила, навоз убирала. От работы не бегала, иной раз даже скучала. Привыкла сызмальства к тяжелому крестьянскому труду. Иного не знала. Одно время считалась даже передовиком производства. Дважды ездила по профсоюзной путевке отдыхать на Черное море. Сначала в Крым, потом в Сочи. Зимой, правда, но все равно на душе было радостно. Особенно в те дни, когда после знакомства на пляже с бойким сталеваром вынашивала надежду переехать к нему в прокуренный заводом город. Но он оказался женатым и две солнечные недели, проведенные вместе, вспоминались затем с грустью и щемящей грудью тоской.

Так личную жизнь она себе и не устроила. Второго мужа не нашла. Но от чужих не отказывалась, за что дважды была бита возле магазина рассвирепевшими бабами.

Затем наступили тяжкие дни. Колхоз неожиданно распустили, за долги. Мужики стали растаскивать по ночам ржавую технику. Коровы обреченно мычали в запущенных стойлах, молококисло в бидонах, пастух беспробудно пил, начальство бездействовало. Жалко стало смотреть, как скотина гибнет. Взяла Анастасия Павловна под вечер трех самых любимых телушек и отвела к себе на двор.

На следующий день приехал участковый милиционер с представителем банка. Составили протокол, колхозных коров отобрали, ее арестовали за воровство.

Натерпелась она страха в милиции. Все признала, все подписала. Через трое суток, правда, выпустили. Потом состоялся народный суд. Учитывая чистосердечное раскаяние и пенсионный возраст преступника, присудили к исправительным работам с конфискацией имущества. Однако, работать было уже негде, от колхоза ничего не осталось.

Колхозных коров она больше не увидела, а свою конфисковали. Мать с горя заболела, слегла и вскоре отошла в иной мир. Анастасия Павловна осталась одна.

На том все и закончилось. Приходилось заново налаживать жизнь. Хотя нечего уже не осталось. Из деревни начался исход, и вместе с людьми медленно утекла сама душа. Сохранилась одна безысходная привычка жить, исполнять ежеутренний ритуал пробуждения и ждать весточек от сына.

* * *

Родителей своих Марья Петровна не знала и не помнила. Вся ее сознательная жизнь прошла в старом бревенчатом доме темной знахарки Дарьи Ивановны, на берегу извилистой речушки огибающей холм деревни Пустошка. Откуда появилась у бездетной старухи маленькая девочка для всех оставалась загадкой. Сама Дарья Ивановна об этом не рассказывала. Зарегистрировала годовалую девчущку в правлении колхоза, как свою дочку и называла Марьюшкой. Одни полагали, будто зачала ее старая во грехе с черным козлом. Другие, будто вылепила куклу из синей глины и оживила колдовским образом в полнолуние. Третьи, наиболее здравомыслящие, склонялись к тому, что ребенка знахарке просто подбросили.

Посудачили злые языки, попереживали, и успокоились. Другие заботы свалились на деревню. Война случилась. За ней разруха пришла, голодные годы. А когда о девочке вновь вспомнили, то ей уже исполнилось четырнадцать лет. Всплеснули руками заботливые люди, забеспокоились, как так, в школу не ходит, коммунизм строить не обучена. Собрали комиссию, проверили грамотность, отметили присутствие начальных навыков чтения и письма. Не общительна, замкнута, молчалива. Стоит, смотрит огромными черными глазами на председателя и тонкими белыми руками длинную косу теребит. Но держится смело с достоинством, себя в обиду не дает, но и не спорит. Сама худенькая, бледная, как былиночка на ветру. Стали обсуждать, что с девочкой делать. В школу отправлять поздно. На тяжелую работу в колхоз – боязно. Грохнула тогда баба Дарья стулом об пол, даже стекла в окне задрожали. «Больная она, – гаркнула, – У скотины работать не может. Не пушу». Сказала, как отрезала.

С тех пор знахаркину дочку по общественной нужде больше не беспокоили. Связываться с грозной старухой ни у кого не возникало ни малейшего желания. Девочка спокойно росла и усердно вбирала в себя древние, тайные знания. К двадцати годам она постигла целебные свойства диких трав, научилась без особых усилий останавливать кровотечение, снимать воспаление, излечивать простуду. Горький отвар, монотонный заговор, темная икона в золотом окладе и странный голубоватый дым творили тихое чудо, не объяснимое марксистско-ленинской концепцией построения мира. Случись такое в большом городе или хотя бы в районном центре, власти бы сразу прекратили подобное антисоветское безобразие. Но здесь, в стороне от передовых идеологий на самом краю деревни люди просто излечивались, не ища особых объяснений происходящему.

Однако, отдавая должное мастерству молодой знахарки, просвещенный народ за глаза называл ее «Чертовой дочкой». Молодые люди посмеивались над ее нелюдимостью и сторонились, явно опасаясь неведомой силы, сокрытой в глубине ее больших черных завораживающих глаз.

Так и жила она рядом с людьми в стороне от их хлопотливой общественной жизни. Нигде не бывала, ничего не видела, кроме деревни и необъятного леса, неотступно следовала за матушкой и постепенно переняла у нее все накопленные знания пока, наконец, не обрела свой путь и не познала в себе великую силу.

Вскоре после этого старая знахарка отошла в иной мир, строго наказав дочке свято хранить тайну и не использовать обретенный дар всуе.

Нелюдимо живет Марья Петровна, даже волки ее дом стороной обходят. Пенсию получает самую маленькую, социальную. Гостей не любит, на сходы не ходит. Огород, кошка, коза, пять кур с черным петухом вот и все ее хозяйство. Да ей больше и не надо.

* * *

В тот день дед Афанасий решил кастрировать кота.

Орет окаянный черт по ночам. Спасу нет. Ходит по чердаку, гремит досками, а пуше под самым окном усядется и заведет тягучие рулады до самого утра. И не один. Других в помощь призовет, со всех окрестных огородов соберет разношерстный хор, разместит под окном деда и начнет выяснять, кто из них самый голосистый. До драки спорят, а потом всем гуртом бегут в сени ведрами и тазами греметь. Издеваются не иначе. Как тут уснешь, даже на грудь принявши?

Пора с этим кончать, твердо решил старик.

Жалко, конечно, кота по-мужицки. Но надоел – сильно.

Наточил Афанасий нож, подманил кота теплым вареником, схватил за шкварник и сунул в старый валенок, один тощий хвост наружу торчит. Орет зверь, упирается, назад подает, чует неладное. Но и старик не промах. Обмотал голенище веревкой, никуда коту деться. Принял стакан самогона для остроты зрения и только, пристроив валенок между ног, приступил к намеченной операции, как тут Тоська, черт ее задери, чуть ли не через ограду во двор вывалилась.

– Померла, – заорала дурным голосом.

– Кто померла? – удивленно уставился на нее дед.

– Надежда наша померла!

– Так она давно померла, – глубокомысленно вздохнул старик.

– Натуральным образом померла. Лежит и не шевелиться. Я стучу, а она лежит. Прямо, как мертвая. День на дворе, а она в кровати, – затараторила баба, – Померла. Как есть померла.

– Кто? Надька?

– Она!

– Итить твою макушку! А ты ее щупала? Может, она того, спит.

– Сам щупай. Иди и щупай. Как я ее пощупаю, если она в доме? Я же через окно глядела. В дом не заходила.

– Так ты б зашла.

– Как я зайду, если дверь заперта! На крючок. Изнутри. Через трубу, что ли?

– Да хоть через трубу. Или не могёшь? – усмехнулся дед.

– Это Марья может. Я женщина честная. Мне через окно видно. Пошли, давай.

– Куда?

– Дверь открывать. Кто двери откроет? Я, что ли?

– Это еще зачем?

– Дурак, что ли! Ей что, так и лежать, в доме? Иди. Открывай, тебе говорят. Ломай, дери. Или ты не мужик? Что это ты кота тиранишь?

– Да так... – дед спустил на землю прыгающий в руках валенок, осознавая, что намеченная на сегодня справедливость явно не восторжествует.

– Зачем ты его туда сунул? – с любопытством наклонилась к земле Тоська.

– Поучить хотел, – отмахнулся старик, перерезая ножом веревку, пленяющую несчастное животное. Получив свободу, осатаневший от ужаса кот, вывернулся из валенка и, стремглав, скрылся в глубине огорода.

– Что за шум? – выглянула во двор Вера Сергеевна.

– Надежда померла! – выпалила Тоська. – Слышь, Верка? Померла! Лежит и не шевелится, – и заревела.

– Господи, – всплеснула руками хозяйка, – Быть не может! Как это?

Деду еще раз пришлось выслушать историю с самого начала.

– Что это ты тут расселся. Бери топор, иди, двери ломай, – скомандовала Вера Сергеевна, – А я шас, только кастрюлю с плиты уберу.

* * *

Первой к дому Надежды Константиновны пришла бывшая сельская учительница Элеонора Григорьевна, невысокая поджарая старушка, одетая в длинное чуть ли не до земли изрядно полинялое зимнее пальто некогда торжественно черного цвета, а теперь пестрившее многочисленными аккуратно заштопанными прорехами, немymi свидетелями долгих лет строгой экономии. Из-под него грязевыми лаптями торчали короткие резиновые сапожки, вынесшие на себе не один сезон многокилометровых переходов до отдаленной школы. Дряблoе лицо, спутник хронического недоедания и бронхита напряжено выискивало воспаленными от постоянного чтения глазами, укрытыми толстыми линзами очков, кого-нибудь из односельчан, так что круглая голова под старательно уложенными длинными, седыми волосами, заколотыми двумя дешевыми гребешками, покрылась легкой испариной. Она сняла с себя вязаную шапчонку, невзирая на прохладный ветерок с запада, и облегченно вздохнула, увидев приближающуюся Марию Петровну.

Знахарка подошла со стороны речки, тихо поздоровалась и скромно встала в сторонке. Невозмутимая и стройная, невзирая на возраст сохранившая в чертах лица остатки былой девичьей красоты. Одним своим появлением она сразу вселила в душу Элеоноры Григорьевны уверенность и спокойствие. Одетая по-весеннему легко в цветную мужскую рубашку на выпуск с закатанными по локоть рукавами, плотные брезентовые штаны защитного цвета, заправленные в темные потрепанные резиновые сапожки, она, казалось, принесла на своих плечах весеннее солнце, столь неуместное для столь трагического обстоятельства встречи.

– Хотела в огороде прибраться, – приветливо улыбнулась, – И вот...

Прямой правильный нос, тонкие решительные губы, внимательные, глубокие как омут глаза с легкой холодящей искоркой далекой звезды, длинные черные волосы с легкой проседью

забранные на затылке в пучок под резинку, и кожа, здоровая, упругая, розовая. Время, казалось, над ней не властно. Не лицо, а мечта пенсионерки. «Лет-то ей сколько?.. А как выглядит?..» – с завистью подумала Элеонора Григорьевна, и сказала:

– С Надеждой, слышала, случилось что-то...

– Да, и я слышала.

Марья Петровна не любила деревенских сплетен. Бывшая учительница тоже не питала к ним особых пристрастий. Подругами они никогда не считались. Придерживались различных, скорее полярных точек зрения по вопросам правильной жизни, и потому общих интересов практически не имели. Тем более что воспитанная в духе материалистического восприятия мира, Элеонора Григорьевна, как бывший педагог, не всегда могла удержаться от наставительных поучений в адрес необразованной деревенской женщины, но благосклонно принимала от нее лечебные настойки и слегка побаивалась, приписывая ей несуществующие, губительные способности.

Обсуждать оказалось нечего, и Элеонора Григорьевна благоразумно решила дожидаться остальных, прежде чем высказать вызревающее суждение или предпринять какое-либо действие.

Тем временем на другом конце улицы появилась Анастасия Павловна с Афанасием. Дед шел угрюмо, тяжело, с трудом передвигая ноги по раскисшей от вешней воды дороге. Невысокого роста, сутулый, скрывающий свое поджарое, можно сказать, сухое тело в глубине безразмерного, потрепанного годами ватника, он лениво отмахивался топором от снующей вокруг, словно мошка, пружинистой Тоськи, беспрестанно что-то говорившей ему под ноги, и время от времени сплевывал накопившуюся в щербатом рту горечь. Убеленное серебром пятидневной щетины серое скуластое лицо не выражало ничего кроме досады. Растрепанные остатки седых, жидких волос свободно колебались на продолговатой костистой голове в такт движения.

Его спутница, бывшая доярка, уже много лет совершенно не следившая со своим видом и телом в виду полного и окончательного отсутствия к себе какого-либо мужского внимания, выглядела по-старчески бесформенной и некрасивой. Ее дряблое лицо с тусклыми глазами обрамляли серые, сальные волосы, перьями выбивавшиеся из под застиранного синего платочка. Пальцы рук от долгой тяжелой работы скрючились и задубели. Она криво улыбалась, являя собеседнику единственный, здоровый, желтый зуб, и брызгала при разговоре слюной. Обмотанная всевозможными тряпками ввиду непонятной погоды, Тоська напоминала собой подгнивший кочешок капусты, катившийся по неровной дороге и то и дело подпрыгивающий на колдобинах то с левой, то с правой стороны от старика. Приходилось только удивляться тому, как ловко она управляется со своим большим, грузным телом.

Следом из-за поворота показалась Вера Сергеевна – энергичная супруга деда Афанасия. Несмотря на пышность форм и маленький рост, она бойко перепрыгивала через лужи с оцинкованным ведром в руке, легко прокатываясь над выбоинами дороги, словно воздушный шарик. Яркая зеленая телогрейка, ядовито желтые сапоги, кроваво красный платок на голове – не баба, а светофор. Лицо упругое, румяное, губы алые, нос картошкой. Белые вставные зубы сверкают на солнце. В общем, принарядилась женщина по случаю.

Собрались. Переглянулись. Что делать?..

Для порядка Вера Сергеевна три раза деликатно стукнула кулаком в дощатую дверь дома.

– Тихо. Молчит, – тут же пояснила Анастасия Павловна, – Пошли к окну.

Через давно не мытое стекло невысокого оконца с большим трудом удалось разглядеть тесную, темную комнату, заставленную всякой рухлядью, и в глубине, возле печи, некое очертание железной кровати, где в куче накиданных тряпок громоздилось что-то бесформенное.

– Вон она. Лежит. Не шавелится, – пояснила бывшая доярка.

– Да разве это Надежда? – усомнилась бывшая учительница, притиснув выпуклые линзы очков вплотную к грязному стеклу – Не похоже на Надежду.

– Да она это. Она. Вон, космы из под одеяла торчат, – указала скрюченным пальцем Тоська, дважды ткнув коричневым, одеревенелым ногтем в небольшую щербину.

– Ничего не вижу. Темно, – заключила Элеонора Григорьевна и болезненно кашлянула в холодное окно.

– Еще бы ты в такие бинокли что разглядела, – вмешалась Вера Сергеевна и решительно забарабанила по деревянной раме пухлым кулачком. – Надюха! Открывай! Что ты там, померла, что ли?

Ответа изнутри дома не последовало.

– Ясно... Давай. Ломай дверь, – приказала она мужу.

– Зачем, итить твою макушку? – хлопнул старик глазами.

– Тебе что, и двери уже не сломать? Совсем ослаб, черт лохматый? – подбоченилась энергичная женщина.

– Ломать, не строить. Отойди, итить твою макушку, – дед вынул из кармана нож, коим недавно намеревался лишить кота мужественности, и, протолкнувшись сквозь баб к окну, стал выковыривать из рамы заскорузлую замазку.

– Вот что, черт лохматый, делает? – всплеснула руками супруга, – Лишь бы ничего не делать!

– Молчи, – одернул ее старик, – Через окно сподручнее. Соображать надо. Вам лишь бы ломать. Других мыслей в голове нету? Иди, ломай! Кто, потом делать будет? Все кругом переломали. Ничего, итить твою макушку, не осталось. Кто Правление растащил? Все им ломай... – ловко вытащил стекло, откинул шпингалет на оконной раме и распахнул окно, – На, вон, лезь. Открывай двери.

– Ладно тебе, разворчался, – добродушно усмехнулась Вера Сергеевна, – Сам открыл, сам и полезай, черт лохматый. Куда нам лезть? Вон, мы какие. Может тебя еще под зад посадить?

– Себя под зад посади. Отрастили задницы, в окно не пролазят, – проворчал старик. Но делать нечего полез сам.

Через минуту кованный крючок на дверях откинулся, и бабы гуртом ввалились внутрь дома.

* * *

Надежда Константиновна встречала коммунизм в большом бревенчатом доме пятистенке, срубленным из крепких, тесанных бревен прижимистым кулаком, родителем Афанасия. В далекую пору коллективизации Комитет бедноты конфисковал двор с хозяйством у жадного мироеда, отправил все подлое племя на поселение в Сибирь и постановил выдать мандат на вселение самым активным сторонникам пролетаризации деревни. Две добротные печки, просторная светелка и несколько спален достались беднейшей и многодетной семье Пырьевых. «Этот дом подарил нам дедушка Ленин. Помните, дети, дедушку Ленина. Он друг всех крестьян», – сказала тогда мать своим детям, и слова эти навеки запечатлелись в сознании малолетней Надюши.

В доме за все время проживания новых хозяев изменилось не многое. Стены обшили фанерой, да крыша покрылась шифером. Остальное осталось как прежде, даже дощатая входная дверь на кованных петлях. Да и то улучшения произошли лишь в конце шестидесятых, стараниями последнего представителя этого некогда шумного семейства. Не пощадило смутное время своих оголтелых питомцев. Отец и старшие сыновья сложили головы на фронтах великой войны, средние дети погибли в партизанских отрядах, младшие – от неотступного голода. В живых осталась лишь шупленькая Надюшка, да ее мать, изможденная, постаревшая не по годам женщина. Вместе они встречали Победу, вместе восстанавливали колхоз.

С тех пор большой дом превратился в некий агитклуб, красный уголок, комсомольский штаб на деревне. Его так и прозвали в народе «Красная изба». Правление колхоза по рекомендации райкома выделило фонды, и усилиям молодежи стены внутри обшили фанерой, оклеили скромными обоями и поверх разместили агитационные плакаты, красные транспаранты, вымпелы, почетные грамоты и портреты вождей революции.

Только одна комната осталась неприкосновенной, не затронутой красной паутиной кричащих лозунгов – та, где тихо скончалась мать, в начале шестидесятых, так и не дождавшись внуков, и где теперь находилось тело самой Надежды Константиновны.

Минуя просторные сени, односельчане вошли в светлую горницу. Середину занимал длинный деревянный стол из струганных досок, крытый алым кумачом, за давностью лет сильно потрепанным и полинявшим. Его окружали заводские стулья, заваленные тряпками, ведрами и тазами с остатками подгнивших овощей. Стены подпирали скрипучие остекленные шкафы забитые призовыми кубками, расписной фаянсовой посудой, хрустальными вазами, книгами коммунистической тематики, подшивками газет и журналов правильной политической направленности. Возле репродукции большого, заключенного в грязно-золотой квадрат деревянной рамы портрета Ленина, напряженно работающего в Кремле, на специальной тумбочке краснел пластмассовым боком из под льняного расшитого рушника пропыленный транзисторный телевизор. Рядом на подоконнике – широкодиапазонный, проверенный годами приемник ВЭФ с выдвинутой спицей блестящей антенны – неусыпное ухо Пырьевой навостренное в безумный открытый мир.

Вера Сергеевна сразу положила на него глаз и первой вошла в спальню.

Старушка лежала на железной, кованой кровати с пружинным матрасом в ворохе давно не стиранного постельного белья. Она имела мертвенно бледное лицо без признаков жизни. Дыхание тела отсутствовало, биение сердца не прослушивалось.

– Умерла, – заключила Вера Сергеевна, отпуская тощую безжизненную руку, – Представилась.

– Господи, горе-то какое, – воскликнула Анастасия Павловна и залилась слезами.

Марья Петровна скромно осталась стоять в дверях.

Элеонора Григорьевна, едва заглянув в спальню, предпочла остаться снаружи по причине стойкой боязни покойников.

Афанасий, усевшись за стол, нашел среди многочисленных объедков хлебную корку и стал ее медленно, но сосредоточенно перемалывать редкими зубами.

– Ну, что, Марьюшка, кажись, лечить некого. Ступай с Богом. Мы сами тут справимся, – скорбно перекрестилась над телом безбожная самогонщица.

– Некого, так некого, – охотно согласилась знахарка, – Только, не спешите ли вы? Заблудшая душа назад может вернуться.

– От туда еще никто не возвращался, – уверенно заявила Вера Сергеевна, – Спасибо тебе, Марьюшка, иди. Что, Тоська, плачешь? Давай подружку провожать в путь. По-нашему. По-христиански.

* * *

Невосполнимая утрата постигла последних обитателей Пустошки. Из их жизни ушел всеобщий лидер, народный вождь, пламенный трибун и последний деревенский защитник. Кто станет теперь бомбить гневными письмами все уровни новой власти? Кто будет будоражить уснувшую совесть каменноликих чиновников? Кто потребует ремонта убитой дороги? Кто пустит автобус на маршрут? Кто вытянет из корыстного энергетика новый электрический кабель? Кто обеспечит компенсацию потерянных в сберкассе вкладов? Кто вернет к жизни умирающую деревню?..

До последнего дня Надежда Константиновна являлась самым уважаемым членом маленькой сельской общины. Она оставалась единственным представителем авторитетной, бывлой власти, и сохраняла за собой неоспоримое право категорически высказываться по любому вопросу. Прямолинейность и природная простота суждений снискала ей поистине народное уважение. Если кто-то что-то и знал в деревне, то несомненно только Надежда Константиновна, даже если она ничего не знала.

Истинно ленинским курсом вела она за собой народ. Зорко следила за справедливым распределением жизненных благ между всеми бывшими членами колхозного двора. Не допускала перегибов в сторону наиболее ловких. Решительно настояла на том, чтобы колодцы оставались исключительно в коллективном пользовании, даже если они выкопаны на личных участках. Бескомпромиссно и твердо расправлялась со всяким, кто, проявляя инакомыслие и мягкотелость, позволял себе выступить в защиту частной собственности на средства производства, допускал образование частного капитала, одобрительно высказывался за возможность эксплуатации одного человека другим. Не могут мирно соседствовать два антагонистических класса. Не может капиталист заботиться о чаяниях трудового народа. Не бывает реставрации кулачества на селе.

Правда, иногда случались у нее некоторые перепалки с образованной Элеонорой Григорьевной, но в основном по теоретическим вопросам в порядке общей дискуссии. Надежда Константиновна всегда снисходительно относилась к наивным суждениям бывшей учительницы математики и терпеливо выслушивала ее недальновидные воззрения по поводу политической обстановки в мире. Когда же речь заходила о принятии решения и прямом действии, тут не могло быть никаких разногласий. Позиция могла быть только одна и только ее – правильная. Определить направление, двинуться вперед, преодолеть, растоптать, заклеить и уничтожить. Эту азбуку большевизма она впитала в себя с молоком матери и педантично претворяла в жизнь. С резкой критикой набрасывалась на отдельные проявления мелкобуржуазной морали со стороны некоторых односельчан. Крепко доставалось иной раз не в меру предприимчивой Вере Сергеевне, не единожды уличенной в разложении трудового крестьянства. Однако резкие выступления с жестким требованием прекратить вредоносное самогоноварение всякий раз заканчивались тем, что непримиримый борец с гидрой капитализма не отказывал себе в удовольствии отовариться в лавчонке по сходной цене и на некоторое время затихал. Но еще долго волна праведного негодования клокотала в народных массах и агитировала деда Афанасия отказаться от постыдного попустительства аморального поведения супруги.

Наиболее благодарным и последовательным сторонником активной Надежды Константиновны являлась ближайшая ее соседка Анастасия Павловна. Не даром и дома у них рядом стояли, и происхождение обе имели самое, что ни на есть пролетарское. Не искушенная самостоятельной мыслью доярка поддерживала своего лидера во всех начинаниях. Да и к кому ей еще примкнуть? Одной-то – совсем кисло. Нелюдимая знахарка – себе на уме. Заумная учительница ничего в жизни кроме своих книг не видела. Так и прожила, почитай, в девках. Супруги-самогонщики весь день при своих делах. С ними на лавочке не посудащишь. Осиротела Тоська.

Совсем опустела Пустошка. И хотя не все жители одинаково любили Надежду Константиновну, каждый почувствовал сжимающую грудь тоску, образовавшуюся с ее уходом, словно откачали воздух из самого сердца.

Да, многим приходился не по нраву ее жесткий непреклонный характер, особенно проявивший себя под конец жизни, когда отрешенная от власти она метала громы и молнии во всякого, кто хоть на миг усомнился в неизбежности победы коммунизма во всем мире в перспективном развитии общего исторического процесса.

«Без паники, товарищи, – призывала она колхозников, – Новая Экономическая Политика – это всего лишь временная уступка империалистическому окружению. Партия все дер-

жит под своим контролем. Партия нас в беде не оставит. Терпение, товарищи. Не поддавайтесь соблазну. Придет время и каждый получит по заслугам».

Ни один час мыла она кости и топтала стоптанными тапочками презренное имя того жалкого человека, а равно и всех его родственников, кто осмеливался высказаться в защиту необратимых политических перемен в стране. Может быть, и поэтому многие бывшие колхозники поспешили оставить свои дома и подались искать счастье на чужбине, лишь бы лишний раз не попадаться ей на глаза со своими глупыми, близорукими мыслями. Как знать... Но те, что остались, даже активно не разделявшие ее твердой позиции в отношении беспредельной разнузданности товарно-денежных отношений и опасности реставрации капитализма в России, все как один ценили в ней человека, много сил отдававшего на благо и процветание родной деревни.

* * *

Похолодевшее тело Надежды Константиновны общими усилиями вынесли в горницу и возложили на длинный стол.

Именно за этим столом долгими вечерами при робкой свече сочиняла она свои заявления и жалобы. Именно тут она ела ту жалкую еду, что наспех готовила. Именно здесь принимала редких посетителей и учила их жизненной стойкости. Именно на нем, среди груды давно не мытой посуды и различных сомнительной свежести тряпочек дед Афанасий обнаружил мятый листок, на котором твердой рукой Надежды Константиновны под жирным заголовком «Завещание» было начертано следующее:

«В случае моей смерти, прошу меня похоронить вместе Лениным», – и стояла размашистая подпись.

Афанасий, несмотря на прожитые годы, слыл человеком не сильно грамотным. Прошел войну, советские лагеря, реабилитацию. Много работал, много пил, а читал мало, больше слушал. И пока он разбирал неровно набросанные слова, пока вникал в скрытый их смысл, бабы успели стянуть со стола грязную скатерть, смести мусор в дальний темный угол, обтереть доски мокрой тряпкой, извлечь из под одеял усопшую и даже разобраться промеж себя, кто чем станет заниматься.

– Давай, иди гроб делай, – скомандовала мужу Вера Сергеевна.

– Чего это? – удивился дед.

– Чего, чего... Первый раз слышишь, что ли?

– Это чего? – помахал дед листком.

– Брось, пакость всякую. Потом приберем. Иди, делом займись.

– Да... как же это?... – развел руками стрик в бессилии выразить больше. Но супруга не стала проникать в глубину красноречивого жеста, вырвала бумагу из рук мужа, грубо скомкала, откинула в сторону и ткнула пальцем в открытую дверь.

– Иди, говорю, черт лохматый, гроб делай. Не мне же доски стругать?

Но отброшенный в сторону бумажный комочек не отпустил деда. Выйдя во двор, он постоял минут пять в нерешительности рядом с Марьей Петровной, присевшей на согретую солнышком лавочку, покувыркал в костистой голове трудную мысль и вернулся обратно в горницу. Нашел среди мусора скомканное завещание, поднял, аккуратно разгладил между ладоней, прочел еще раз и молвил:

– Чего это?

– Ну, что там у тебя, неугомонный, – не выдержала Вера Сергеевна, начавшая процедуру раздевания, и бесцеремонно вырвала из рук мужа записку.

– Прочти, что там написано, – ткнул пальцем Афанасий.

– Чего, чего... Вроде как завещание, вот чего, – неуверенно пояснила супруга.

– Как это нам понимать? – спросил дед.

Вера Сергеевна огласила прочитанное.

– А как это понимать? – в свою очередь обратилась она к присутствующим.

Ассистирующая ей Анастасия Павловна промолчала, словно не слышала вопроса. Элеоноры Григорьевны рядом не оказалось. Едва тело переместилось на стол, она поспешила принять на себя хлопоты по дому и выскочила с ведрами за водой.

– Слышь? – толкнула помощницу в бок энергичная женщина, – Как понимать это спрашиваю?

Тоська, тихо рыдая, недоуменно пожала плечами.

– Я это так понимаю. Она хочет, чтобы ее с Этим похоронили, – высказал старик долго мучившее его суждение.

– Ишь, чего захотела! – воскликнула Вера Сергеевна, – Больше она ничего не хочет?

– А, по-моему, она этого достойна, – робко высказалась бывшая доярка, – Она всю жизнь ему отдала. Вон у нее его сколько, – махнула она рукой в сторону книжных полок, битком забитых собранием сочинений Вождя мирового пролетариата.

– Не нашего ума дело, – сформулировал Афанасий общий для себя вывод.

– Как это не нашего? А чьего? – возразила супруга, больше следуя духу противоречия, чем рассудку.

– И звали ее также, Надеждой Константиновной. Как жену Ленина. Она этим всю жизнь гордилась, – добавила весомый аргумент Анастасия Павловна, – Она в этом высокое предначертание видела, – с трудом выдавила из себя сложную фразу.

– Пускай, итить твою макушку, власти с этим разбираются. Наше дело маленькое. Сообщить и все, – пояснил дед, – Там знают куда, кого хоронить можно. Чем наше кладбище хуже? Там, все наши лежат. Там все ейные лежат. Нам там лежать. И ей там лежат положено. Куда нам в Москву ехать? Дорога, одна какая? Иди, погляди: реку разлило, в брод не перейти, моста нет. Трактор в броду вязнет. Месяц, итить твою макушку, остатки подъедем. Нельзя проехать. Куда Москва? До Селков, итить твою макушку, не дойти. Кто гроб поперет? Бумагу кто даст?

– Какую бумагу? – насторожилась Вера Сергеевна.

– Об смерти, – пояснил старик, – Не знаешь? Всем положено.

– И то верно? – на этот раз согласилась супруга, – Что делать-то?

– Ничего. Участкового звать. Пускай он разбирается, – благоразумно заключил Афанасий, – На то он и власть, чтобы в таких делах разбираться.

– А как ты его позовешь, если к нам не пройти? – едко заметила жена.

– Как, как? – почесал дед лысую голову, – Итить твою макушку... Никак.

– Вот то-то и оно, что никак. Сам ничего не знаешь, черт лохматый. Все со своими советами лезешь. Сиди. Выискался умник. Без тебя разберемся. С этим вот что делать будем? – снова взмахнула завещанием Вера Сергеевна.

– Брось ее в печку, – сконфуженно предложил старик.

– Тебя мы уже слушали, – отмахнулась от него супруга, – Ты дело свое сделал. Молчи. Теперь пускай народ выскажется. Как, бабы, с последней волей быть? Где Марья?

– Там, – указал пальцем дед на улицу.

Вера Сергеевна распахнула окно, высунулась из него чуть ли не на половину своего короткого тела и крикнула:

– Марь, а Марь? Ты тут?

– Что надо? – поинтересовалась знахарка.

– Чего с эти делать? – Вера Сергеевна помахала в воздухе бумажкой, – Как быть с последней волей усопшей? Надо ее выполнять или, может, как-нибудь обойдется?

– Надо. Иначе душа не успокоится. Будет по ночам приходить. Свое требовать. Пока все не исполнится, – спокойно пояснила с лавочки Марья Петровна.

– Во как!? По ночам... Поняла... Слышал? – обернулась она к мужу, – Выброси, выброси. Вечно несешь всякую глупость. Не приведи, Господь, еще и по ночам приходить будет, – перекрестилась троекратно и выдала, – Придется в Москву везти.

– Кого? – опешил дед, – Ты что?.. Как?.. Без мосту?! Моста нет!

– Так сделай, – топнула ногой самогонщица.

– Как, я его тебе, итить твою макушку, сделаю? Делать мне больше нечего!? – возмущенно замахал руками старик.

– А что тебе еще делать? На печи лежать? Самогон жрать? Котов мучить? – напустилась на него супруга.

– Сдурела! Ты знаешь, как мосты делаются? Где я его тебе тут сделаю! Один! Тут, итить твою макушку, бригада нужна с трактором! Бревен штук тридцать. Я, тебе что – бульдозер?! – выпалил дед и даже взмок от волнения.

– Сам – дурак. Что столбом вырядился, черт лохматый? Гроб, иди, делай. Тут тебе бригада не нужна, – парировала жена, – Как без гроба хоронить будем? Подумал?! Не в простыне? Не собака. Как людям в глаза глядеть, когда они ее забирать станут?

– Кто? Кого? Куда? – хлопнул глазами старик.

– Ну, не меня же? – подбоченилась круглая самогонщица, – Размечтался! Надюху, твою, конечно. Люди. Путь-то не близкий. Слышал, что Марья сказала? Она без того не успокоится. Так что иди, гроб делай! Тут мы и без тебя справимся.

Негоже возле покойницы перепалку устраивать, а с дурной бабой ругаться и того хуже. Махнул дед рукой и вышел из дома. В дверях столкнулся с Элеонорой Григорьевной, чуть всю воду из ведер себе на ноги не выплеснул.

– Ты что, очумел! – кинула она в спину.

– Иди. Вот иди и вразуми бабу неумную, итить твою макушку, – в сердцах выпалил старик, не оборачиваясь, и пошел по размытой улице в сторону дома, разбрызгивая грязь.

* * *

– Странно как-то это даже и слышать, – произнесла Элеонора Григорьевна, когда узнала суть обнаруженного завещания, – В истории такого еще не случалось. Хотя время сейчас иное. Странное. Теперь все может быть. Но Москва... это так далеко. И потом пустят ли ее туда?.. Красная площадь все-таки. Думаю, что это невозможно.

– Что же нам делать? – растерялась Вера Сергеевна, – Как последнюю волю исполнить?

– Если исполнить невозможно, то не стоит и пробовать. И потом все эти истории о последней воле, по-моему, полная несуразность. Нет ничего после смерти. Это установленный наукой факт. И никого нет. Ничего не остается. Все исчезает. Некого бояться. Иначе, можно дойти до абсурда. Мало ли кто чего сделать после своей смерти захочет. Что же нам после этого всем на голове ходить, что ли? – высказалась бывшая учительница.

– И то верно... – облегченно согласилась самогонщица, – А что если она по ночам приходить станет? Свое требовать?

– Кто же это наговорил тебе такой глупости? – поинтересовалась Элеонора Григорьевна, – Марья, что ли? И ты, благоразумная женщина, мать троих детей веришь на старости лет в эти детские небылицы? Сама она всю жизнь занимается – не поймешь чем, так теперь и людей с толку сбивает. Повторяю, все это абсурдная дребедень. Верить в такие истории – ненаучно.

– Что же нам не обращать на это внимание? Похоронить ее тут? – озадачилась Вера Сергеевна.

– Конечно. Похоронить на нашем деревенском кладбище и все, – заключила бывшая учительница, – Нечего забивать себе голову всякой фантазией. Как, по-твоему, вообще это все может быть исполнено? Кто ее повезет до Москвы? Мы, что ли?

– Почему мы? Товарищи ее, по Партии. Кто же еще? – резонно ответила самогонщица, – Тут одних денег на такие похороны сколько уйдет. Должны же ее товарищи о ней позаботиться? Зря, что ли, она всю жизнь в этой их Партии проработала? Можно сказать себя не щадила и других тоже.

– Настоящей ленинкой была, – добавила с полу Анастасия Павловна, подкидывая в печку ломанные палки.

– Во-первых, нет больше такой Партии и сообщать о ней некому, – возразила Элеонора Григорьевна, – Во-вторых, нет больше у нее товарищей. Все кончились. Она последняя, можно сказать, осталась. Остальные все перерожденцы, как она сама утверждала, предатели и оппортунисты. Что же они, по-твоему, из-за нее в нашу глушь поедут большой представительной делегацией? Делать им нечего? И ради чего? Это же надо, придумать такое?! Надьку в Москву везти! Это же надо до такого додуматься, Надьку в мавзолей класть, к самому Ленину! Нашли народную героиню. Что она такого в жизни совершила, чтобы ей в одном мавзолее с Лениным лежать?

– Она достойна этого, – горячо воскликнула бывшая доярка, – Ее жизнь это сплошной подвиг.

– Как здорово она тебе мозги прополоскала. Не даром, соседки, – срезала бывшая учительница, – Для такого почета мало всю жизнь в деревне прожить. Надо стать личностью мирового масштаба. И то... станут еще думать, стоит ли ее в мавзолей класть. На что Сталин был человек, и того потом вынесли, рядом зарыли... А Надежда? Она – не чета самому Сталину?

– А как хорошо они рядышком бы смотрелись... – мечтательно протянула Тоська.

– Кто? – изумилась Элеонора Григорьевна.

– Вождь мирового пролетариата и Наденька наша, – произнесла Анастасия Павловна.

– Глупости! На нашем кладбище похороним, и дело с концом. Все равно никому сообщить о ее смерти не сможем. Да и сообщать некому. Некому исполнить, как вы тут заявили, последнюю волю. И смысла в этом никакого не вижу. Среди людей прожила, среди людей пускай и покоится. На простом деревенском кладбище. Все там лежат. И нам там лежать. Если потом хоронить будет кому, – закончила Элеонора Григорьевна и смахнула рукой скупую набравшую на ресницы слезу.

* * *

Дошел дед до своего двора, сел на лавочку, положил топор на колени, и навалилась ему на плечи тоска...

Жалко Надюху. Когда-то ухаживал за ней. Можно сказать, любил. Жениться на ней хотел. Даже гуляли вдвоем пару вечеров. Правда, на том все и закончилось. Не захотела комсомольская активистка марать чистую анкету. Хоть он и герой войны, и первый парень на деревне, и мужиков во всей округе раз два и обчелся, а все-таки сидел. Пусть после войны, пусть недолго, пусть реабилитирован, но все же... за антисоветскую агитацию и пропаганду, как враг народа. Вот, дура, баба. До чего коммунисты ей мозги проклеили. Правда, это потом, спустя полвека, ясно стало, а тогда... «Нет», – заявила решительно и глазами черными блеснула, как клинком отсекла. Это ему – молодому красавцу, чей портрет районные газеты печатали, по ком девки по ночам сохли... Забрало его тогда сильно. Горячий, безудержный. Раз, так! Окрутил назло ей райкомовскую зазнобу. Выбрал самую эффектную, самую недоступную, самую скандальную и женился. Мужик-то, что надо. Крепкий, курчавый, решительный. Напролом пер, как бульдозер. Все не почем. Шутка ли, у самого второго секретаря райкома из-под самого носа невесту увел. Всю деревню потом лихорадило: план втрое увеличили, горячее срезали, новых тракторов не дали, Председателя сняли. Задушили бы колхоз, если бы не Надежда. Тогда-то она в первый раз на защиту народа и встала. В Обком пошла, выступила. С тех пор

заметили ее власти. Стали своим вниманием баловать. Получается он дал ей путевку, своим безрассудством. Дальше пошло, поехало. Надежда – в небесах, он – на базах. Разминулись пути-дорожки. Может, оно и к лучшему. Уела бы его Надюха. Не прижились бы рядышком, как два медведя в одной берлоге. Ей массы подавай, а ему – щи наливай. Верка, хоть и выглядела неприступной, да заоблачной – обыкновенной бабой оказалась. Быстро в дому освоилась, мужа в работу впрягла и погнала по жизни с присвистом.

Вынул дед из кармана пачку дешевых папирос, закурил.

Воспоминания, словно ласковые кошки, легкими тенями выскользнули из под тело-грейки и закружились вокруг белым облачком, уводя за собой в далекое прошлое.

Вокруг лес шумит, из черной земли трава молодая прет, птички мелкие в густых ветках щебечут, сверху солнышко пригревает, теплый ветерок последними волосинками на голове поигрывает, грязь комочками спадает с сапог на усыпанный щепками двор.

Вот стена у хлева просела, бревна внизу прогнили, без малого полсотни лет простояли. Сам строил. Сам лес выбирал. Бревна зимой с другом по снегу тащил. Ни тебе трактора, ни лошаденки. Хочешь, не хочешь, а впрягайся и при. Тощие, голодные, до работы злые. Вот здесь прямо во дворе и корили. Звонкий лес, промерзший. Солнце на топорах играет, друг улыбается. Жена чай горячий в кружках железных выносит — «Испей, устал». Платок накинута, розовая от жара. У печи, верно, возилась. Ух, Верка, погоди вечер будет... Смеется...

Сквозь щербатый забор петух в огород прошел. За ним стайкой курицы устремились. Забор наклонился, повис на кривых подпорках, того и гляди рухнет. Подправить бы надо, щели забить, а то перетаскают кур лисы. Когда-то сам штакетины стругал, каждую с четырех сторон. Тонкая выходила стружка, кудрявая. Жена набивала мешок и нахваливала. Хорошая будет растопка. Платок на плечи накинута, розовая от жара. Под солнцем весь день бегала. Ух, Верка, погоди, вечер будет... Смеется...

У крыльца пес на земле спит. Не пройдешь мимо, споткнешься. Миску караулит. Сам когда-то крыльцо делал. Что б широкое, высокое, что б как лестница во дворце. Ступеньку к ступеньке подгонял. Все ровные, одинаковые. Перильца узорчатые. Крышу резным наличником украсил. Сколько лет прошло... Одна провалилась, грязной доской прикрыта. Другая – кирпичом подперта. От перил и следа не осталось. Пройдет раньше жена по лесенке, юбка колышется. Платок на плечи накинута, розовая от жара. Баньку топила. Ух, Верка, погоди, вечер будет... Смеется...

Это надо же до чего бабы дуры... Он для нее столько всего понаделал: дом построил, сарай, хлев, баню, забор, черта в ступе. Все, можно сказать, своими руками. Нет, ей мало. Ей все не уgomониться. Ей больше давай. Наперед всех в коммунизм пролезть хочет, в полное материальное благополучие. В одно рыло две ложки сунуть. Показать себя: вот, мол, какая я. Тьфу. Раскомандовалась. Генерал в панталонах... Любит она эти панталоны. Сколько раз в район ездил, все привозил разные. Наденет, красуется возле зеркала, срамота, а поглядеть приятно...

Это надо же до чего дожил, срамит баба перед всеми, будто последнего дурня. Иди туда, делай это, без тебя разберемся. Это ему-то. По ком все девки по ночам сохли. Кто, как Гагарин, с обложки журналов улыбался. Кто трактором норму делал. Нет, не дурень он деревенский. Мужик. И сам знает, что когда делать. И не просто мужик, а мужик – что надо. Работал – земля ходуном ходила. Пил – дым стоял коромыслом. Любил – весь дом сотрясаясь. По земле шагала твердо. Стоял крепко, как дуб. Не своротишь. Трех мужиков заделал... И где они?... На кого дом оставить?... Да и дом покосило. Пора нижний венец менять. Одному не сподручно. Помощник нужен...

Однако, пора идти, гроб делать.

* * *

Тем временем бабы обмыли тело односельчанки, одели в чистое и стали решать кому в деревню за участковым через лес идти. Вопрос оказался сложным.

Анастасия Павловна решительно заявила, что не пойдет ни за какие коврижки, хоть режь ее на месте, не пояснив, однако, причин своего отказа. Вера Сергеевна заметила, что это большое свинство, сперва заварить кашу, а после в сторонке отсиживаться. На что Тоська язвительно ответила, что некоторые всегда недолюбливали покойницу, часто недобро о ней отзывалась и всячески старалась ущемить. И потому теперь им невдомек, какое большое горе нормальных людей постигло.

Элеонора Григорьевна возмутилась такой постановкой вопроса, отметив, что все присутствующие относились к Надежде Константиновне с большим уважением. Это видно хотя бы из того живого участия, какое все сегодня явили. Самогонщица тут же отметила, что с ее двора и так больше всех выделено ресурсов, один гроб чего стоит. И вообще хозяйство оставлять нельзя, пусть даже и на мужа. Кто поминки собирать будет, если хозяйка начнет по лесу шататься, да по гнилым мостам прыгать? Элеонора Григорьевна ее поддержала, но обратила внимание присутствующих на свою больную ногу. Куда на такой ноге в распутицу доберешься?

Все недоуменно посмотрели друг на друга и решили обратиться за советом к Марье Петровне, благо та уйти далеко не успела, догнали.

– Не надо никому идти, – спокойно произнесла знахарка, – Поминки пройдут, он сам явится.

– Откуда знаешь? – удивилась Элеонора Григорьевна.

– Знаю.

– А если не явится? Тогда что? – осторожно поинтересовалась Тоська.

– Тогда я пойду, – заявила Марья Петровна, – Все одно в Селки собиралась. Спички кончаются.

– Как через речку то переберешься? – поинтересовалась бывшая доярка.

– Вплавь переплыву, – пояснила знахарка.

– Какие поминки без похорон? – пожала плечами Вера Сергеевна, – А как хоронить без бумаги? Кто бумагу даст?

– Да. Смерть необходимо освидетельствовать, – поддержала её бывшая учительница, – Порядок надо соблюдать.

– Пускай в доме лежит. Река спадет – видно будет, – посоветовала знахарка и пошла по своим делам дальше.

Переглянулись старушки, побрели обратно на двор Пыревой.

– Чего-то не поняла я. Не хоронить, что ли? – первой нарушила молчание Анастасия Павловна.

– Без бумаги хоронить нельзя, – глубокомысленно выразилась Элеонора Григорьевна.

– Что значит нельзя? Почему нельзя? Мы что, убили ее что ли? Чего нам бояться? – встрепенулась Вера Сергеевна, – Если кто сомневается, пускай выкапывает и смотрит. Надежде больше трех дней в дому лежать нельзя. Не положено. Не по-христиански. Мы виноватые что ли, что реку пройти невозможно? В конце концов, это наша деревня. Мы тут решаем, как жить, кого, когда и где хоронить. Народ мы или как?

– Теперь в стране демократия, – согласилась бывшая учительница, – Старые порядки ушли в прошлое. Теперь власть на местах устанавливается. Пора и нам почувствовать себя хозяевами. Мы сельский сход. Как решим, так и будет. Я об этом в журнале читала.

– Ну, а ты, Тоська, как думаешь? – поинтересовалась самогонщица.

– Я как все, – скромно ответила та.

– Значит, похороним на нашем кладбище, – вывела резолюцию Вера Сергеевна, – Там родители ее лежат. Рядышком и её положим. Все согласны?

Возражений не поступило.

– Тогда, может, и трех дней ждать не будем? Чего ждать? – двинулась дальше энергичная самогонщица, – Днем раньше, днем позже. Какая теперь разница? Завтра и похороним. Как, бабы, думаете?

Анастасия Павловна в ответ залилась слезами, а просвещенная Элеонора Григорьевна только пожала плечами, мол, делай, как знаешь.

* * *

Весь день трудился старик над непокорными, старыми досками. Взопрел от усердия. Пилил, стругал, приколачивал. К вечеру изготовил кондовый ящик ритуального назначения по форме больше напоминающий сундук со скошенными краями: прямоугольный, глубокий, с крышкой на ржавых дверных петлях и дверными ручками с каждого бока. Не умел Афанасий делать фигурные вещи, да и желания особого не испытывал обременять руки изысками. Тоска не пускала. Тем не менее, гордый достигнутым результатом, явил столярное изделие супруге.

– И что это? – критично осмотрела она деревянную емкость.

– Не видишь, итить твою макушку? – ответил самодовольно дед.

Вера Сергеевна растерла по щекам набежавшие слезы.

– Ты что? – растерялся старик.

– Нечто и мне изготовишь такую же... – жалостливо вымолвила она.

– Типун тебе на язык, – сплюнул дед, махнул досадно рукой и пошел в дом: что взять с глупой бабы?

На утро оттащили вдвоем плод тяжкий стариковских стараний до Красной избы. Крепкий получился сундук. Три раза по дороге роняли. Даже не скрипнул.

К назначенному времени подтянулись учительница с дояркой. Совместно внесли деревянное изделие в горницу. Стали готовиться к похоронам. Устлали дно ватным прописанным одеялом. Все одно пропадать, никому не нужно. Сверху простелили кумачовое полотнище, стянутое со стола, и уложили Надежду Константинову, прикрыв чистой на вид простынкой.

Вздохнули тяжело, приняли грамм по пятьдесят самогона, дружно взялись и отнесли на деревенское кладбище. Там возле могилки родителей на самом пригорке под кривой сосной выкопал дед Афанасий последнее место упокоения своей односельчанке. Земля оказалась сухая, легкая, практически один желтый песочек.

Опустили гроб в яму, сказали пару теплых слов на прощание, закопали в четыре лопаты и пошли в осиротевший дом помянуть, как положено, да разделить между собой пожитки, на добрую память. Наследников у старухи нет.

Марья Петровна принять участие в похоронах отказалась, даже высказалась как-то сердито в ответ на Тоськино приглашение:

– Зря меня не послушались. Будет вам лихо.

Но никто на нее не обиделся. Махнули рукой. Сами управились. И хорошо, что не пришла. Ни к чему за столом лишний рот, черный глаз, да пятая рука при дележе имущества.

Поминки вышли недолгими. Говорили мало. Сначала съели наследственного петуха. Кому он нужен? У каждого свой есть. Потом поели, того что каждый с зимы сэкономил и принес для общего стола. Выпили свежей самогонки.

Старухи быстро захмелели, стали песни тянуть:

Вот кто-то с горочки спустился.

Наверно милый мой идет...

Дед тихо нарезался. Стопка за стопкой, молча и сосредоточенно, пока не завалился на лавку спать. Что дальше происходило, и чем поминки закончилось, он не помнил.

Тем временем, отпев положенный поминальный репертуар песен своей молодости, бабы стали делить образовавшееся наследство.

Первые три части особых разногласий не встретили.

На книги, журналы и газеты, само собой разумеется, никто кроме бывшей учительницы претензий не высказал. Тем более, что содержание они имели в основном политическое, сильно занудное, заумное и почти без сопровождения ярких, цветных картинок. Поэтому все передали исключительно ей. Единодушное решение по данному вопросу достигли сразу. Пускай читает, раз грамотная.

Ветхий гардероб вместе со шкафом практически целиком перешел бывшей доярке. Любила она разные тряпки, а фиолетовый шерстяной костюм ушедшей подруги очень уж ей нравился. Пусть даже в талии узковатый и по длине коротковатый, зато отменные перламутровые пуговицы, цветные вставки и изящная вышивка искупали все недостатки. Натянула на себя Анастасия Павловна обнову, втянула живот и села счастливая, как перетянутый веревкой воздушный шарик.

Транзисторный приемник с телевизором достались Вере Сергеевне. Электричества в деревне все равно нет, а тратиться на дорогие батарейки только она может себе позволить.

Мелкие ювелирные украшения дамы расхватили относительно безболезненно, разделив по весу и ценности, благо, что их оказалась ровно три: цепочка, пара серег и кулон. Остальная мелочь в виде дешевой бижутерии шла довесками и сильно порадовала наследниц. Вспомнив далекую юность, они по очереди примеряли на себя различные бусы, вертясь перед зеркалом, словно маленькие девочки.

Зато большая золотая брошь с крупным изумрудом сразу оказалась в хватких руках Веры Сергеевны. В очередной раз решительно напомнив собравшимся о том большом вкладе, какой произвел их двор в организацию похорон безвременно усопшей наследодательницы, она безапелляционно объявила себя законным обладателем именно этой части имущества. Остальным ничего не оставалось, как согласиться с тем, что гроб действительно стоит денег, и уравнивать, таким образом, ранее выделенные доли.

Постельное белье распределили честно: каждому по две простыни, одному пододеяльнику и одной наволочке, включая деда. Лишнее пустили на тряпки, чтобы никому не стало обидно. Естественно, разорвали самое ветхое.

Повседневная посуда и прочие мелочи разошлись аналогично, хотя и не без споров. Зато за хрустальные рюмки, стаканы, вазы, графины, салатники и кубки старухи бились отчаянно. Ни на три, ни на четыре без остатка ничто не делилось. Кому-то непременно доставалось больше.

Анастасия Павловна настаивала на том, что лишнее должно перейти непременно ей, так как она первая обнаружила усопшую и всю жизнь оставалась ее ближайшей подругой. Вера Сергеевна горячо отстаивала интересы Афанасия. Его усилиями открыли дом и провели достойные похороны. Элеонора Григорьевна истерично кричала, что ей никогда в жизни не выпадали подобные вещи, но она всегда хотела иметь их и потому вправе претендовать на дополнительные предметы.

Уступать никто не хотел. Каждый считал себя правым. Взаимные обвинения и старые обиды засвистели из каждой как воздух из туго накаченной проколотой камеры. Если бы не отчаянное желание каждой непременно овладеть вожаделенной вещицей, то они так бы и разошлись, окончательно рассорившись. Но страсть поборол гордыню. И они, наконец, сошлись на том, что следует бросить жребий: кому чего выпадет.

Разделили.

Дошли до домашней живности. Старого, драного кота никто брать не хотел, равно как пятнистых кошек – своих много. Пришлось тем навсегда обрести свободу. Разногласия с новой силой разгорелись за обладание белой курочкой, знаменитой своей яйценоскостью. Несколько раз все сбегали в курятник на нее посмотреть. Пошупали, понюхали, погладили. При этом каждая норовила тихо улизнуть с ней на улицу, под предлогом показать петуху. Мол, вдруг, «жениху» не понравится, тогда и претендовать не станем. На самом деле наивно полагая, что, добежав до курятника, сумеет быстренько сунуть ее внутрь и захватить рекордистку. Не станут же остальные таскать курицу с чужого двора. Но претенденты решительно пресекали такие наглые попытки, ибо сами не лыком шиты.

Когда спор достиг опасной степени обострения, Вера Сергеевна предложила снова тянуть жребий.

– Фиг тебе, а не жребий. Не стану с тобой жребий тянуть. Ты жулишь, – злобно заявила Анастасия Павловна, крупно проигравшая при последнем распределении хрусталя.

– Можешь не участвовать, – нервно отсекала ее Элеонора Григорьевна. Как человек образованный она понимала, что в подобной ситуации необходимо искать конструктивное решение вопроса.

– Что, опять сговорились? Да? Против меня сговорились? Думаете умные такие? Не на ту напали. Я вам покажу, как сговариваться, – и доведенная до истерики Тоська вцепилась руками в жидкие волосенки бывшей учительницы.

– Ах, ты, сука! – взвизгнула от боли интеллигентная старушка и заколошматила маленькими кулачками толстые бока бывшей доярки.

– А ну, прекрати! – скомандовала Вера Сергеевна и наотмашь треснула Тоську деревянной разделочной доской по спине.

– Вдвоем на одну! – взревела обделенная наследством баба, – Ну я вам, гадины, покажу! – и бросив терзать волосенки обидчицы, сцепилась со второй, да так крепко, что обе кубарем покатались под стол, опрокидывая на пол посуду и прочую утварь.

Минут пять они неистово и зло валтузили друг друга, пока оправившаяся от шока Элеонора Григорьевна, не окатила их сверху ведром холодной воды.

– Ну, бабы, ну, вы даете! – патетически произнесла она, нервно поправляя растрепанные волосы. Села на стул возле стола, налила в стакан самогона и залпом выпила.

– Все равно – жулики, – тяжело выдохнула охлажденная доярка.

– Сама, черт лохматый, – коротко ответила самогонщица, громко хлюпая расквашенной картофелиной носа.

– Мокрая! Вся мокрая! Я мокрая вся! И кофту порвала, – заскулила разобиженная Тоська, – Зачем кофту порвала. У меня что, кофтов миллион? Почто кофту порвала. Новую. Дырка вот. И мокрая...

– Вот, черт лохматый, у тебя барахла сколько. Это вот мне переодеть нечего. С ума сошла, людей поливать? Себя полей, черт лохматый. Образованная еще, – Вера Сергеевна, встала, поправила на себе перевернутую задом наперед юбку, подошла к столу и хлопнула самогонки, – На, черт лохматый, выпей. Полегчает, – протянула стакан Тоське.

Та приняла и несколько успокоилась.

– Возьму у тебя ватник. Сухой. Завтра верну, – не стесняясь присутствующих, самогонщица стянула с себя мокрую одежду, развесила над печкой, запахнулась в перешедший по наследству к доярке ватник и села за стол.

Ее примеру последовала и вторая сторона потасовки. Тяжело пыхтя, она натянула на бесформенное тело обнаруженные в шкафу различные предметы пырьевского гардероба, уподобившись клоуну.

Воцарилась минутная пауза. Все глубоко переживали потрясение. Спиртное приятно согревало внутренности. Умиротворяло взбудораженную душу. В голове зашумело, повело...

Вот кто-то с горочки спустился...

Завела Вера Сергеевна.

Наверно милый мой идет...

Подхватила Анастасия Павловна.

Элеонора Григорьевна вынула из эмалированного таза большой кухонный нож и вышла из комнаты. Пока бабы допевали песню, она вернулась с обезглавленной спорной несущкой и бросила тушку на стол перед спорщицами.

– Вот, делите, – сухо хлестанула, поправляя окровавленной рукой очки на остром носу.

– Общипать надо, – с полным безразличием в голосе произнесла Вера Сергеевна.

– Ой, мамочки! – побледнела Анастасия Павловна, – Белушка... – слезы градом покатились по толстым щекам, и она стремительно выбежала из дома.

– Куда это она? – поинтересовалась бывшая учительница.

– Поревет и вернется. Барахло не бросит, – заметила самогонщица, – Однако, как деньги делить будем? Тут их сто двадцать пять рублей тридцать копеек.

– Конфет купим. И поделим, – предложили Элеонора Григорьевна.

– Умница, – оценила Вера Сергеевна, – Помянем Надюху. Мир праху ее...

Выпили. Прошел час. Каждая аккуратно поковала свою долю. Анастасия Павловна не возвращалась. На улице стало смеркаться.

Обеспокоенные старушки пошли к дому Тоськи, благо тот стоял рядом.

Темные окна, настежь распахнутая дверь. Рыжий пес жалостно скулит в сенях. Темно, безмолвно...

Поскрипывая половицами, осторожно прошли на кухню.

Анастасия Павловна сидела на полу возле опрокинутой табуретки, широко расставив короткие ноги. Покатые плечи мелко тряслись, с толстой шеи свисал обрывок гнилой веревки. Она тихо рыдала, закрыв ладонями круглое лицо.

– Ты что, Тоська! – в сердцах воскликнула Элеонора Григорьевна, бросаясь к ней на пол, – Ты что, милая!

– Вот, черт лохматый... – оценила ситуацию Вера Сергеевна и, тут же подцепив из ведра полный ковш холодной воды, сунула под нос рыдающей Анастасии, – На, выпей.

– Не жить мне без милой Белушки. Я ее так хотела. Я ее так любила... Она всю зиму кормила нас. Яйца несла. Никто больше не нес. Только она несла. Мы с Надеждой молились на нее. Это была такая курочка, такая курочка... Что вы, бабы, наделали!.. – причитала Анастасия Павловна.

– Прости. Прости меня, Тоська. Я же не знала. Я же не хотела. Я хотела, как лучше. Чтобы мы больше не ссорились. Чтобы мы жили дружно. Нас же так мало осталось, – целуя ее, говорила Элеонора Григорьевна, – Кто же знал, что она тебе так дорога. Если бы я знала, я ни за что... я бы ни когда так не сделала. Мы бы только тебе ее и отдали. Что же ты нам не сказала, Тоська. Мы же не знали...

– Зачем убили Белушку? За что зарезали? Лучше бы меня убили. Лучше бы меня зарезали. Не хочу больше жить. Все равно зимой сдохну, – редела бывшая доярка.

– Не сдохнешь. Мы не дадим тебе сдохнуть. Мы поможем. Всем миром поможем. Мы теперь дружно жить будем. Будем беречь друг дружку, заботиться. Что нам делить? Сколько нас осталось: ты, я, да Верка, – успокаивала ее учительница, – Что нам на троих еды зимой мало будет? Все у нас будет хорошо, Тоська. Все у нас будет.

На улице стемнело. Вера Сергеевна зажгла свечу, закрыла дверь изнутри, растопила печь. Вскипятили чайник и долго пили чай, тихо беседуя. Далеко за полночь легли спать, все вместе на одной тоськиной широкой кровати. Прямо на покрывало, сверху, не раздеваясь, твердо решив, что утром всех оставшихся кур отдадут ей, и кроме того проигранные в жребий большой хрустальный кувшин, салатник и конфетницу.

* * *

Афанасий проснулся в залитой солнцем горнице. Вокруг ни души. Черный кот под столом куриными костями хрустит, зеленым злым глазом коситься. Какие-то узлы с вещами на полу лежат. Остатки вареной картошки на тарелках сохнут. Стопки недопитые поблескивают.

Слил дед остатки в один стакан, успокоил продукт, пошел на улицу. Дернул входную дверь – снаружи чем-то подперта. Поднавалился, оттащил в сторону деревянный чурбан, вышел во двор. И там пусто.

Тихо, птички в кустах щебечут, петух из соседнего огорода кукарекает.

Пошел дед пустынной улицей по деревне. Раньше на ней два грузовика свободно разъехаться могли. Теперь одна разбитая тракторная колея осталась, с обеих сторон кустарником подпертая. Не улица, а одно название. Тропа звериная, да и только. Прет лес со всех сторон, зарастает деревня.

Вошел на свой двор, кур с утками гулять выпустил. Странно, времени полдень, а птица в курятнике. Скотина в хлеву орет не кормленная. Пес скулит в доме запертый. Не проснулась еще Верка, или ушла куда?

Открыл старик дом, прошел на кухню. Зачерпнул кружкой воды из ведра, заглянул в комнату. Стоит кровать не тронутая. Нет жены в доме. Куда баба подевалась?

Снова во двор вышел. На лавочку сел.

В голове гудит, на душе тошно.

Жалко, конечно, Надюху. Красивая была баба. Видная. Не его правда, но все же... Зря Верка кривилась. Хороший гроб сделал. От души постарался. Доски, как следует выстругал. Друг к дружке пригнал плотно. Ручки крепкие привернул. Для себя хранил. Не гроб получился, загляденье. Хорошо ей будет в таком гробу лежать. Кто бы обо мне так позаботился...

Жмурится дед на солнышко, холодную водичку из кружечки попивает.

* * *

Участковый милиционер Василий Михайлович Донкин объявился ровно к полудню. Видный мужик средних лет, высокого роста, крепкого телосложения он имел круглое, розовое лицо, можно сказать, сытое и без особых примет. В милиции оттянул без малого пятнадцать лет службы, но за отсутствием заслуг перед Отечеством в звании сильно не продвинулся, надолго завис в капитанах, что сильно угнетало его впечатлительную натуру. Как человек недалекий он винил в этом кого угодно, только не свое разгильдяйство и природную лень.

Грязный, злой, уставший от долгой дороги он ввалился во двор Афанасия и с ходу выпалил:

– Наливай, дед, стакан, твою мать... Что смотришь? Знаю, у тебя есть.

Старик не любил милиционеров. Они сына родного ни за что посадили. Его самого в молодости за здорово живешь укатали в далекие лагеря. Он жил в лесу, наедине с дикими волками, ничего уже не боялся, и потому ответил прямо и просто, как ответил бы каждый очутись на его месте – обыкновенными словами, в переводе с просторечного означающими:

– Да пошел бы ты, нехороший человек, куда подальше, быть может там тебе и нальют...

Василий Михайлович грубого обращения со своей хрупкой особой не терпел, да и умонастроение имел в тот день мрачное, а потому сильно обиделся.

– Ах, мать твою... – взревел он, выхватывая из под промокшей, облепленной грязью шинели табельный пистолет, – Милицию не уважаешь? Сволочь!

– Я, итить твою макушку, сам тут милиция, и тебя в гробу видел, шарамыжник, – мягко парировал Афанасий, словно не замечая нависающий над ним опасности, – Будешь, итить твою макушку, шалить, собаку спущу.

Говорил дед, конечно, словами не литературными и потому весьма убедительными. Старый обленившийся пес, даже не гавкнул на страшное чучело, выкатившееся из леса. Единственная его забота заключалась в том, чтобы добыть где-нибудь пожрать, после чего спрятаться куда-нибудь от волков, чтобы самого не сожрали. Но милиционера это задело сильно.

– На меня, собаку!.. Встать, сволочь, – зычно скомандовал он.

Но на старика это не произвело ровно никакого впечатления. Что ему какой-то милиционер с пистолетом, когда на душе такая тоска, что помереть хочется. Неизвестно чем бы это все кончилось, если бы в этот момент с улицы не вошла Вера Сергеевна.

– Ах, Василий Михайлович, радость-то какая, – всплеснула она руками, быстро оценив ситуацию, – Какими судьбами? Никак к нам пожаловали! Да что это вы тут во дворе стоите, в дом не заходите? Или ворон пугать вздумали? Так их нету сегодня. Все в лес улетели. Одно чучело осталось, так его и пугать не надо. Оно пьяное.

– Тьфу, мать твою... – выругался милиционер, убирая оружие в кобуру, – В другой раз, дед, я тебя точно пристрелю, понял?

– А ну, тебя, к лешему, – в полном безразличии махнул на него рукой Афанасий и хлебнул холодной водички из жестяной кружечки.

– В дом пройдите, Василий Михайлович, – приветливо пригласила хозяйка, – Сколько лет, сколько зим... У меня настоечка свежая поспела. На березовых почках. Очень от утомления помогает. Усталости как рукой снимает. Не откажите попробовать.

* * *

– Налей, Верка, для сугреву, – скомандовал с ходу участковый, едва перевалив грязными сапогами через порог дома.

Выпил служивый залпом стакан, крикнул, на табурет сел и обмяк разом.

– Ну, и дорога, твою мать... – повело его, – Еле добрался. Мотоцикл на первом километре увяз. Пришлось бросить. Пешком пер. Лесом. Один. По грязи. К березе прислонил и пошел. Надеюсь, не сопрут. Реку так разлило, твою мать... Думал по мосту пройду, а и хрен тебе. Чуть не утоп. Как хряснет подо мной. Еле выплыл, твою мать... И когда только вы все сдохнете?

– Не дожدهшься. Сто лет будем жить, – срезала хозяйка, – Что расселся, ноги растопырил. Приберись. В дому чай, не в стойле. В сенях шинель скинь. Весь пол загваздал. Натоптал, черт лохматый. Влез весь грязный. Вечно одни неприятности от вас, от милиции.

Обменявшись дружескими любезностями, Вера Сергеевна заставила блюстителя порядка отнести шинель в сени и снять сапоги, после чего пригласила отобедать. Гость охотно согласился, разулся и долго фыркал возле рукомойника, оттирая грязь с различных частей тела и казенного обмундирования. Его мокрые носки хозяйка вывесила над горячей плитой, дав взамен стоптанные кожаные тапочки мужа.

Через окно кликнули Афанасия. Тот по-прежнему продолжать греться на солнышке и только махнул рукой. Без меня, мол, не хочу.

– А ведь мы тебя ждали, Василий Михайлович, – начала разговор хозяйка, ставя перед участковым тарелку горячих щей, – Марья сказала, что сегодня ты будешь.

– Так и сказала? Кто сказал? – удивился участковый, примеряясь алюминиевой ложкой к первому.

– Давеча Надежда наша померла. Посылать за тобой хотели. А кто пойдет? Сам говоришь, дорога плохая. Вот она и говорит, как поминки справим, так ты сам к нам и явишься. Сказала, и вот он ты. Поминки только вчера справили. Помянули, вот ты и пожаловал. Кушай, пока горячее.

– Вот как... Так и сказала? Вот ведьма. Постой. Кто, ты говоришь, помер?

– Надежда. Третьего дня. Похоронили вчера. Поминки, говорю, вчера справили. Вот ты и явился, – пояснила Вера Сергеевна.

– Как это померла? Как это схоронили? А труп где?

– На кладбище, как ему и положено. Где же ему еще быть?

– А кто освидетельствовал? А справка!

– Никто. Так никто же пройти не может. Распутица. Сам, говоришь, чуть не утоп. Не лежать же ей в избе до самого лета. Тебя не докличешься. Телефона у нас нет. Убивай нас тут всех, никто не услышит. Вот и похоронили. А ты как думал? Тебя ждать будем? Да, ты не думай чего. Она сама померла. Все видели. Как положено. Легла спать и померла. От старости. Не веришь, у людей спроси.

– Кто тело нашел?

– Соседка ее, Тоська. Прибежала, померла, кричит. Мы все пошли. Дед мой через окно в дом пролез, дверь открыл. Мы вошли. Она на кровати лежит, вся холодная. Мертвая совершенно. Мы обмыли ее, как положено, и вчера схоронили. Вот и все.

– Ну, вы тут дадите?.. Я же пришел показания с нее снимать.

– Какие еще показания?

– Начальник послал показания снять по поводу вашего чертова кабеля, который у вас на хрен срезали. Она заявлениями всю прокуратуру замордовала. Вот меня и послали.

– Так ты бы еще лет через пять пришел. Мы бы тут как раз уже все перемерли. Проснулся. Здравствуйте. Кабель поди лет десять назад срезали. А ты когда явился?

– Когда положено, тогда и явился. Не твоего это ума дело. Явился, когда надо было явиться.

– Ну, так ты явился как раз вовремя. Иди, снимай с нее показания. Она ждет тебя на кладбище. Лопатку тебе дать или так с нею договоришься?

– Да, ну тебя, глупая баба. Тут дело серьезное. Что вы тут наделали? Что мне теперь делать?

– Ты супчику поешь. Да выпей еще немного. Там видно будет, – посоветовала Вера Сергеевна и налила озадаченному участковому еще один стакан янтарной самогонки.

Милиционер выпил. Потом еще раз, для шлифовки, под горячую картошечку. И под конец обеда ему стало хорошо.

– Черт с ней, что померла. Давно пора было, – бодро зарассуждал он, размахивая вилкой, – Нет заявителя, нет и Дела. Спишем в архив, и все. Правильно, что померла. Жаль, телефона у вас нет. Позвонили бы, так я бы и не приезжал. Насчет справки не беспокойся. Сам оформлю. В лучшем виде. В собес сообщу. С учета сниму. Свидетельство выпишу. Родственников у нее нет?

– Никого, – ответила хлебосольная хозяйка, порозовевшая от горячего обеда, – Одинокая была старушка.

– Помянем, по-человечески, – предложил участковый.

Помянули.

– С барахлом сами разбирайтесь. Но дом не трогайте. Дом государству отходит. Хотя деревни как бы и нет, но порядок соблюдать требуется. Чтобы дом стоял. Кто его знает, как все обернется. Потому, пускай стоит. Опять же проверка, вдруг, какая из района. А дома нет.

Не порядок. С кого спросят? С меня. Я в другой раз приеду, проверю и все опишу, на протокол. Чтобы не разбирали. Знаю я вас. Быстро на дрова растащите. Прямо муравьи какие-то.

– А ты видел? Ты за руку ловил, черт лохматый? Чего говоришь? – возмутилась Вера Сергеевна.

– Ловил, не ловил, а знаю. Кому, кроме вас? Куда дома подевались? Целая деревня была. Где она? Где дрова берете? В лесу? А кто лес рубить разрешил? Что у вас в поленницах лежит? – явил гость служебное рвение.

– Да кому гнилушки твои нужны? – возразила собеседница, – Что ты за них беспокоишься? Списали деревню и ладно. Все, нет ее. Никаких домов нет. Чистое поле. Лес. Скажи еще спасибо, что за тебя работу твою делаем. Остаточки подбираем.

– Все равно. Не порядок. Ясно? Ну, ладно, засиделся я тут у тебя. Идти мне пора. Мотоцикл в лесу брошен, – Василий Михайлович встал и, пошатываясь, направился к выходу, – Где тут у тебя сортир, Верка? Налево? Хорошо. А суп у тебя, Верка, гадость. Ни хрена щи варить не умеешь. Что вылупилась? Ха! Да шучу я. Шучу. Жрать можно. Один раз, – громко рыгнул и вышел из кухни.

* * *

Однако указанного хозяйкой отхожего места незваный гость в сених не нашел. Вместо этого он очутился во дворе. С наслаждением помочился на поленницу дров, слегка обрызгав спавшего возле нее старого сторожевого пса. Того, в принципе, это несколько не потревожило и даже не удивило. Затем присел рядом с дедом на лавочку, положил ему пухлую руку на плечо и душевно произнес:

– Хороший ты мужик, дед.

На что тот с полным безразличием ответил:

– А ты, итить твою макушку, дерьмо полное.

– Совершенно верно, – охотно согласился милиционер, – Служба у меня такая. Потому как я есть из внутренних органов.

– Тогда, итить твою макушку, давай выпьем.

– С удовольствием.

Они выпили. Откуда там оказалась литровая бутылка самогонки, никто не знает. Не то участковый с собой прихватил со стола, не то дед загодя припрятал для хорошего человека, только откушали они из нее изрядно, по очереди прикладываясь к узкому горлышку. Истрадалась душа Афанасия по мужицкому разговору. Накапилось внутри, выплеснуть некуда. Мент, хоть и не мужик, но все же не баба. Понятие о жизни имеет. В конце концов, сгодиться и он, если больше поговорить не с кем. Тем более, что сам лезет, на душевную беседу, напрашивается.

Голова у деда дурная, на душе тошно, выпил много и натошак. Вот и понесло неискушенного старика, так, что после второго захода на горлышко он совершенно расслабился, почти разрыдался и рассказал участковому, что по молодости лет любил Надюху безмерно, мечтал жениться на ней, но она него решительно отвергла по причине прошлой его судимости. В результате всю жизнь промаялся с Веркой, родившей ему трех сынов. Один сын за «Родину-уродину» головушку сложил, второго «менты-скоты» за хобот прихватили, третий пропал в «черной дыре – неизвестно где». Ни деревни нет больше, ни радости никакой. И виновата во всем Надюха, и все ее кругломордные коммуняки. Потому как отказала ему в любви, потому как сгубили, сволочи, деревню, удушили трудовое крестьянство, одно отребье на земле перекатывается. Нет больше крепких хозяйств, некому растить на полях хлеб, некому Родину кормить. Был отец – молодец, всю деревню в кулаке держал, никому без дела сидеть не давал, да и того в Сибири сгноили. Пропала последняя опора, некому стало учить правильной жизни,

вот и прожил лодырем – лоботрясом все свои годы, так что и вспомнить теперь нечего. Кончилась пустая жизнь, будто и не начиналась вовсе. Одно остается упиться вусмерть, потому как все надоело. Для того, что ли, войну воевали, колхозы лепили, детей рожали, чтобы потом погибнуть в лесу, вдали от всего прогрессивного человечества.

Давно не встречал дед такого внимательного собеседника, давно не проявлял Василий Михайлович такого искреннего интереса к беседе. Не то задело его мелкое самолюбие пренебрежительное отношение к себе простого мужика, не то сработала общая, выработанная годами профессиональная подозрительность, только захотелось ему сотворить в ответ, по своему обыкновению, какую-нибудь гадость. Вошла в пьяную голову мысль, что неспроста селяне так спешно схоронили покойницу. Подлую натуру имел милиционер, недалекую, мстительную. Работать не любил, зато халяву хорошо чуял и фантазией особенной не отличался. А тут дело вырисовывалось живое. Виновников и искать не нужно. Вот он, сидит перед ним, кается. Припугни, надави и признается. Уже сопли во всю мотает. Решил участковый, что именно этот старик и замочил старуху. Тюкнул ночью топором по черепу, быстренько схоронил и концы в воду.

«Почему никто не сообщили о смерти? Дороги, говорите, нет? Так я же проехал. Врете, гады, – размышлял он, пока дед самозабвенно откровенничал, – Ишь рожа какая хитрая. Милицию не любит. И Верка его – стерва. Покрывает мужа. Наверняка старуха за жизнь иного денег скопила. Эти оба жадные. Вот и притюкнули. В отместку за то, что старуха на них доносы строчила. Все требовала прижучить самогонщиков. Денежки прихапали, а теперь жалются. Но меня не проведешь. Жаль, оборвалась последняя ниточка. Кто теперь будет доносы писать? Как мы узнаем, что в деревне делается?»

– Жалко старушку стало? – спросил милиционер, прихлебывая из бутылки.

– Жалко, итить твою макушку, у пчелки, – ответил дед, – Себя, итить твою макушку, жалко. Как стали Надьку закапывать, чуть не расплакался.

– Каешься, значит?

– Каюсь, – кивнул головой Афанасий.

– Вот и правильно. Тебе это зачтется. Чем ты ее тюкнул?

– Эх, тюкнул... Кабы, итить твою макушку, еще разок тюкнуть... Мало она жизнь мне испортила, так потом еще и гнобила. Коммунизму, итить твою макушку, захотела. Я говорю, выходи, за меня, а она мне во, – показал дед участковому красный кукиш – Хочу, говорит, верховодить. На красной макушке сидеть. Пошел вон от меня со своей ходкой.

– Сидел, стало быть. По второй пошел, – прикинул мент, – Ну, и что?

– Не пара, говорит, мы... Забудь. Я ей, итить твою макушку... а она мне, итить твою макушку. Упертая. Не перегнешь. Светлый путь, говорит. А ты меня к печке? Забрало меня, затрясло – страсть. Обидно! Размахнулся, как дам ей, итить твою макушку...

– Топором?

– В морду.

– Один? Два раза?

– Она иак, итить твою макушку, и в траву повалилась.

– Ага.

– После того все, как отрезало. А-а, все одно... – махнул дед рукой, принял бутылку, приложился, – Думал, все коммунизмом покроет. А хрен вышел. Все боком. Все зря. Зря батьку сгнобили, зря крестьян побили, зря жизнь прошла... Вот, кем бы я был, итить твою макушку? Вот, кем бы я был! – сунул кулак в нос участковому, – Хозяином. Мужиком, итить твою макушку. А кем стал? Вот кем я стал, – плюнул в грязь под ногами, – Итить твою макушку... Кому это надо?.. Тебе?.. Ей?..

– Стало быть, старое вспомнил? За старое того... да? – догадался участковый.

– Схоронили – беда. Места себе не найду. Как вспомню, итить твою макушку, – тоска. За что, спрашиваю? Куда годы делись? Ничего, итить твою макушку, не осталось. Впереди бездна, пустота, мрак, – философски заключил старик.

– Значит, не отрицаешь, что виноват? – потер ладошки милиционер.

Уронил дед голову на грудь и слил по щекам слезы.

– Значит, добровольно сдаешься?

Афанасий только кивнул.

– Молодец. Давай руки, я тебя арестовывать буду, – участковый достал из кармана наручники и повертел ими на пальце перед носом разоблаченного преступника.

– Ты кто? – уставился ословевшими глазами старик на расплывчатую физиономию чужого человека, словно впервые его увидел.

– Кто? – не понял милиционер, обернулся. Но третьего рядом не обнаружил, – Я?

– Ты.

– Донкин. Участковый. Арестовывать тебя пришел. За убийство, – пояснил Василий Михайлович.

– Кого?

– Что кого?

– Кого, итить твою макушку, тебя звал? Уйди. Мне плохо, – отмахнулся дед.

– Ты, мужик, на меня не обижайся. У меня работа такая. Ты убиваешь. Я арестовываю. Давай ласты, клеить буду. Отдай бутылку. В принципе, я тебя уважаю. Ты молодец. Самогонку варить умеешь. Не то, что эти в Селках, губошлепы. Такое пойло... башка трещит, – участковый забрал бутылку, глотнул из горлышка, блаженно зажмурился, ощущая приток живительной влаги, – Забористая. Ценю... Эх, в баньку бы сейчас... – на этой фразе голова его тихо поехала в сторону и он медленно стек с неудобной лавочки на теплую мягкую землю.

Мысль медленно погасла в гулкой голове, и глубокий сон объял истомленное трудной дорогой тело работника милиции.

* * *

– Итить твою макушку, – оценил результат Афанасий, озирая блуждающим взглядом вокруг родной двор, – Был человек, нет человека. Куда делся? Вот он! Откинул тапочки. Итить твою макушку, это же мои тапочки. Верка! Верка! Это мои тапочки!

– Господи, Василий Михайлович! Что это с ним? – выбежала на крыльцо Вера Сергеевна.

– Это мои тапочки, – поднял с земли кожаные шлепки Афанасий, – Итить твою макушку! Он их спер. Верка, мент тапки спер.

– Да не спер. Я дала, – пояснила супруга, поспешно подбегая к участковому, – Василий Михайлович, что с вами? Вы меня слышите?

– Может это и Василий Михайлович... а тапочки мои, итить твою макушку, давать не надо. Зачем? Может он больной. У него может грибок. Как я одену?

– Дались тебе тапочки. Старые это тапочки. Ты их давно не носишь. Брось, пакость всякую, – завертелась вокруг хозяйка, – Давай, поднимай его. Опять налился! Ну, что ты с ним будешь делать!? Вот что теперь делать? Вот, сволочи, же вы какие! Опять упились, черти лохматые! Одна морoka мне с вами. Откуда бутылку взял? Она для тебя припасена, что ли?

– Давай жрать, Верка, итить твою макушку.

– Щас. Жрать тебе. Бери его, говорят.

– Кого? Этого. Кто это, итить твою макушку? – наклонился старик, чуть не падая следом, – Это он пистолетом махал? А если бы стрельнул? Если бы глаз выбил? Слепым ходить? Видала, какой о... – поднял старик вверх указательный палец, – Арестовывать, итить твою макушку, пришел.

– Тебя? За что? – встрепелась супруга.

– За Надьку. Слыхала? Я ей, итить твою макушку, по морде дал.

– Ты? Надежде? Когда?

– До тебя еще. Давно. Она, итить твою макушку, мне этого простить не могла. Откуда он знает? Арестовывать пришел. Итить твою макушку... Ишь как?..

– Вспомнила бабушка девичий вечер. Брось. Глупости все. Бери нести, черт лохматый. И почто ты только на мою голову свалился. Бери, говорю. Чего сидишь?

Старик, наклонился, поднял с земли наручники,

– Итить твою макушку, гляди штука какая. Лучше веревки. Помнишь, в кино видели? В клубе тогда... про этих... как их там... шпионов... Мне такие надевали. Крепкая штука. Арестовать хотел, итить твою макушку. Тапочки мои одел...

– Давно сжечь пора эти тапочки. Чего ты к ним прицепился? Я дала. Старые они. Кошка еще в них написала. Никому не нужные. И ты никому не нужен. Вовсе не к тебе он приехал. Он к Надежде приехал, понял? – пояснила выходящая из себя супруга.

– Допустим, я виноват, – продолжал рассуждать старик, – Обыкновенное дело. Подумаешь, звизданул по морде. Итить твою макушку, с кем не бывает? Она померла, что ли? Столько лет прошло...

– Давно пора тебя арестовать, черт лохматый, – зло отрезала супруга, – С утра ничего не ел и напился? Разве так можно? А этот гляди, как раскинулся, боров. Куда вот его сволочить? Весь двор, черт лохматый, занял.

– Что я ему сделал? – продолжал дед пьяный разговор, – Сижу, никого не трогаю. Заявляется. Здравствуй! Видали начальника? Давай-ка его. Вот так, – дед, несмотря на изрядное опьянение, ловко защелкнул стальные браслеты на запястьях участкового милиционера, – Пускай Надьку ловит.

– Очумел, черт лохматый? – опомнилась Вера Сергеевна, – Это же наш участковый, Василий Михайлович!

– Итить твою макушку, – заявил Афанасий, – Сижу. Пришел. Наорал. Кто он такой? Тапочки мои одел...

– Ой, дурной, ой, дурной, – всполошилась баба, – Он же милиционер!

– В гробу его давеча видел. Их всех арестовать надо! – зашумел дед и, вдохновленный вспышкой собственной революционности, наклонился, достал из милицейской кобуры табельное оружие и, потрясая им в воздухе, решительно направился в сторону леса, – Где тут менты? Выходи, итить твою макушку! Всех заарестую! Все порешу!

– Вот, дурак! Вот, дурак! – запричитала супруга, но старику она не помеха. Нетвердой походкой он миновал дальнюю калитку и скрылся в глубине дремучего кустарника.

Вера Сергеевна в отчаянье махнула рукой в след мужу и потащила тяжелую бесчувственную тушу участкового в сторону сарая. Ближе – некуда. Не оставлять же на улице? Не в первой бабе пьяных мужиков таскать.

Как так получилось, что дед арестовал милицию, он и сам не понял. Вышло как-то само собой, как часто бывает, когда следуешь неосознанному внутреннему побуждению, особенно если оно сильно одобрено алкоголем. Потом обычно ничего не помнишь, и совершенные действия воспринимаются забавным происшествием. В том случае, если они не заканчиваются весьма печально. Но кто думает о том, как они могут закончиться? Это все будет потом, в далеком будущем, где ничего еще не известно. А пока все легко и понятно. События складываются сами собой в свою логичную последовательность, отворяя одну из дверей в длинной череде возможного.

* * *

Взобравшись на пригорок, дед вышел к деревенскому кладбищу. Ноги сами принесли его к свежей могиле Надежды Константиновны.

Простой деревянный крест, наспех сколоченный из двух досок, песчаный холмик, прикрытый скромными еловыми веточками. Сквозь мохнатые кроны высоких сосен солнечная паутина по сухой земле стелется, пушистые облачка чистят голубое небо, птички свиристы по-весеннему, а настроение у деда паршивое. Прислонился к кресту, вздохнул тяжело.

– Ушла, Надюха, оставила, – произнес он, – Мне то что, итить твою макушку, делать? Чего ждать? Так и буду вас баб на кладбище по одной носить? А меня кто снесет? Сколько протяну, сколько самогонки выпью, все одно – конец – сюда, рядышком. Если хоронить, кому будет. Эх, Надька, итить твою макушку... Во что ты нас вогнала? Где оно твое Светлое будущее? Вот это оно, что ли, лесом заросло. Видишь? Дома пустые. Люди все кончились. Некому строить, итить твою макушку, коммунизм? Начудила и в кусты? Эх...

Присел рядышком на чужую скамеечку, задумался. Жил, себе жил, день за днем перелистывал, все ждал, когда оно лучшее станет, и вот тебе на... Обманули. Поманили, увлекли и бросили. Старое порушили, нового не дали. Кинули калач размером с кумач, и думали им как Христос весь мир накормить. А не вышло.

Вновь стрика забрала печаль, да такая, что хоть волком вой. Откуда только вынырнула? Не из леса. Изнутри. Прет, как цунами. Ни самогонки выпить, ни пожрать – ничего не хочется. Куда сбежать от проклятой? Некуда. Лес кругом. В самую пору повеситься. Вот кабы деньги были, в город бы сбежал. Там много веселья разного. Только кто его там ждет? Страшно одному в городе, да и денег нет. Если только у старухи взять. Да разве она даст? Сынам копит. Вернется, говорит, Федька, ему на хозяйство надо. Если, конечно, вернется... Хорошо бы вернулся. Может, и тоска тогда уйдет. А не уйдет, так похоронит, как положено, батьку. Вот здесь на теплом пригорочке, с нею рядышком... И что в этом городе делать? Годы не те. От бывлой красоты один голый череп остался с оттопыренными ушами. Какой бабе такой хачель нужен? Смех один. И деньги не помогут. Глупости все. Не уехать отсюда. Некуда, да и незачем. От себя не уйдешь. Кончено все. Прошло, словно один день. Не туда жизнь повернула, не за то ушла, не за то её отдал. Нужно было за землю держаться, хозяйство вести. Какое бы оно теперь стало это хозяйство... Так ведь не дали бы. Задушили. Замытарили. Какое может быть хозяйство, когда рядом Надька сычом смотрит. У кого было тогда смелости набраться против нее переть? А теперь силы не те. Жизнь хоть и повернулась по иному, да поздно. Не сбыться мечтам: чтобы дом большой и земли много, чтобы стадо тучное и работники работающие. Не такое грязное, убогое, колхозное. Смотреть на него больно. Чтобы, как на картонной коробке из под молока: чистые, ухоженные, толстые. Чтобы трактор весь день трещал, и чтобы конюшня битком, чтобы верхом на коне по полю...

Кончилась мечта. Все кончилось. Одни сосны над головой шумят.

Достал Афанасий из кармана ментовский пистолет, повертел в руке, передернул затвор.

Бабах в голову и поплывет вдаль с белыми облачками по течению, словно птица. Раскинет руки по ветру, охватит душой солнце и раствориться в бесконечности неба. А там, глядишь, и Надежду на своем пути встретит. «Привет, – скажет ей, – Как нашла свое Светлое будущее?» «Здравствуй, – ответит она ему, – посмотри как светло кругом. Это и Оно есть». Обнимет его, и поплывут они вместе, прямо в самую синь горизонта...

«А если там нет ничего? – подумал дед, – Одна черная пустота. Тогда что?»

Померкнет лес, исчезнут облака, погаснет солнце. Не останется ничего. Сотрется все: и то, что было, и то, что есть, и то, что будет. Навсегда, без остатка, необратимо. Свернется в черную маленькую точку, раствориться в безмолвной темноте, вдавится в грязь и хлюпнет под сапогом участкового. Так хоть есть что-то, что можно ощущать, чему-то радоваться, чем-то любоваться. Пусть не такое яркое, пусть ноющее и тоскливое, но все же...

Призадумался старик и направился к знахарке.

* * *

Солнце клонилось к закату, когда дед Афанасий робко постучал в низкое оконце домика Марьи Петровны. Та ужин готовила.

– Устал я, Петровна, на свете жить, – поделился старик, скромно пристраиваясь на тесной кухоньке возле стола, – Надоело, итить твою макушку. Ни что не радует. Жить не хочется, а помереть страшно.

– Это у тебя с перепоею, – отмахнула от себя рукой знахарка смачный перегар.

– Не скрою, я выпимши, – признался дед, – Три дня пью. Но это не в счет. Это от того, что, итить твою макушку, в горло ничего не лезет. Если бы я не был выпимши, то ни за что бы к тебе не пришел. Побоялся. Но выпимши я не потому, что, итить твою макушку, боюсь. Выпимши я потому, что на душе тошно. Опротивело все. Каждый день одно и то же. Сколько можно, итить твою макушку? С утра до вечера. Все одна канитель. Что сегодня, что завтра, что вчера. Тянешь, тянешь, а она не кончается. Только тянуть труднее. Раньше, если копать, так, итить твою макушку, весь огород за раз выкопаю. А теперь... Теперь за неделю и то, кончить сил нету. Зачем мне его копать? Для чего, итить твою макушку? Вскопаю, засею, соберу. Все сожру, и по новой. Надоело. И баба надоела. Сколько, итить твою макушку, ругаться с ней? И самогон надоел. Сколько пить его можно? Ничего делать не хочу. Нечего делать. Сто раз все переделал. Сиж, итить твою макушку, во дворе весь день. Дров нарублю, самогона выпью – день кончился. На завтра – по новой. Помереть, итить твою макушку, хочу. Хоть что-то в жизни случится. Новое. Все одно жизнь не сложилась.

– И давно у тебя так?

– Как Надьку схоронили, так, итить твою макушку, и нашло. Совсем тошно стало. Будто и меня зарыли. С нею. Последняя надежда померла. Ничего, итить твою макушку, не осталось. Ушло все. Кончилось. Нету жизни во мне. Не осталось.

– Эх, тебя, угораздило, – удивилась Марья Петровна, с любопытством подсаживаясь рядышком, – А она в тебя хоть раз то была?

– Так ведь я, итить твою макушку, о том и говорю. Вот ты скажи, кто я такой? Для чего я живу? Зачем я нужен? Можешь сказать? – Афанасий в упор смотрел прямо в глаза знахарке, почти навалившись на стол, – Про тебя много всякого треплют. Тебе пофиг. Я знаю. За то уважаю. Но я так думаю, ты, итить твою макушку, должна знать. Ты к духам, туда, ходишь. Они наверняка, итить твою макушку, знают? Вот ты скажи, про меня, что они говорят?

– Про тебя я не спрашивала, – ответила собеседница.

– А ты спроси. Обязательно спроси. Как же это ты, итить твою макушку, про меня не спрашивала? Что же тебе про меня ничего знать не интересно? – удивился старик.

– Не интересно, – равнодушно ответила знахарка. – Что в тебе интересного? Тебя как не встретишь, ты пьяный, или пустой.

– Как это пустой?

– Так. Никакой. Как пустоцвет. По дороге идешь, и ничто тебя не радует.

– Жить скучно, – согласился Афанасий, – Надоело все. Не вижу в ней, итить твою макушку, смысла. Вот выпью, вроде как веселее. И день быстрее кончается. Правда печень болит. Но, то печень. Когда душа ноет – хуже.

– Глупый ты, Афанасий. Старый, а глупый, – решительно заявила Марья Петровна, – Дожил до седых волос, а ума не нажил. Где тебя только носило? На что жизнь тратил? Гнать тебя, дурака, надо. Палкой бить.

– Это за что же? – возмутился дед, – Что я такого сделал, что меня, итить твою макушку, палкой бить надо?

– Жизнь не ценил. На мелочи разменял. Растратил себя попусту. Дожил до старости, а так и не понял, кто ты есть, для чего на свет родился. Разве так можно?

– Итить твою макушку! Где мне было узнать? Всю жизнь, итить твою макушку, только и делал, что работал. От зари до зари. Институты, итить твою макушку, не кончал. Некогда было. Время было, сама знаешь, какое. Уму-разуму фронт, с лагерями учили. А после – в поле, за трактором. Где мне было это постичь?

– Иные профессора не умнее тебя будут, – заявила знахарка, – Ко мне разные люди ходят. Бывали и такое, что и профессора приходили. Видела. Так, я тебе так скажу, не в учености дело. Дело в тебе. В том, что тебе на роду написано, что в сердце живет, чем душа радуется. В тебе дело то. Учили тебя, учили, да только все мимо. Не доучили, видно. Судя по всему. жизни ты повидал. Хлебнул горя ложкой. Только главного не постиг. Не открыл уму сердце.

– Так ты, итить твою макушку, открой. Помогии открыть-то. Затем и пришел. А не откроешь, так я, итить твою макушку, сам того этого все быстро закрою. Одним махом. Бац, и конец, – дед достал из кармана пистолет и помахал им в воздухе, – Шутить не буду. Мне все пофиг-веники, итить твою макушку.

– Греха то не боишься?

– Мне все одно. Я, итить твою макушку, не верующий. Кого бояться, если никого нет? Вот, бабу свою боюсь. А Бога, не боюсь. Не видел Его никогда. Не знаю, каков Он. Так что давай, итить твою макушку, открывай, кто я и чего пришел, как ты там говоришь. Или все. Ничего не надо. Упрашивать не буду. К речке, итить твою макушку, отойду и прощай.

– Жалеть после не станешь? – спросила знахарка.

– Чего, итить твою макушку, жалеть, если жалеть нечего?

– Всякое открыться может. Не всегда сердце добрым бывает. Иногда, даже вовсе наоборот. Иногда, даже трудно совладать. Как шелуха спадет, такое явится. Без веры, черт сильный. Не боишься выпустить?

– Мне, итить твою макушку, терять нечего. Я уже старый. Молодых, итить твою макушку, пугай чертями. Я сам – черт лохматый, – выдал старик.

– Это верно, – согласилась знахарка, – Ладно. Твоя воля. Сготовлю тебе чистый отвар. Только, чур, уговор. В сенях сидеть будешь, один при свече всю ночь. Я в доме запрусь. Входную дверь не запирай. Мало ли выйти захочешь. Отвар каждые полчаса пей и молитву читай, какую дам, перед иконой, какую поставлю. Когда все лишнее с души отпадет, тут себе и откроешься. А пока – каши горячей поешь. Я травы подберу, отвар поставлю.

Как сказано, так и сделано. Афанасий каши поел, в первый раз за день, в сени табурет вынес, устроился напротив лешенки на чердак, закурил.

Тем временем солнце упало за горизонт. Тьма окутала землю. Засветил дед огарок свечи, что всегда при себе в кармане носил, установил на лестничной ступеньке. Дальше курит.

Вскоре вышла к нему Марья Петровна с медной кастрюлей и черпаком. Поставила посудину на пол рядом с табуретом, крышку сняла. Заклубился белый парок, можжевелевым духом потянуло. Вынула из передника жестяную кружку, деду протянула, сказала:

– Наливать будешь один черпак. Пить будешь медленно. Как молитву прочтешь, так кружку выпьешь. Как выпьешь, так молитву читай. Понял?

– Чего тут непонятного?

– Вот тебе молитва, – протянула листочек, – Вот тебе икона, – достала из под передника темный маленький образок, – Вот пять свечей новых. Спички у тебя есть?

– Есть, – кивнул старик.

– Тогда – с Богом! Утром свидимся. И последнее, пистолетик отдай-ка мне на хранение, – требовательно протянула руку.

– Это еще зачем?

– Там видно будет зачем. Давай быстро, – свела грозно брови, глазами стрельнула.

Пришлось деду разоружиться.

На том и расстались. Марья Петровна в доме заперлась, а старик, налив в кружку черпачок отвара, начал помаленьку читать витиеватые слова древней молитвы.

Глава 2. Призраки

Весь день Элеонора Григорьевна перетаскивала доставшееся ей наследство. Книг, газет и журналов оказалось много. Носила ведрами. Сначала все аккуратно раскладывала у себя на полках, потом ниже вдоль стенок, а после и вовсе стала сваливать кучей в сених. Вечером скудно поужинала и засиделась за полночь, перебирая бесчисленные «Блокноты агитатора». Свеча уже совсем почти оплыла, ставить новую не хотелось, и она решила закончить начатое дело, пока горит свет. Опрокинула для бодрости рюмашку местной настойки, взяла последнюю пачку брошюр и забралась под теплое одеяло.

Ночь выдалась лунная, ясная, романтическая. В глубине деревни волк воет печально, за окном лес мелодично покачивается. Круглый серебряный лик прямо над окном висит, мягкими руками тьму по углам шупает.

Замечталась Элеонора Григорьевна, погрузилась в сладкие грезы несбывшейся любви, покатила по просторам заоблачной жизни. Вот она уже на быстром катере вместо героини любимого романа стремительно рассекает голубые воды Средиземного моря. Рядом он – капитан «Пилигрима» и хрустальные брызги теплой волны освежают их счастливые лица. Высоко в небе кружатся чайки. Горячее солнце заливает морской простор. Далеко на горизонте белеет парус их прогулочной яхты. Он нежно обнимает ее за тонкую талию, целует в разгоряченное плечо, шепчет слова полные любви и восторга...

Вдохнула печально, отложила агитки на столик возле кровати, сунула за щеку мятный леденец. Снова перед ней убогая темная комната, убогий покосившийся, старый дом, убогая судьба в убогом месте, где прошла убогая жизнь, полная убогих, серых будней...

Внезапно лунный свет задрожал, закружился, и из него в самой глубине комнаты явилась маленькая, сгорбленная старушка, словно сотканная из тех же призрачных нитей. Она потянула к ней свои сухонькие ручонки и просипела:

– Ленина. Дайте мне Ленина.

– Что это? – воскликнула бывшая учительница, вдавливаясь спиной в подушку, – Прочь от меня, прочь!

– Ленина... Верните мне Ленина...

Элеонора Григорьевна быстро сняла очки, протерла, водрузила на место, но видение не исчезло. Даже наоборот, оно значительно выросло, контрастно очертилось и двинулось прямо на нее, протягивая вперед свои растопыренные, кривые пальцы. В жизни учительница не видела ничего подобного. Никогда серьезно даже не задумывалась о том, что на свете вообще может существовать нечто такое, потустороннее, нематериальное, можно сказать, ненаучное. В школе, а затем в институте уверенно убеждали, что Бога нет. Весь мир вокруг есть сплошная материя. Именно из нее состоят все реальные формы жизни. Отсюда следовал неизбежный вывод, что все зависит только от самого человека. Твори, как можешь. Живи, как знаешь. В кино, правда, пару раз мистические сюжеты проскальзывали, по рассказам от кого-то про нечто подобное слышала, фантастическую литературу иногда читала, но возможно ли в это поверить?

И вот оно стоит перед ней. Наяву. Хрипит и протягивает страшные руки. Все ближе и ближе, ладони все шире и шире. Сейчас схватит за голову и раздавит как спелую сливу.

Вокруг темная, глухая ночь. Жуткий вой за окном стелется. Луна призрачными сетями опутала комнату.

Крик замер на губах материалистки. Дыхание перехватило. В висках треснуло.

Вот она смерть как выглядит. Глаза черные, бездонные. Могильная тьма в самую душу окунувшись, седые всклокоченные волосы змеями извиваются.

В ужасе скатилась Элеонора Григорьевна с кровати, бросилась в дальний угол, захотела в шкаф спрятаться, но старуха уже там стоит, склонилась над ней, разверзла беззубую пасть:

– Дайте мне Ленина... – просипела натужно и смертельным холодом овеяла.

Сжалась учительница в комок, протиснулась между книжными пачками, уперлась спиной в стену. Некуда дальше скрыться от ужасной старухи. Ни щелочки, ни норки, ни трещинки маленькой. Одни книжки бока стискивают. Схватила учительница первую, под руку подвернувшуюся, и из последних сил бросила прямо в середину раздувшегося во всю ширину шкафа лица.

– Уйди от меня... Не надо... – надрывно пискнула тоненьким голоском.

– Ах... – печально вздохнуло приведение и слегка сдулось.

– Оставь меня... Не трогай... Уходи... – дрожа всем телом, стала откидываться книгами перепуганная женщина.

Призрачная старуха с каждым новым броском сникала все больше и отстранялась чуть дальше. И тут только Элеонора Григорьевна заметила, что в руке держит том сочинений Вождя Мирового пролетариата.

– Ленина хотела? На. Получай, – вскрикнула она уже более решительно и стала метать точно в цель четко определенные снаряды.

Бессмертные творения вождя пролетариата пролетали сквозь эфемерную сущность, ударялись о противоположную стену, и беспорядочно скатывались в кучу. Но с каждым разом они словно выбивали из приведения часть призрачной силы. Оно медленно уменьшалось, стихало и скручивалось, пока, наконец, с печальным вздохом не покинуло комнату сквозь плотно закрытую дверь.

Обессиленная Элеонора Григорьевна свалилась на холодный пол и забылась до самого утра.

* * *

Василий Михайлович проснулся от того, что кто-то пощипывал его за подбородок влажными теплыми губами, слегка прикусывая щетинистую кожу. Подобным образом любила ласкаться его тайная подруга, с которой он иногда проводил вечера, сбегая от сварливой жены. Молодая, зовущая, охотливая она завлекала его в свои жаркие объятия и мяла, мяла, мяла рыхлое тело мягкими ручками как пушистое тесто для сладких булочек... Он открыл глаза и увидел перед собой мохнатую, черную морду. Настороженно пригнувшись, узкое щелистое рыло косилось на него стальными раскосыми глазами, подозрительно наострив окутанные тьмой кривые рога. Участковый так и обер. Дернулся, руками всплеснул, чудовище по костяной башке невзначай кулаком треснул.

– Ме-е, – взвизгнуло оно, и сигануло во мрак.

– Мамочки, – пролепетал милиционер, и тут обнаружил себя лежащим на колючем сене в незнакомом темном сарае, да еще и в наручниках. Сквозь маленькое оконце лунный свет протискивается. За тонкой щелистой стенкой, где-то совсем рядом, волк воет, протяжно, жутко, дух захватывает. Мурашки, величиной с кулак побежали по спине участкового. Страшно ему стало. И подумалось, будто он умер и за грехи свои прямиком попал в Преисподнюю. Голова гудит, во рту сухость невообразимая, по нужде малой хочется – силы терпеть нет. А встать невозможно. Где еще могут быть такие нечеловеческие муки, как не в Аду?

– Кончайте, кончайте меня, черти, – взмолился Василий Михайлович.

В дальнем углу завопил кто-то, затопал, зашебуршал.

«Вот оно, – мелькнула в голове участкового, – Примеряются. Сейчас кинутся, и порвут...».

Приготовился он к самому страшному, зажмурился, но ничего не произошло.

– Ме-е, – донеслось оттуда, – Ме-е...

«Что это они козлами кричат? – мелькнуло в голове, – Или это не черти?»

В углу снова завозились, затопали, и в узком луче лунного света появилась рогатая голова.

– Ме-е, – произнесла она.

– Козел, что ли? – вырвалось из уст Василия Михайловича, – Тьфу ты, черт!

«Стало быть, я не умер, – озарилось сознание, – Тогда где я? Что со мной? Боже, не могу больше терпеть...» – участковый перевернулся на живот, двумя скованными руками расстегнул на штанах ширинку и сладко помочился прямо в сено, в то место, где возлежал.

Произведенная операция показала, что он определенно еще жив. Стали припоминаться некоторые подробности прошлого. Деревенский двор, бутылка самогона, старик... Но откуда наручники?.. Как голова болит... Черт, как пить хочется...

В ночи за стеной снова оглушительно близко и протяжно завыл волк. В дальнем углу сарая нервно завозился козел. Но все это отошло уже на второй план. Наручники и босые ноги сконцентрировали на себе внимание. Холодная, сырая ночь пробирала до костей сквозь расстегнутый китель.

Василий Михайлович встал и осмотрелся.

Сарай дощатый, весьма внушительный. Скорее – сеновал с небольшой летней клетью для скотины в углу напротив двери, рядом в стене квадратное остекленное оконце. Через него лунной дорожкой струится призрачный свет.

– Это, какого черта меня сюда занесло? – сипло произнес участковый, – И какая сука надела на меня наручники?

Внезапно вой смолк. Наступила зловещая тишина. Слышно стало, как за стеной шумит лес, гулко ухают вдали совы, тяжело дышит козел в темном углу сарая. Милиционер прошелся босиком по холодному земляному полу, приблизился к двери, попробовал ее открыть. Оказалась снаружи чем-то подперта. Толкнул сильнее – слегка поддалась. Козел сзади нервно затопал, замялся, возмущенно затряс головой.

– Заткнись, скотина, – цыкнул на него блюститель порядка, навалился плечом на дверь, она жалобно скрипнула, нечто подпирающее её хрустнуло, отвалилось, и поток лунного света окатил свободного Василия Михайловича, ворвался внутрь, затопил сарай, разбежался искрящимися лучиками по сухим стебелькам сена. Ночная прохлада окатила широкую грудь.

– Ух, – съезжился участковый, огляделся и определил, что находится во дворе незнакомого черного дома напротив здоровенной, лохматой собаки, явно недовольной его присутствием, отчего подозрительно недружелюбно встопорщилась на ее спине серебристая шерсть.

– Чего стоишь, – грубо гаркнул на нее милиционер, – А ну, марш на место.

Собака сверкнула стальными глазами, и Василий Михайлович увидел, как блеснули в ошеренной пасти огромные белые клыки.

«Это же волк», – догадался вдруг участковый и схватился скованными руками за кобуру. Пустая... Ужас охватил служивого. Пистолета нет. Защититься нечем. На руках наручники. Ноги босы. Китель расстегнут. Беззащитный, мягкий животик выпирает круглым бочонком слегка прикрытый тонкой рубашки. И бежать некуда.

Безоружный, голый стоит он перед свирепым хищником. Хватай, рви, делай с ним, что хочешь. Несчастная жертва для жестокого зверя.

Истошный вопль застыл в горле участкового, бессильный прорвать замершую тишину глухой, темной ночи. Огромный волк медленно надвигался на него, готовясь к смертельному броску. Все ближе и ближе ошеренная пасть. Все громче и громче хрустят под его тяжелыми лапами раздавленные стебельки сухой травы. Вот сейчас прыгнет, вонзит клыки в горло и оторвет башку, как спелый кочан капусты.

Никогда ранее Василий Михайлович не сталкивался со смертельной опасностью и не знал, что нужно при этом делать. Да он никогда и не задумывался серьезно о том, что с ним вообще может произойти нечто подобное. Не готовился к такой встрече. Воздух застыл легких. Жуткий страх парализовал тело. Замер он, словно замороженный, и вся неказистая жизнь его в один миг пролетела перед потрясенным сознанием.

Вот маленький мальчик убивает из рогатки котенка, желая досадить строгой соседке. Вот школьник наушничает завучу на одноклассников. Вот подросток топчет ночью цветник дачнику-еврею. Вот угловатый юноша родную бабушку ногой бьет, пенсию на водку отбирая. Вот курсант приписывает себе заслугу товарища по задержанию хулигана. Вот первая взятка за испорченный протокол и наглый вор покидает отделение. Сколько еще таких было... Вот пьяного мужика заставил чужую вину на себя взять. Вот кляузный рапорт на друга ложится на стол начальства. Вот первый раз жене изменил, вот... До чего же пакостной ему показалась его жизнь. Ни себе, ни людям, ни родным, никому ничего хорошего не успел сделать. Сплошная череда стыда и содроганий. Обжорства, пьянки, гульбища и взятки. Все поглотила липкая тряпина распутства.

«Неужели так и помру мерзавцем, – кольнула сердце досадная мысль, – Не хочу!»

Страшные клыки уже почти к самому пузу приблизились. Холодом могильным повеяло.

«Господи, спаси и сохрани! Век рабом твоим буду...» – затрепыхалось в голове последнее желание.

Вжался участковый спиной в сено, уперся головой во что-то твердое и тут обнаружил, что снова находится в сарае. Перед ним волк стоит ощерившийся, глазами стальными настороженно в темный угол скопился. Схватил Василий Михайлович двумя руками из-под головы твердый, прямоугольный предмет и метнул что есть силы в зверюгу. Бросок прямо в морду пришелся. Отпрянул волк от неожиданности, врезался задом в косяк двери, лягнул злобно зубами, развернулся, широкий мохнатый бок подставил, и в этот момент из темного угла сарая стремительно вылетел козел. Врубился в него мощным ударом рогов и вышиб наружу. Кубарем покатила лесная зверюга по залитому лунным светом двору, скуля от боли. Вскочил на лапы, развернулся и стремительно скрылся в крошечной глубине ночи.

Обессиленный, лишенный дара речи и понимания того, что с ним происходит, Василий Михайлович запер дверь изнутри на какую-то палку, зарылся с головой в сено и просидел в нем, едва дыша, до рассвета.

* * *

Ранним утром двери сарая решительно дернули, потом громко постучали и, затем голос Веры Сергеевны возвестил, что Василия Михайловича посетила представительная делегация жителей деревни в составе: хозяйки двора, бывшей учительницы математика Элеоноры Григорьевны и пенсионерки Анастасии Павловны. Они принесли с собой стакан горячего чая, ведро теплой воды, чистое полотенце, сапоги, сухие носки и шинель. Пора бы открывать, солнце встало.

Участковый встретил их настороженно. Подозрительно осмотрел каждую личность через широкую щель в двери и только после того, как убедился в отсутствии явной опасности, осмелился вынуть палку из дверной ручки и пустить делегацию в свое убежище.

– Здравствуйте, Василий Михайлович, – приветствовала его Вера Сергеевна, вваливаясь внутрь, – Как вы себя чувствуете? Не замерзли ночью? Чайку горяченького не желаете?

– Верка, ты?.. Почему я тут? – осторожно осведомился он.

– Ах, Василий Михайлович, вы уж нас извините, – разулыбалась хозяйка сарая, – Пьяные мы вчера сильно были. Видимо настойки много выпили. Прямо во дворе и свалились. Одной то мне вас не снести. Мой охламон сам, черт лохматый, пьяный лежал. Разве его допросишься?

А кого еще в помощь звать? Позвать больше некого. Вот и пришлось мне одной вас сюда притащить. На сеновал. Я баба слабая. На крыльцо мне вас не поднять. Вы же, вон какой представительный. А тут сено. Тут тепло ночью должно быть. Тут мы козла держим. Не на улице же его оставлять? У нас по ночам волки по дворам бродят. Заесть могут.

– А это зачем? – показал участковый на свои скованные наручниками руки.

– Это мой охламон, будь он неладен, черт лохматый, надел на вас, пока вы пьяные во дворе лежали, – всплеснула руками самогонщица, – Надел и ушел, окаянный. До сих пор нет. Где вот его, черта лохматого, носит? Всю ночь одна в кровати промаялась. Идти искать собралась. Людей позвала: искать его всей деревней. Может его уже и волки в лесу задрали, черта лохматого. Куда вот он ушел, на ночь глядя?

– А мне что теперь делать? Снимать надо, наручники, – буркнул милиционер.

– Я баба не опытная. Я в этих делах не разбираюсь, – с глубоким сожалением пояснила старушка, – Как я их сниму? Они верно ключом отпираются. Может у вас ключик есть? Так вы мне его дайте, мы как-нибудь попробуем. Вы уж нас извините, что так получилось. Не со зла, спьяну.

– Ключик? Нет у меня ключика. Потерял я ключик... три дня назад. Сунул куда-то и... потерял... – тоскливо вымолвил блюститель порядка и как-то виновато или расстроено захлопал глазами.

– Ах, ты... беда-то какая, – огорчилась Вера Сергеевна, – Как же мы теперь их снимем? Думали, вы нам деда искать поможете. А оно вон как все получилось...

– Зачем же вы их на меня надели? Сапоги, зачем сняли? В сарае, зачем заперли? Пистолет куда делся? Кто пистолет забрал! Где мой пистолет! – от осознания глупости создавшегося положения и собственного бессилия что-либо с этим поделать начал заводить участковый.

– Не видели, – тут же отрицательно замотали головами женщины.

– Это черт знает что такое! – топнул босой ногой милиционер, – Что вообще тут происходит! Где мой пистолет, я вас спрашиваю!

– Должно быть выпал. Когда я вас волочила. Куда ему со двора деться? Не волки же унесли. Найдем. Не волнуйтесь, – начала успокоить его Вера Сергеевна, – Вы чайку горячего выпейте, Василий Михайлович, – протянула ему стакан, – А то совсем остынет. Нам деда надо идти искать. Со вчера дома не ночевал. Дай Бог, чтобы у кого в баньке оказался. А то не приведи Господь одному в лесу ночью. Все ночь волки по двору рыскали. Я прямо извелась вся, измаялась. Вся испереживалась.

Участковый протянул скованные наручниками руки, взял стакан, жадно одним глотком выпил.

– Еще.

– В дому. С собой чайника не взяли, – приняла обратно пустую посуду хозяйка, – Пойдемте, Василий Михайлович, я вам еще налью. С вареньем.

– Что же это со мной было?.. Что же это со мной происходит?.. Пистолета нет. Наручники. Сарай. Волки. Шутка чья-то какая-то, что ли?.. Хороши шутки... Я чуть не сдох тут... от холода. Вот что мне теперь делать, мать вашу!.. – милиционер хотел было разразиться благим матом, но вдруг осекся, сник и стал капризно жаловаться, потрясая скованными руками, – Как теперь я пойду в наручниках? Совсем вы тут все обалдели. Что я вам плохого сделал? Куда мне теперь таким ехать? Что вы из меня дурака делаете? Что же вы меня, женщины, позорите! Как мы их теперь снимем?

– Вы уж не огорчайтесь, Василий Михайлович, мы же понимаем, вам не удобно, – снова попыталась успокоить его самогонщица, – Так получилось. Что теперь поделаешь? Извините. Случайно все вышло. Вот мы шинельку вашу просушили.

– К черту! К черту шинельку! К черту вас всех! Вы наручники с меня снимите!

– Так, давай ключ, снимем, – предложила Анастасия Павловна.

– Как? Ключа нет! Нет! Ясно? – взвизгнул участковый.

– Тогда не снимем? – пожала круглыми плечами бывшая доярка.

– Ох, – выдохся вдруг блюститель порядка, закрыл голову руками и стал нервно расхаживать по загаженному козлом земляному полу сарая.

– Ноги бы ему помыть не мешало, – критично заметила Элеонора Григорьевна.

– Правильно, мы и воды с собой принесли, – оживилась Вера Сергеевна, – Василий Михайлович, вы на чурбачок присаживайтесь, ножки помойте. Не прибрано у нас тут. Сапожки обуеете. Потом мы вас в дом отведем, чайку горячего выпьете. Посидите, пока мы деда моего искать будем. А как найдем, так он придумает что-нибудь. Мужик все же, черт лохматый.

– Дед, говоришь? Инструмент у него есть? – оживился мужик, – Уши бы ему надрать, мерзавцу, за такие штуки. Видите, что он из меня сделал? Я уж ему покажу... – взмахнул руками, но тут споткнулся обо что-то и едва не растянулся на грязной земле, – Что это у вас тут понатыкано? Что это? Книга? Книжки читаете. Умными стали, – поднял, посмотрел, – Библия!? Ничего себе...

– Откуда это она у тебя, Верка? – блеснула круглыми линзами очков Элеонора Григорьевна, – Очень странно... Дай-ка сюда, – бесцеремонно выхватила из рук участкового темный томик и, вдруг, побледнела, – Что это ты, Верка, в Бога поверила на старости лет?

– Да на черта оно мне сдалось! – смутилась самогонщица, – Егор Степанович Митричу сунул. Тот в тракторе полгода возил. По осени мне кинул, читай, мол, про Амаргедон. Ну, я взяла. А когда читать? Мне и читать некогда. У меня же хозяйство. Ткнула в передник. Куда потом дела, не помню. Думала, потеряла. Хорошо нашли. Верну Митричу.

Василий Михайлович ничего на это не ответил. Он вдруг побледнел и стих. Сел на чурбачок, молча ополоснул в принесенном ведре ноги, обулся и вышел из сарая.

* * *

Проснулась Марья Петровна на рассвете с каким-то дурным предчувствием. Встала с кровати, запахнулась в махровый халат, подошла к двери, прислушалась. В сенях тихо. Откинула дверной крючок, осторожно приоткрыла дверь, выглянула наружу.

– Кушать, кушать, кушать, – радостно взвизгнуло некое существо, грубо оттолкнуло хозяйку в сторону, и стремительно влетело из темноты на кухню. Не успела знахарка опомниться, как на плите звонко загремели отброшенные крышки, и незваный гость стал стремительно пожирать содержимое каждой кастрюли, без разбора выскребая руками все съедобное и жадно вылизывая перепачканные пальцы.

– Кыш, кыш, отсюда, – воскликнула Марья Петровна, – Кто тебя звал?!

Но это не возымело ровно никакого положительного эффекта. С невиданной скоростью опустошив содержимое чугунков и кастрюлек, существо переметнулось к шкафчикам, тумбочкам и комоду, проявив неслыханное мастерство обнаружения съестного. Оно стало выворачивать пакетики, вытряхивать баночки и тут же пожирать обнаруженные остатки хлеба, сухарей, сахара и остального до чего только смогло или успевало дотянуться.

Не стерпев такого нахальства, хозяйка схватила кочергу и что сил огрела ненасытного пожирателя по круглой спине.

– Ой, больно, – хныкнул он, оглянувшись, и тут только знахарка узнала в нем Афанасия. До чего же он переменился. Весь скукожился, напряжился, ошетинился, словно ежик. Глазки черными бусинками смотрят, вздернутый носик запахи окружающие ловит, ручки скобочками еду загребают, желтые редкие зубки прошлогодний черствый сухарик перемалывают.

– Афанасий, ты?!

– Женщина, женщина, женщина, – радостно взвизгнул преображенный односельчанин, приспустил штаны и ринулся на нее с явными намерениями незамедлительно совершить физиологический акт соития.

– Ах ты, пакость, какая, – возмутилась Марья Петровна и вторично огрела бывшего Афанасия кочергой по башке.

– Ой, больно, больно, больно, – жалобно застонало существо, но не прекратило наступательного порыва. Вцепившись обеими руками в подол широкого халата, оно с неимоверной силой рвануло на себя вожаемую женщину, обхватило ее руками, повалило на пол, и они в мгновение оказались под столом.

– Отлезь от меня, пакость. Пошел вон, черт паршивый, – отчаянно брыкалась хозяйка, пытаясь вырваться из цепких объятий ее рук.

Но это оказалось не так просто. Подобие прежнего деда, вдохновленное сладкой близостью желанной цели, стремительно подминало под себя отчаянно трепещущее тело, так что затрещали по всем швам остатки старой одежды. Еще немного и всесокрушающая твердь проломила бы брешь в целомудренной чистоте. Что могла она сделать? Чем противостоять стремительному натиску обезумевшей дикой плоти? Оставалось одно, последние, крайние средство. Преодолевая жуткое отвращение, она запустила руку насильнику промеж ног и что сил сжала его холодные, волосатые ядра.

– Ой, больно, больно, больно. Не хочу, не хочу, не хочу, – завизжало мерзкое существо, моментально отпустив железную хватку.

Ногами отбросив от себя наглого насильника, Марья Петровна быстро поднялась с пола, схватила кованую кочергу и начала охаживать его по различным частям тела, приговаривая:

– Я тебе покажу больно. Я тебе покажу женщину. Я тебе покажу, как пожирать мою еду.

Осознав, что кроме неприятностей в этом доме ничего больше ожидать не приходится, существо, совершив несколько кругов вокруг разграбленного стола, стремительно покинуло тесное помещение через открытую дверь и скрылось в лесных зарослях.

– Господи, – перекрестилась Марья Петровна, – Спаси и сохрани мою душу. На все воля твоя. Одного добра хотела. Прости нас Господи.

* * *

Поисковая партия жителей деревни прибыла к дому Марьи Петровны в тот час, когда она заканчивала уборку разгромленной кухни.

– Марья, ты деда моего не видела? – спросила, едва переступив порог Вера Сергеевна.

– Как же не видела. Сейчас в лес убежал, – ответила хозяйка дома, сгребая веником с пола осколки разбитой посуды в железный совок, – Всю посуду мне перебил.

– Ну, слава, Богу. Живой, – с облегчением вздохнула переволновавшаяся жена.

– А чего это он у тебя ночью делал? – поинтересовалась Анастасия Павловна.

– Да. Чего? – переспросила Вера Сергеевна.

– Лечила его. От дури. Отвару дала. Запустила ты его совсем. Спился он у тебя. Себя потерял. Стреляться думал. На вот, – знахарка достала с полки пистолет участкового и протянула самогоннице, – Возьми. С ним пришел. Насилу отобрала. Откуда он его только взял?

– Век бы глаза его не видели, – произнесла Вера Сергеевна, пряча оружие в широкий карман красной утепленной куртки, – Ну, и как он теперь?

– Встретишь, увидишь. Не в себе он. Ты его не брани. И лучше не трогай. Пускай погуляет. По лесу походит, вернется. К вечеру все пройдет, – успокоила знахарка.

– Надо же. Стреляться хотел, – удивилась Элеонора Григорьевна, – С чего бы это?

– С перепоею, – со знанием дела ответила Анастасия Павловна, – С чего же еще? Мужики как перепьют, всегда стреляются. Медицинский факт.

– Спасибо тебе, Марья, большое. А то я уже вся переволновалась. Всю ночь не спала. Где, думаю, его носит? Не случилось ли что? Какой ни на есть, а все же мужик. Сама понимаешь. Искать его собрались. Дай, думаем, сначала к тебе заглянем. Слава Богу, нашелся. Ну, мы пошли. Ты извини, что побеспокоили.

– Ничего, ничего. Идите, – выпроводила гостей знахарка, – Не волнуйтесь. Воротится. Все будет хорошо.

* * *

От волнительных событий едва трагично не окончившейся поминальной ночи у Анастасии Павловны осталась гора старой посуды, куча тряпья, несколько безделушек, пять новых курочек, да тупая головная боль, свалившаяся неведомо откуда, горьким довеском к подержанным вещам. Списав хворь на последствия избыточного потребления самогона, старушка не стала придавать ей особого значения и принимать какие-либо целительные средства, скромно ограничилась стаканом капустного рассола и обилием свежего воздуха. После нескольких часов проведенных на улице пришло некоторое облегчение. Боль затаилась, и к полудню следующего дня бывшая доярка совершенно о ней забыла.

К этому времени благополучно завершились поиски пропавшего Афанасия. И хотя воочию его пока никто не видел, сообщение о том, что он жив и гуляет по лесу вселило в пенсионерок уверенность, что с ним все в порядке. От знахарки Анастасия Павловна поспешила поскорее вернуться к себе, благо жила ближе остальных, и посвятить остаток дня обновлению гардероба. Преисполненная предвкушением основательно покопаться в наследственном приобретении, она вошла в дом и, едва переступив порог кухни, неожиданно столкнулась нос к носу с незнакомым на первый взгляд, но очень энергичным старичком, жадно пожиравшем руками остатки брошенного вчера подгоревшего ужина. Внешность его странным образом напоминала недавно потерянного мужа Веры Сергеевны.

– Здравствуйте, приехали, – возмущенно воткнула бывшая доярка руки в боки, – Это еще что такое?

– Женщина, женщина, женщина, – радостно подпрыгнул на месте гость и решительно ринулся знакомиться с хозяйкой дома.

– Ох, ох, ох... – только и успела сказать ошеломленная бурным натиском женщина в знак несогласия с такими подходами. Но кто ее слушал? Моментально опрокинутая на спину и прижатая к полу нечеловеческой силой, она сильно не сопротивлялась покоренная таким диким желанием.

– Кушать, кушать, кушать, – удовлетворенно взвизгнул беспардонный насильник, опорожнив вместилище страсти, и загромыхал в кладовой жестяными банками.

– Мужчина, – томно произнесла поверженная жертва, – Принесите и мне сухарик.

Но кавалер не проявил излишней галантности. Быстро пожрав все, до чего только успел дотянуться, он высунул из кладовой остренький носик и словно мышонок принюхался.

Анастасия Павловна проявила нетерпение и кашлянула.

– Женщина, женщина, женщина, – довольно залепетал чревоугодник и моментально настиг изнывающую в безделье даму, практически на том же месте, на каком недавно оставил.

– Кто вы, страстный незнакомец, – поинтересовалась утомленная пенсионерка, когда все что от него зависело, свершилось, – Вы удивительно напоминаете Афанасия. Но вы такой темпераментный. Такой нетерпеливый. Я вас боюсь.

Она не дождалась вразумительного ответа. Сбросив излишек обременяющей энергии, субъект, страшно похожий на Афанасия, тут же совершил третий опустошительный набег на продовольственные запасы хозяйки дома.

Зрелище перевернутой посуды и опрокинутых емкостей, разбросанных по полу порожних мешочков и пакетиков, некогда хранивших неприкосновенные запасы еды, вывороченной с полок посуды, рассыпанной соли ввели бывшую доярку в состояние близкое к шоку. А после того как и в третий раз она не смогла отстоять свою честь в единоборстве с ненасытным существом теперь совершенно отчетливо принявшим облик Афанасия, Анастасия Павловна поняла, что дело тут явно не чисто. Собрав воедино остатки воли и физических сил, она поднялась с пола и решительно завила, что больше терпеть в своем доме подобного безобразия не намерена, и просит ненасытного наглого мужика немедленно убираться вон и пожирать собственные припасы. Однако, и в четвертый раз была стремительно опрокинута на спину и полностью обессилена.

Такого бешеного марафона Анастасия Павловна не знала со времен сочинского курорта. Но в те далекие годы она имела гораздо лучшую форму, имела несомненные преимущества молодости, избыток сил и энтузиазма. Горы могла свернуть. В ней кипела истинная страсть, всепоглощающая, разорительная. К тому же она находилась не в деревне, и многое могла себе позволить. Солнце, море, трехразовое питание, упоение полной свободой и непреодолимое стремление забыться от привычных пут колхозной, грязной повседневности толкнули ее в объятия запретных желаний. И тогда она позволила себе кое-что... Но это навсегда осталось в прошлом, почти забылось, затерлось в памяти серой неустроенностью жизни. И вдруг сейчас, как когда-то, обрушился на нее новый поток ошеломительной страсти. Она ощутила себя женщиной, желанной, свободной... Правда в ней столкнулись сразу два равновеликих устремления – спасти остатки припасов от неминуемого уничтожения и удержать возле себя неожиданно обретенного мужика. Одно явно исключало другое. Чем-то необходимо пожертвовать. Но чем?

Терзаемая противоречиями, Тоська оглядела окончательно разгромленную кухню и поняла, что противоречие разрешилось само собой. Ничего съедобного в доме больше не осталось. Даже сухие макароны и те уже перемолоты неутомимыми челюстями ненасытного любовника.

«Ну, и пусть. Плевать, что это чужой мужик, – подумала она, перебираясь через образовавшиеся завалы на кровать, – Зато он меня любит. По-настоящему. Не то, что Верку. Пускай рвет на себе волосенки. Сама виновата. Я ему больше нравлюсь. У нас будет новая жизнь. Не отдам Верке. Он мой. Только мой. Милый».

– Афоня, – позвала она его, скинув с себя жалкие остатки одежды, – Иди ко мне.

Но возлюбленный, явно сконфуженный отсутствием чего-нибудь съедобного, любовный призыв не воспринял. Ему явно хотелось как следует подкрепиться. Снова обшарив всю кладовую и кухню сверху донизу, он с недоумением обозрел разоренное место, жалобно пискнул, затем на виду хозяйки спустил штаны, присел и незамедлительно сотворил прямо на пол то, что обычно выходит из чрезмерно набитого чрева.

– Ах ты, гад! – воскликнула потрясенная Тоська, когда с высоты своего ложа узрела учиненное безобразие, – С ума сошел! У себя в доме гадь! У меня не смей! Сволочь! – и даже вскочила на ноги, но тут обнаружила, что совершенно голая, и прикрылась лоскутным одеялом.

– Кушать, кушать, кушать, – жалобно захныкал старичок, вновь оглядел собственноручно учиненный разгром, тяжело вздохнул и через распахнутую настежь дверь выскочил на улицу прочь.

* * *

Когда Анастасия Павловна привела в относительный порядок свое оскверненное жилище, деда Афанасия она почти ненавидела. Мало того, что он самым подлым образом не оправдал естественных ожиданий, произвел разорительное нашествие на скромные продовольственные припасы одинокой женщины, так еще и нагадил, чем окончательно убедил

ее в полной бесполезности так называемого сильного пола. Стоило так долго жить на свете и совершить так много безуспешных попыток обзавестись подобным, чтобы понять, что ничего хорошего мужики ожидать не приходится. Они есть полная и безусловная ошибка природы. Первый и неудачный эксперимент. Обезьяний выродок. За что бы они ни брались, чтобы ни делали, обязательство оставят после себя только грязь и разрушение. Эгоистичные, жестокие, прожорливые, тупые и бездушные твари. Упавшие с дерева животные, уродливые и волосатые. Только и делают, что бесполезно бродят среди людей, вечно голодные и злые, вползают в дома, обольщают и предают. Лучше без них, чем с ними. Все равно толком ничего сделать не могут.

Сколько лет пытались бедные бабы сотворить с этими тварями свое простое женское счастье. Сколько сил положили на поиск достойного и способного хотя бы уважительно относиться к скромным женским запросам. Все напрасно. Ни у кого не получилось. Во всяком случае, Тоське о таком чуде не известно. Красиво в одном кино складывается, а это, как известно, сплошная фантазия автора. Не стоит очаровываться сказками. Все равно действительность проявит свою правду и мокнет лицом в грязь. Нет на Свете прекрасного принца. Нет вечной любви. Есть только одиночество и боль в самом сердце от слежавшейся в кровь нерастраченной нежности.

Посмотрела Анастасия Павловна на свое полное разочарования отражение в зеркале и вся накопленная за жизнь обида на мужскую половину человечества нашла окончательное завершение в одной короткой, брошенной словно выстрел, фразе: «все мужики – сволочи».

Однако, поразмыслив немного, бывшая доярка решила, что видимо, во всем, скорее всего, виновата Верка. Анастасия Павловна помнила, с какой кислой рожей прижимистая самогонщица отдавала зажуленные хрустальные вазы. И куры Надюхины явно покою ей не давали. Видимо задумала окончательно свести Тоську со свету и все обратно прихапать. Иначе с чего ей подсылать мужа? Спектакль целый устраивать? Разгром учинять? Чертов дед беспорядок сотворил такой, что хоть из дома беги. Пожрал, паразит, на халяву, попользовался беззащитной женщиной и сбежал. Сумасшедшим прикинулся. Никогда за Афанасием ничего подобного не наблюдалось. С чего это ему дурака из себя строить? Или не знает он, где в приличном доме гадить положено? Нарочно на виду сотворил пакость. Значит – подосланный. Специально. На разорение.

Придя к такому удручающему выводу, Тоська сильно разволновалась. Никогда в жизни никто не смел глумиться над ней столь отвратительным образом, над ее чувствами, над самой природой. Это настолько сильно оскорбило ее, что она вознамерилась страшно отомстить. Причем немедленно. Пока высоко вздымается в праведном негодовании грудь. Схватила топор (с топором оно всегда на деревне сподручнее), запахнулась в широкий ватник, благо у нее со времен колхозного строя таких пять в сенях вывешено, и решительно вышла на улицу.

Вера Сергеевна со своим мужем проживала на другом краю деревни. Идти предстояло мимо тропинки, ведущей к дому Элеоноры Григорьевны. Пока Тоська шла до поворота она лихорадочно думала, сообщить учительнице страшную новость или не стоит? Вдвоем, безусловно, действовать лучше. Но как объяснить, случившееся? Тем более, что интеллигентка сама может оказаться в числе заговорщиков. Кто знает, куда образованных склонит их просвещенная натура?

«Нет, лучшей одной, так надежнее», – подумала бывшая доярка, и бодро проследовала прямо.

Оставалось определить самую малость: как следует поступить с подлыми односельчанами. Сначала Анастасия Павловна захотела их просто зарубить. Но после, по дороге уже, вспомнила, что сейчас там находится участковый, и тот наверняка вознамерится воспрепятствовать торжеству справедливости. Тогда Тоська придумала их сжечь. Этот способ отмщения испокон веков считался на деревне наилучшим. Большой красный петух основательно пожрет все добро, и, дай Бог, самих виновников раздора пустит по ветру. Пускай наперед знают с кем

связываться. Она проверила, имеются ли в кармане спички. В старом потрепанном ватнике их не оказалось. Специально же рассовывала коробки по всем карманам! Как так получилось, что схватила не ту телогрейку? Пришлось возвращаться.

Пока Анастасия Павловна бегала домой и обратно по раскисшей дороге, выкладывала топор, запасалась огарком свечи и куском старой газеты, огонь праведного негодования, бушевавший в груди, помаленьку стих. Погода к тому же стояла солнечная, теплая. Южный ветерок ласково поглаживал разгоряченные щеки. Усталость исподтишка медленно наваливалась на плечи. Давали себя знать и прожитые годы, и недавно пережитые волнения. Не больно-то поиграешь в народных мстителей на старости лет, особенно после столь бурного свидания. Захотелось уже и водички холодной попить, и на лавочке теплой посидеть, и просто поплакать над тем, какая ей выпала несчастная разнесчастная одинокая жизнь. Когда же, наконец, она приблизилась к дому Веры Сергеевны, то и вовсе ощущала себя как загнанная лошадь после длительной скачки.

Присела Тоська на шаткую лавочку, что возле покосившегося забора у самой калитки к кривой осине приткнутой стояла, перевела дух, смахнула жалостливую слезу, украдкой скатившуюся из глаз, и подумала, что, верно, много будет целый дом палить. С него огонь и на хлев перекинется. А там корова одна единственная на всю деревню обитает. Две козы дойные. Свины откормленные. Погорит невинная скотина. Где потом молоко брать? Вполне достаточно будет баньку спалить. Это, пожалуй, сильнее всего их заденет. Полыхнет банька, так полыхнет... все их самогонное хозяйство до самого неба взметнется.

Вознамерилась Анастасия Павловна встать, да в голове опять боль тупая проснулась, в боку закололо, в груди сдавило, еле дух перевела. Представила, как будет через раскисшее поле тайком перебираться, так и вовсе махнула рукой. Ну, ее – к лешему. Не сегодня. Завтра спалю. Никуда они не денутся.

Из соседних кустов толстая курица деловито вышла. Осмотрела круглым глазом человека на лавочке, квокнула важно, стала шкурки от семечек на земле переворачивать. Приблизилась доверчиво, повернулась... Пнула ее бывшая доярка со всей силы ногой в зад, только белые перья во все стороны полетели. Сразу на душе полегчало. Боль в груди отпустила. Голова прояснилась. Настроение улучшилось. Улыбнулась пенсионерка: вот вам, гады, получите.

* * *

Свершив праведное правосудие, Анастасия Павловна направилась домой. Но только прошла два шага, смотрит, навстречу взволнованная Элеонора Григорьевна трусит вдоль тракторных выбоин. Запыхалась, по лицу пот катится, толстые очки на самом носу висят, неверный путь просматривают, вся растрепанная, платок с головы на спину съехал. Не иначе война! Едва бывшую доярку с ног не сшибла, слепая курица.

– Тоська, ты? – вылупилась, едва переводя дух, – Участковый, там?

– Бес его знает? Может и там, – ответила Анастасия Павловна, – Что случилось?

– Беда. Снасильничали. Надо мной снасильничали. Среди бела дня. В собственном доме. Милиция! – возопила потрепанная пенсионерка и пушечным ядром вломила в калитку двора Вера Сергеевны, – Милиция! Участковый!

В это время Василий Михайлович, сидя на высоком крылечке, тщетно пытался расколоть тонкой проволокой замок на своих наручниках. Час бился. Весь испариной покрылся. На весь белый свет изматерился.

Страшное ночное видение в сиянии дневного светила скрылось за глубиной трагизма фактического состояния дел. Он даже не подозревал насколько неудобно жить с руками, скованными наручниками. Невозможно не только ничего толком самому сделать, что само по себе становилось все более унижительным, но и абсолютно исключало какую-либо возможность воз-

вращения в таком виде домой, что делало его положение просто ужасным. Мало того что он стал посмешищем в глазах всех жителей деревни, утратил всякий авторитет власти, так теперь еще и коллеги, прознав про сей казусный случай, начнут издеваться над ним и подшучивать. И так он у них не в почете. А тут еще потеря табельного оружия. Это просто ставило его на грань позорного увольнения. За пять лет до пенсии! Сожрет начальство с потрохами, если узнает где и при каких обстоятельствах произошла недопустимая утрата. Ничего не скажешь, весело провел время. И самому ничего не сделать и помощи ждать неоткуда. Сиди в лесу и жди, когда тебя старухи накормят, зад подотрут, да спать уложат. Хорош участковый.

– Милиция! – увидела его бывшая учительница, – Беда! Насильник в деревне. Скорее. Беги, хватай!

– Кого, мать твою... – вскинул на нее офицер очи полные гнева.

На крики вышла из дома Вера Сергеевна с мокрой половой тряпкой в руках.

– Что за крик? – благодушно осведомилась.

Анастасия Павловна, подбоченясь, в сторонке встала. Слушает.

– Насильник! Насильник в деревне. В моем доме сидит. На кухне. Вставай! Беги! – выпалила бывшая учительница.

– Какой еще насильник? Ты что, баба, очумела? Какой тут может быть насильник? – взвился участковый.

– Натуральный. Здоровущий. Мужик чужой. Беги скорее. Он в доме моем прячется, – замахала руками возбужденная Элеонора Григорьевна.

– Не может тут быть никакого чужого мужика. Откуда ему взяться? Показалось тебе, – уверенно заявил Василий Михайлович, – Сперва, глаза протри, после ори. С такими линзами и козел мужиком покажется.

– Ты что такое мне говоришь! Я, по-твоему, козла от мужика отличить не могу! Говорят тебе, в моем доме сидит. Глухой, что ли?! Мужичина огромный. Силищи неимоверной. Надо мной насильничал. Еле вырвалась. Беги, говорю, скорее, пока он еще там. Милиция ты или кто? – возмущенно закричала потерпевшая.

– Не ори, баба! Не глухой! – гаркнул в ответ не менее взбудораженный служитель закона, – Толком говори, что случилось. По порядку, как было. Там разберемся, кто есть ху. Сядь, – указал ей на широкую ступеньку, – Рассказывай. Слушаю. Видишь, беда какая, – показал свои скованные руки, – Вот это беда. Давай, говори, – и снова стал сосредоточенно ковырять проволокой наручники.

Элеонора Григорьевна, глубоко вздохнула, поправила на голове съехавший платок, присела на ступенечку, снова вздохнула и начала так:

– Сiju в комнате, книги пересматриваю. Вдруг, слышу, на кухне кто-то кастрюлями загремел. Я подумала, пес опять залез. Крикнула ему: «Пошел вон!». Он – ноль внимания. Еще громче гремит. Встала, захожу, а там спина широченная над плитой шурует. Я так и обомлела. Ноги от страха подкосились. Спиной к стенке прислонилась, еле стою. «Что это вы тут делаете? Что это вам тут надо?» – спрашиваю. Он как обернется. Как на меня кинется. «Женщина, – кричит, – женщина». Ручищами меня сграбастал, на стол кинул, юбки задрал и насильничал. Вот. Кто же это по-твоему называется? Не насильник? Вставай. Беги. Лови его, пока он еще в моем доме сидит. А то в лес убежит, ищи после. Ограбит кого или убьет. Тебе отвечать.

– Господи, страсти какие у нас в деревне творятся, – перекрестилась Вера Сергеевна, – Надо же насильник! Как нам теперь одним оставаться? В собственном доме насиловать стали.

– И как я такими руками его ловить стану? – зло поинтересовался участковый, – Кто вот их на меня одел? Кто спрашиваю! Вот кто одел, тот пусть и ловит. Сами наколбасили, сами и разбирайтесь.

– Как же это вы нас в беде-то такой бросаете, Василий Михайлович? – всплеснула руками хозяйка дома, – В кой веки раз преступник в деревне объявился, а вы за бабы подолы спрята-

лись? И не совестно? К ночи он всех нас тут перережет. А вы на крылечке отсиживаетесь? Для того мы, что ли, налоги платим, чтобы нас в собственных домах теперь резали? Милиция ты или кто? Мужик ты или как? Не стыдно ручонками прикрываться? – хлестанула его по спине мокрой тряпкой, – Вставай, – крикнула, – Исполняй обязанности.

– Ты руки мои видела? Как я его хватать стану? У меня даже оружия нет. Чем я его завалю! – парировал милиционер дерзкий выпад налогоплательщика.

– Как нет? А это вот что? – достала Вера Сергеевна из кармана фартука пропавшее табельное оружие, – На вот, держи.

– Мой! Слава Богу! – обрадовался Василий Михайлович, – Пистолет нашелся. Ну, теперь будет дело. Пошли, бабы, насильника вашего грохать.

* * *

Широка душа русская, безбрежна, как поля васильковые, бескрайня, как леса высокие. Вскипит бурно, но и отходит быстро. Все простить может, даже предательство.

Жалко стало Анастасии Павловне деда Афанасия. Застрелит его участковый. Непременно застрелит. Ловить не станет. Чтобы ловить, руки иметь надо, а рук-то у милиционера и нет. Один пистолет наготове. Что делать? Сказать – совестно, промолчать – боязно. Вот незадача...

На захват преступника выдвинулись все вместе. Впереди шел участковый с пистолетом наготове. Далее следовала Элеонора Григорьевна, предусмотрительно прихватившая со двора топор. За ними – Вера Сергеевна с навозными вилами. Замыкала – Анастасия Павловна. Доярка ничем вооружаться не стала, она знала, кого ловят.

Перед самым выходом хозяйка заперла дом на замок, чего никогда ранее не делала, но кто знает, кого теперь по деревне носит, подперла двери в сарай крепкой палкой и приспустила собачью цепь беспробудно сонного дворового кабеля.

По дороге бывшая учительница еще раз во многих деталях описала страшное посягательство на свою честь, присовокупив для большей убедительности дополнительные подробности внешнего вида насильника, посчитав, что тем самым гораздо больше поспособствует правоохранительным органам в поимке преступника. По ее словам выходило, что на нее напал огромный громила, метра под два ростом, жутко волосатый, весь черный и вообще – негр.

– Откуда в наших краях негр? – удивился участковый.

– Вот уж не знаю, – бодро ответила потерпевшая, поправляя на носу очки с толстыми линзами, – Ты милиция, ты и разбирайся. Может, он из тюрьмы сбежал.

– Час от часу не легче, – воскликнула Вера Сергеевна, – И деда моего нет! А ну как он его встретит? Пошли скорее.

Анастасия Павловна по-прежнему хранила молчание, чего ранее за ней не отмечалось. Терзаемая равновеликими побуждениями, она никак не могла ни на что решиться. Однако после новых удивительных подробностей, изложенных односельчанкой, всерьез задумалась: Афанасий ли является виновником переполюха? Не скрывается ли еще кто-нибудь в темном лесу? Может она ошиблась, может сослепу спутала, может, привиделся Веркин старик в образе страшного потрошителя? Вот незадача... Хорошо, что дом подпалить не успела.

Тем временем и Василий Михайлович не испытывал особого энтузиазма. Перспектива встретиться нос к носу со свирепым преступником, да еще в компании с полоумными старухами не сильно вдохновляла доблестного сотрудника милиции. Он явно приуныл и на всякий случай попросил потерпевшую передернуть затвор пистолета.

Подшли к месту происшествия. Стопились возле настежь распахнутой двери, стали выяснять, кто войдет первым.

Хозяйка дома отказалась сразу и наотрез.

– Ты милиция, ты и иди, – заявила она.

– Как я пойду, когда у меня руки связаны, – возразил участковый, – Вот кинется он на меня из-за угла, как я с ним справлюсь? Что тогда делать будете? Всех перережет.

– А так что? – осторожно осведомилась Вера Сергеевна.

– Так кинется он на первого, а я его сзади пристрелю, – шепотом пояснил Василий Михайлович.

– Значит, только в спину стрелять можешь. А в первого-то не попадешь? – поинтересовалась предусмотрительная самогонщица.

– Не бойся. Не попаду. Стрелять я умею, – тихо заверил милиционер и для большей убедительности широко улыбнулся, показав здоровые, ослепительно белые зубы.

Но это как-то не сильно воодушевило присутствующих. Мало верилось в высокий профессионализм родной милиции. Почему-то никому не захотелось оказаться жертвой внезапного нападения и, тем более, пристреленным в спину вместо преступника. С другой стороны, перспектива оказаться прирезанным тоже не очень нравилась. Что они станут делать без участкового? Как справятся со здоровенным негром? Вот и выходит, и войти страшно, и оставаться нельзя.

Пригорюнились пенсионерки, сникли. Глазками водянистыми хлопают, боязливо между собой переглядываются. Анастасия Павловна даже отошла от дверей в сторонку. Отмахнулась рукой, мол, не моего ума дело, своя шкура дороже, если что в кусты мигом сигану.

Посмотрел Василий Михайлович на свих добровольных помощников, захотел на них матом выругаться, но, вдруг, тронулось что-то скрытое в глубине души, потаенное. Отвалилась какая-то корочка, и заныло сердечко от жалости. Такими они показались несчастными, беззащитными и убогими, что стыдно стало детинушке за самого себя здоровенного.

Что смогут сделать эти запуганные и слабые старушки с матерым преступником? Да он просто передавит их, как мух. Не спасут ни смешные навозные вилы, ни совершенно бесполезный топор. Мало взять их с собой для острастки, оружием еще нужно уметь пользоваться. А кто их учил? Вот и получается, что один он у них защитник. Один, на всем белом свете, и нет никого, кто бы мог оградить их от той мерзкой пакости, что скрывается за этими дверями. Кто, если не он? А если не он, то кто?

Вспомнились ему тут и события былой ночи, и жизнь его бесполезно прожитая, и захотелось сделать что-нибудь, за что люди потом вспомнят о нем с благодарностью. Хотя бы один раз. Без оглядки на начальство, без ожидания славы и наград. Ради этих стоящих рядом запуганных женщин.

«До чего же я докатился, – подумал он, – Гнать старух на верную гибель? Что я один с этим гадом не справлюсь? Ничего, что руки повязаны. Эту сволочь я и с завязанными руками придушу. Где наша не пропадала? А не справляюсь, так, не велика и потеря. Один раз и рискнуть можно. Что так и буду за чужие спины всю жизнь прятаться? Милиция я или кто? Моя это земля или нет? Кто здесь хозяин: я или тварь всякая?»

– Ну, бабки, стойте. Если что, не поминайте лихом, – выдохнул участковый и переступил порог.

* * *

Дом оказался разгромлен основательно. Повсюду на полу валялись всевозможные баночки, скляночки, коробочки, пакетики и мешочки, большей частью пустые и разорванные. С первого взгляда становилось очевидным, что кто-то тщательно везде порылся, переворачивая все вверх дном. Кастрюли и миски, грязные тарелки, обрывки бумаги, тряпки и книги – все выворочено со своих мест, пересыпано крупой и раскрошенными макаронными изделиями.

Надо отметить, что Элеонора Григорьевна хранила съестные припасы не только на кухне или в специально отведенном для этого месте. Она предпочитала рассовывать их по всему дому, внедряла даже в платяной шкаф на полку между простынями. На всякий случай. Впрок. Закупалась и расписывала.

Следы преступления имелись на лицо. Но самого преступника в доме не оказалось. Василий Михайлович медленно обошел кухню и все три комнаты, заглянул под кровать, в шкаф, за печку, поднялся даже на чердак, но никого не обнаружил.

– Утек, гад, – сообщил он пенсионеркам, нетерпеливо ожидавшим у входа.

– И где ж он теперь? – озадачилась Вера Сергеевна.

– Не знаю, – вытер со лба крупные капли пота милиционер, – Где угодно. В лесу или еще к кому в дом полез. Пока мы его тут ловим. Вот что ему тут было нужно?

– У меня он уже был, – неожиданно призналась Анастасия Павловна.

– Как? – воскликнула Элеонора Григорьевна, – И тебя?

– Нет, – смутилась бывшая доярка, выдержав некоторую паузу, – Только изгадил все.

В доме.

– Это маньяк! – решительно заявила бывшая учительница.

– Что ж ты молчала? – с некоторым упреком в голосе спросила самогонщица.

– Пришла сообщить. Только все как-то не решалась, – соврала несостоявшаяся мстительница.

– Что-нибудь взял? – задал вопрос участковый, – Вещи какие-нибудь, деньги?

– Ничего. Пожрал все, что было и сбег, – уточнила новая потерпевшая.

– Интересная получается картина, – задумался Василий Михайлович, – Значит, он по домам ходит... Кто у нас следующий?

– Получается Марья и я, – первой догадалась Вера Сергеевна, – У меня же хозяйство оставлено! – и она стремглав понеслась к своему дому с вилами наперевес.

Остальным пришлось последовать за ней. Не бросать же в беде подружку.

* * *

Когда из-за поворота дороги показался дом Веры Сергеевны, то первое что бросилось в глаза – распахнутое настежь окно кухни с выбитым стеклом. По мере приближения стали слышны и звуки явно не хозяйского отношения к кухонной утвари. Оглушительный звон металлических крышек перемежался со звоном разбитой посуды и грохотом падающих банок.

– Стой. Он тут, – схватил участковый за воротник рвущуюся вперед хозяйку разоряемого дома, – Назад.

– Так он же там, – отчаянно махнула Вера Сергеевна вилами.

– Назад, я сказал. Стой тут. Так, все ко мне, – Василий Михайлович собрал вокруг себя бравое воинство и вполголоса заявил, – Чтобы ни звука. Слушай меня. Значит так, вы обходите дом с той стороны и шумите. Чем можете. Только по громче.

– Это зачем? – поинтересовалась Элеонора Григорьевна.

– Пугаете его. Шумом. Он выскакивает из окна обратно. Тут я его и кончаю, – пояснил милиционер, – Всем ясно?

– А если не испугается и на нас высочит? – предположила бывшая учительница.

– Шумите так, чтоб испугался, – погрозил пальцем руководитель операции, – Стучите и кричите по-громче. Из всех сил. Так, чтобы мертвый услышал. Ну, а если, вдруг, на вас выскочит – меня сразу зовите. В бой не вступать. Не шутки... Ишь, расшумелся, сволочь, – бросил в сторону дома, – Ничего не боится. Наглый какой. Все. По местам.

Сказано сделано. Женщины зашли потихоньку за дом, рассредоточились вдоль стены и стали лупить палками по пустому ведру, топором о стену, кричать «Караул! Грабят!» и про-

изводить прочий оглушительный шум. Тем временем хитроумный участковый притаился под открытым кухонным окном и приготовился к стрельбе.

Однако ожидаемого положительного эффекта задуманная комбинация не произвела. Помощницы добросовестно колотили и кричали, а хладнокровный насильник по-прежнему продолжал неистово греметь и звенеть внутри дома ни на что не обращая внимания. Каков наглец!

Наконец, распаленная общим действием Элеонора Григорьевна подошла к окну, постучала по стеклу сухоньким кулачком и крикнула:

– Эй, Афанасий, ты дома? Выходи!

Внутри дома моментально все стихло, окно стремительно распахнулось и на нее с криком: «Женщина, женщина!», вылетел перемазанный всевозможной едой субъект.

– Милиция! Насилуют! – завопила опрокинутая на землю бывшая учительница, – Помогите!

Далее все разворачивалось довольно быстро. На крики прибежал участковый, огрел насильника пистолетом по голове, после чего общими усилиями оглушенного стащили со вторично шокированной жертвы и перевернули на спину.

– Господи, чуть старика моего не убил! – воскликнула Вера Сергеевна, опознав личность задержанного преступника.

– Что же это он на людей кидается? – возмутилась Анастасия Павловна.

– Поймали преступника? – поинтересовалась Элеонора Григорьевна, медленно поднимаясь с земли и отряхивая испачканную одежду.

– Так это и есть твой негр? – поинтересовался у нее Василий Михайлович.

– Это же Афанасий. Какой же он негр? – невозмутимо ответила потерпевшая, – А где тот, что только что на меня выпрыгнул. Поймали или опять упустили?

– Ты нас не путай. Ты прямо скажи: этот был у тебя в доме? – задал вопрос участковый, упрямо указывая на неподвижно лежащего старика.

– Что ты, – отмахнулась бывшая учительница, – Тот был огромный, черный, мохнатый, а этот маленький, лысый, щуплый. Совсем не он.

– Ты негра этого точно видела? Как меня? – задал милиционер четкий вопрос.

– Как же я могу его точно видеть, когда он на меня сзади набросился, на стол повалил и... У меня глаз на затылке нет. Я, можно сказать, почти ничего не видела... – призналась смущенная женщина.

– Так он это или не он? – насел блюститель закона на потерпевшую, – Он был у тебя в доме или не он? Что ты конкретно видела. Его видела? Или другого видела?

– Так это что же он на меня сейчас кинулся? – вдруг догадалась Элеонора Григорьевна.

– Он. Я точно видела, – подтвердила Анастасия Павловна, – Все видели.

– Набросился, как вроде, он. Но вот смотрю сейчас на него сейчас, так вроде и не он. Мне, показалось, что тот был больше, – уточнила бывшая учительница.

– Вроде он. Вроде не он. Вроде – у дяди Володи. Тоже мне свидетели. Вот и разбери с вами того поймали, или не того, – участковый почесал голову дулом пистолета.

– Он и меня сильно обидел, – вставила бывшая доярка.

– Кто? Афоня? – изумилась Вера Сергеевна, обтирая бесчувственное лицо мужа носовым платочком, – Чем это он мог тебя обидеть?

– Все в доме перепортил. Что я не видела, что ли? – жестко ответила Тоська.

– Врешь! Не мог он ничего перепортить, – возразила супруга задержанного.

– А что он в твоём доме делал? Кто гремел? Зачем кинулся на Эльку? То и у меня делал. Не вру я. Правду говорю. Видела, – категорично заявила бывшая доярка.

– Так он это или не он? – снова задал вопрос участковый.

– Он, – категорично указала Анастасия Павловна.

– Не он, – отрицательно помотала головой Элеонора Григорьевна.
– Совершенно не он, – поддержала бывшую учительницу Вера Сергеевна.
– Может еще кто в доме остался? – предположил Василий Михайлович и все дружно отправились осматривать помещения.

* * *

Обстановка в доме Веры Сергеевны сильно напоминало общую разгромленность жилища Элеоноры Григорьевны. Не нужно быть искусственным криминалистом для того чтобы найти поразительную схожесть в почерке побывавшего в обоих местах преступника. Одна и та же картина: сброшенные со своих мест на пол всевозможные емкости, разбросанные повсюду объедки.

Естественного, никого больше в доме не обнаружили.

Удрученные представшим перед ними зрелищем все вышли на крыльцо.

– Похоже, что это все-таки он, – заключил участковый.

Вера Сергеевна попыталась возразить и даже весьма категорично, но в это время пришел в себя Афанасий и заорал дурным голосом:

– Кушать! Кушать хочу! Кушать!

Полное безобразие, какое явил собой дед спустя несколько минут после своего пробуждения, поразило всех и даже его законную супругу. Едва он узрел приближающихся к нему пенсионерок так тут же с криком «женщина, женщина», набросился на ближайшую Анастасию Павловну и прилюдно попытался овладеть ею прямо во дворе дома. Пришлось силой его отгаскивать от опрокинутой навзничь дородной доярки. При этом едва с ним справились. Такой он обладал невиданной силой и изворотливостью. Участковому пришлось всем своим весом придавить старика к земле, в то время как остальные с трудом сдерживали вертлявые ноги.

– Верка, веревка крепкая в доме есть? – крикнул милиционер

– Это еще зачем? – недоуменно спросила хозяйка дома.

– Так есть или нет?

– Найдется, если надо.

– Неси. Быстро.

Вера Сергеевна спорить не стала и вскоре вернулась с мотком крепкой бельевой веревки. После чего вместе с бывшей дояркой, как смогла, обмотала извивающееся тело противно визжащего супруга.

– Он сумасшедший, – поставила диагноз бывшая учительница, – Абсолютно. Он меня укусил. За плечо. Посмотрите. Прокусил пальто, пока я руку держала. Он просто сошел с ума.

Никто возражать не стал.

– Это Марья его отравила, – догадалась вдруг Вера Сергеевна, – Ведьма! Убью!

– Чем это она его отравила? Никогда никого не отравливала, – возразила Анастасия Павловна.

– Она же при тебе сказала, что опоила его отваром. Или ты забыла? – напомнила огорченная супруга.

– И что с того? Потому и напоила, что был не в себе, – предположила Элеонора Григорьевна.

– Как же не в себе? Сглазила мне мужика, чертова ведьма. Отравила. С ума свела. Что вот теперь я с ним делать буду? Куда он такой, черт лохматый, нужен? Господи, горе-то какое, – запричитала Вера Сергеевна.

– Отравила, не отравила – это, я полагаю, у нее следует выяснить, – сделал вывод Василий Михайлович, – Пошли, бабы, к знахарке.

– И его возьмем, – указала Вера Сергеевна, на связанного мужа – Пускай скажет, чем она его опоила. Господи, на кого он теперь похож?

Зрелище, какое являл из себя Афанасий Никитич, отнести к категории приятных мог только изощренный мозг мазохиста. Он скулил, хныкал, просил кушать, извивался, плевался, брыкался и под конец крупно обделался. Пришлось его волочить в баньку, всем вместе держать, отмывать, переодевать, снова связывать. Пока это все проделывали ему два раза удалось укусить за палец особенного настойчивого Василия Михайловича, один раз больно лягнуть ногой в живот Элеонору Григорьевну и плюнуть в правый глаз Анастасии Павловне. В общем, удовольствия всем досталась. Особенно Вере Сергеевне, мужественно принявшей на себя всю самую грязную работу. Но она довольно быстро взяла себя в руки и стойко сносила свалившееся на нее несчастье.

– Прямо животное какое-то, – жаловалась она, когда деда все дружно вывели из баньки и усадили лавочку.

– Скотина, – сдержанно поддержала Анастасия Павловна, – Они все скотины.

– Кто? – поинтересовалась Элеонора Григорьевна.

– Мужики, – уточнила бывшая доярка.

– Это точно, – согласилась бывшая учительница.

* * *

Марья Петровна встретила гостей возле дверей своего дома, словно ожидала прихода.

– Что же это ты, голубушка, с моим мужем сделала? – налетела на нее с хода Вера Сергеевна, – Посмотри, на кого он теперь похож стал. Чистое животное. Чем ты его опоила, что он после твоей настойки в скотину превратился? Говори, чем опоила?

Дед Афанасий, обмотанный веревками словно муха паутиной, извивался ужом между Анастасией Павловной и Василием Михайловичем, крепко поддерживающим его с двух сторон, и захныкал.

– Чем же тебе он не нравится? – улыбнулась знахарка, – Сама себе такого выбрала. Не хуже остальных.

– Я себе такого не выбирала. Он у меня нормальный был. Это ты его таким сделала, – закричала на нее раздосадованная супруга.

– Имела бы глаза увидеть, увидела бы, – возразила Марья Петровна, – Увидела бы, не рыдала бы, на людей других не пеняла бы. Был туман, да расселся. Был обман, да открылся. Чужое ушло. Свое осталось. Душа обрела лицо. Получай его в чистом виде. Это и есть твой муж. Таков он был, таков он и есть. Хотел узнать, себя понять. Что открылось, то и встречай. Нечего на меня свой грех сваливать. Нет в этом моей вины. Себя вини. Ты его таким имела, ты его таким сделала. Ты сама. И больше никто.

– Врешь! Ничего, я такого не делала, – накинулась на нее Вера Сергеевна чуть ли не с кулаками, – Ничего не делала. Это ты его опоила. Это после тебя он ненормальным стал. Ведьма! Что б тебе пусто было! Лучше признавайся, чем отравила?

– Не я его приживала. Не я ему потакала. Нечего на меня пенять, – грозно сверкнула глазами знахарка, – Сама самогон варила, сама мужа поила, себя и вини. Скажи спасибо, что вообще жив остался.

– От самогона такого не бывает. От самогона с ума не сходят. Врешь! Врешь! Ведьма! – забилась в истерику самогонщица.

– Тебе ведомо. Твой мужик. Я все сказала, – сухо ответила Марья Петровна, – Вот начальство стоит, можешь жаловаться. Посетуй почему у тебя муж такой. Почему у меня в доме стреляться хотел. Отдала пистолет начальнику?

– Отдала, отдала, – ответил Василий Михайлович.

– Вот и ладно. Каждый свое вернул. Что вы еще от меня хотите?

– Скажи пожалуйста, Марья Петровна, – обратился к ней участковый, – Что нам теперь с ним делать? – он хотел было придвинуть к ней Афанасия, но тот в очередной раз криво извернулся, выскользнул из рук и плюхнулся всем телом на землю. Анастасия Павловна не смогла одна удержать вертлявого старика за предплечье. Оказался Василий Михайлович стоящим перед знахаркой с протянутыми руками, сцепленными наручниками.

– Манил в силки зайца, да сам в них оказался. Что, теперь и не выбраться? – улыбнулась Марья Петровна.

– Не получается, – смутился участковый, – Ключ потерял.

– Эка незадача, – улыбнулась она, охватила на миг ладонями запястья милиционера, а когда отняла, то руки Василия Михайловича оказались свободными, – Выброси их подальше, – протянула ему расстегнутые наручники.

– Вот спасибо тебе, голубушка! – радостно воскликнул участковый, растирая натертые за день руки, – Как я намучился, так намучился. Весь день снять пытался. Ничего не получилось. Это у тебя как получилось?

– Не бери в голову. Время всему научит, – уклончиво ответила знахарка, – А за Афанасия не тревожься. Запри на ночь. К утру поправится. Не кручинься, Вера, придет он в себя. Станет лучше прежнего.

Расстроенная супруга только рукой махнула, мол, такое великое свалилось на нас горе, что мне уже никакие утешения не помогут, все равно плохо.

– Чужих никого не видела? – поинтересовался довольный милиционер, – Негра, например, двухметрового?

– Нет тут такого, – отрицательно покачала головой Марья Петровна, – Все здесь. Перед тобой стоят. Чужих не ищи. Хотя и своих порой разглядеть трудно.

– Да, особенно если зрение плохое. Я так и думал, – согласился Василий Михайлович, бросив в сторону Элеонору Григорьевны взгляд полный немого упрека.

* * *

Заканчивался долгий волнительный день, полный неожиданностей и страстей. Пенсионеры окончательно вымотались, оголодали, вернулись на двор Веры Сергеевны еле живые. С бесноватым стариком теперь один участковый мог справиться. Доставил его прямым в сарай, где сам провел беспокойную ночь. Обмотал деда теплым стеганным одеялом, что выдала присмирившая супруга, и запер на амбарный замок.

Пока бабы дружно прибирали дом после погрома, да готовили ужин из того, что осталось нетронутым в дальней укромной кладовке, милиционер наносил воды в баньку. Сместил сапожный аппарат в сторонку, протопил печь и, пока свет проникал через узкое окошко, с наслаждением попарился горячим парком с душистым веничком, окончательно выколотив из себя грязные наслоения прошлого.

Затем женщины сообща при свече успели наскоро порадоваться мылу, а после все вместе сели за стол и основательно подкрепились.

Элеонора Григорьевна первой затронула большую для всех тему.

– Значит, получается у мужа твоего белая горячка. С перепою такое бывает, – со знанием дела произнесла она и добавила, – Какой с больного теперь спрос.

– Да, – согласилась Вера Сергеевна, – Не понимал, что делал.

– По мне так, очень даже понимал, – скептически покачала головой Тоська.

– Что ты хочешь этим сказать? – вскинула гневные очи законная супруга, – По-твоему, он был в своем уме?

– Она хочет сказать, что прельстила его своими прелестями, – усмехнулась бывшая учительница.

– Да уж не худая, как змея очкастая, – оскорбилась вдруг Тоська.

– Я змея? Это ты жаба, – сделал ответный выпад пострадавшая дама.

– Я жаба? А ты глиста! – отбила бывшая доярка, сжав круглые кулаки готовые к бою.

– Я очень даже привлекательная дама. Для тех, конечно, кто понимает толк в женщинах, – оскорбилась в свою очередь Элеонора Григорьевна.

– Да где ты найдешь таких, которые бы понимали? Таких и на свете то не существует, – усмехнулась Тоська, почувствовав явное превосходство.

– Это для тебя не существует, – зло отрезала бывшая учительница.

– А для тебя существует? – съехидничала Анастасия Павловна.

– Хватит! – остановила их хозяйка, – Незачем нам собачиться. Как вам не стыдно. Гость в доме. Что о вас люди подумают?

– Чего хотят – то пусть и думают, – надула губы Анастасия Павловна, – Какие есть. Скрывать нечего. Доскрытничались. Срежь бела дня в дому гадят.

– Прости ты его Антонина, – сложила на груди руки Вера Сергеевна, – Не со зла он, с болезни.

– А с Элькой тоже с болезни? – возразила Тоська, – Самец.

– И с нею с болезни. Скажи, Элька, не в себе же он был, правда? – с надеждой в голосе обратился хозяйка к потерпевшей.

– В себе, не в себе, какая теперь разница, – блеснула очками Элеонора Григорьевна, – Заперт в сарае и все. Завтра участковый с ним разберется, что он понимал, а что не понимал. Меня другое волнует: кто ущерб возмещать будет? Он же у меня все пожрал. Все перепортил. Переломал. Посуду переколотил. Все видели. Даже участковый видел, не даст соврать. Как мне теперь жить прикажете? Чем питаться? У меня продуктов больше не осталось. Все выворотил. Все нашел. Сходи, погляди, что в доме твориться. До сих пор не убрано. Все как есть, на полу валяется.

– Действительно, – встрепенулась Анастасия Павловна, – У меня тоже в доме все перепорчено. И как он это понимал, где у меня что спрятано? Все ведь нашел, изверг.

– В период психических отклонений могут особенно обостряться чувства восприятия, – сухо констатировала бывшая учительница.

– Чего, чего? – недоуменно спросила бывшая доярка.

– Это по-научному. Если просто, то нюх у него хорошо работал. Он же ненормальный. Вот нюх ненормально и работал, – пояснила начитанная Элеонора Григорьевна.

– Мне все равно как по-научному, только он все перерыл и попортил. Кто за него заплатит? – заинтересовалась Тоська.

– Давайте-ка, девчонки, настоячки лучше выпьем, – предложила Вера Сергеевна.

– Сама пей свою настойку. А я не буду, – отказалась Анастасия Павловна.

– И я не буду, – поддержала ее Элеонора Григорьевна.

– А вы, Василий Михайлович, не откажетесь? – спросила хозяйка, протягивая ему бутылку.

– Нет. Спасибо. Может в другой раз, – вежливо отклонил предложение участковый, – Мне на сегодня хватит. Я лучше спать пойду. Устал что-то. Спасибо большое за ужин. Все было очень вкусно. Спокойной ночи, дамы. Желаю приятных сновидений.

– Чего это с ним? – удивилась самогонщица, когда за милиционером закрылась дверь в комнату, отведенную ему для ночлега.

– А у него, верно, тоже того, крыша поехала, – усмехнулась Анастасия Павловна.

– Это у вас поехала. А у него на место встала, – возразила Элеонора Григорьевна.

– Поехала или встала, какая теперь разница, – тяжело вздохнула Вера Сергеевна, – Пошли и мы, бабы, спать. Устала и я что-то. Тяжелый был день.

– О возмещении стало быть завтра поговорим? – снова напомнила о своем погромленная Элеонора Григорьевна.

– Ах, какая ты, Элька, мелочная, – сморщилась хозяйка дома, – Ну, конечно же завтра. Сил уже никаких нет даже смотреть на вас.

На том до утра и расстались.

* * *

Утром сарай открыли. Дед Афанасий сидел на самом верху стога сена, растрепанный и бледный. Связывающая его веревка валялась на земле поверх одеяла.

– Ну, кушать хочешь? – осторожно осведомилась Вера Сергеевна.

– Что это со мной вчера было? – осторожно поинтересовался старик.

– Ну, Слава Богу, поправился.

Афанасию во всех красках и подробностях на три голоса наперебой односельчанки поведали о вчерашних его подвигах, дали под конец ошеломительного рассказа горячего чая и отвели в баньку, где он хорошенько вымылся, содрогаясь от услышанного, после чего еще раз поругали, кто как умел, на разный лад и манер, пригрозив, что в следующий раз обязательно прибьют палкой.

– Другого раза не будет, – пообещал дед, – Сам, итить твою макушку, удавлюсь.

Выплеснув на старика остатки негодования, потерпевшие направились по своим домам: разгром прибирать, убытки подсчитывать, да счета готовить расстроенной супруге. Даже участкового заставили остаться еще на день, составить специальную бумагу. В ней Вера Сергеевна должна принять на себя обязательство до конца лета возместить каждой в натуре или деньгах стоимость причиненных убытков.

Весь остаток этого дня Афанасий провел в тягостных размышлениях. Имелось у него одно местечко облюбванное, недалеко от деревни. В тяжкие дни похмелья приходил он туда посидеть, на речку посмотреть, подумать.

На высоком берегу две пушистые березки распахнули кудрявые ветки над спокойной, глубокой заводью. Раньше в ней ребятишки купались. С песчаного дна ракушки доставали. Место глубокое, течение замершее, вдоль бережка пляжик узенький тянется. Теперь все кустарником с крепкой осокой заросло, дно заилилось. Но общее настроение словно замерло.

По небу покровительственно пушистые облачка проплывают. Вдоль берегов сосновый бор стройными рядами высится. Зеленый камыш шаловливо колыхнется. Безмятежно покоятся на воде широкие домовитые листья кувшинок. Медленное течение уносит в никуда тяжелые мысли.

Между деревьями скамеечка в две доски. Сам мастерил, примерно лет десять назад. Сел старик на нее, задумался о том, как жизнь неожиданно повернулась, и пришел к выводу, что она у него теперь совершенно никчемная. Сплошное сонное прозябание в ожидании спасительной смерти. Пустота. Существование подобное червю. Обыкновенному земляному червю. Каждый день, неделя за неделей, из месяца в месяц, за годом год таскается он неприкаянно по двору. Хватает то вилы, то лопату, то топор. Перед глазами сено, навоз, дрова. Смотреть на них опротивело. Жахнет с утра самогона, одуреет от сивухи, закружит пустая веселуха. Примнет на обед тарелицу щей да горячей картохи, уткнется вечером мордой в подушку и забудется в темном сне. Безрадостно, беспросветно, механически. Зачем так жить? Если только для того, чтобы жрать, так и без того сожрал уже много. Целый железнодорожный состав перегнал через собственные кишки. И что из этого вышло? Даже говорить об этом не хочется.

Усох определяющий стержень жизни, выпала ось вращения. Повис на старухиной прищепке, трепещется на ветру, словно застиранная простынь. Не оживят усохшую душу приевшиеся радости. Только и делает, что жрет, пьет, справляет нужду, мнет бабу, спит и снова жрет... Что-то в жизни сложилось не так. Что-то получилось не правильно. Не может человек превращаться в скотину. Не для того родила его мать, чтобы он ползал червем по навозной земле. Что-то должно быть еще, ради чего стоит жратву заготавливать.

Отчего померкли голубые глаза, почему угасли в голове дерзкие мысли? Откуда взялись две мутные пуговицы, что таращится на мир из под жидких бровей? Почему не полыхают озорным огнем очи, не бежит по телу энергичная дрожь, сердце не закипает больше, объятное жгучей страстью? Неужели остыла потухшая печь? Навсегда канули в прошлое безумные дни всеобъемного стремления к счастью? Была же и геройская статья, и кудри озорные, и бесшабашной молодости силы. На что все истратилось? Может, потерялось на пыльных дорогах сорок пятого? Или запуталось в острой лагерной колючке? Или затерли их тракторные гусеницы на необъятных колхозных полях? Как так получилось, что главное незаметно выскользнуло из самых рук? Прижимал же к самому сердцу страстное желание победить, выжить, преодолеть, построить и зажечь полной мерой – радостно и сыто. Куда делась радость? Еда осталась, а счастье ушло.

Может быть, все началось в тот день, когда решил жениться на Верке? На той, кого так и не смог по-настоящему полюбить, как непреклонную Надьку? Прожил с женой, считай, полвека под одной крышей, а душой так и не сросся. Обитает каждый сам по себе, своими радостями живет, хотя одними и теми же делами занимается. Застелили общую постель, настругали трех сыновей, вырастили, а все впустую. Ни одного не осталось. Хотел большой дом иметь, не хуже Красной избы, построил, да что толку. Стоит посреди леса, некому на него смотреть, некому в нем жить, некому восторгаться.

Видимо, с того все и пошло... Переломил любовь через колено, вырвал Верку из рук главного районного коммуниста, на зло неуступчивой Надьке, вопреки своему сердцу, как в плен у врага взял. Думал, победителем стал. Но победы на той войне не бывает. Себя поломал, Верку с пути сбил, Надьку в сторону отбросил. Три судьбы за один раз перекрутил. Разве это не зло? Вот оно и вернулось. Разъело медленно изнутри душу, превратило в труху, как муравьи крепкую сердцевину дерева. Сделал на зло, да этим же злом и крестился. Перетянулась судьба удавкой, свернула сердце на сторону, одичала присохшая душа. Какая тут теперь радость? Откуда прийти счастью? Вот и получилось, что стек на обочину, на людях хорохорился, да только все зря. Пошла жизнь наперекосяк. Протекла мимо, и толку никакого.

А ведь могло бы все выйти иначе. Мог бы и он рядом с Надюхой встать, коммунизм строить, на пару, в одном строю. Заводной же был, энергичный, догадливый. Легко встал бы во главе звена или бригады механизаторов. Даже в Правление колхоза войти бы смог, а там, глядишь, и стать Председателем. Ловко у него получалось трактора чинить. Иногда прямо в поле. Понимал это дело. Чувствовал технику. Поникал в самую суть проблемы. Даже два рацпредложения сделал по улучшению прицепного механизма. Премии за это выдали. Гордился тем. А мог бы и дальше пойти, в институт поступить, на инженера выучиться. Душа к этому лежала, к познанию техники, механизации работ. Тянулись руки к железу. Сверкала мысль. Звала ввысь. Тянулась душа, как стебелек к солнцу. Человеком бы стал, настоящим, по сути своей, не по виду.

Но свернула судьба на сторону. Женился не на той. Пришлось деньгу зашибать, дом ставить, быт обустраивать, чтобы не хуже, чем у других, чтобы полная чаша на зависть соседям...

И теперь что? Для чего? Куда? Зачем? Не вернуть прошлого.

Хороший отвар дала знахарка. Сразу в мозгах прояснилось. Высветилось все, до чего сам доглядеться не сумел за долгие годы. Как в зеркале отразился весь, как есть, целиком, без

прикрас. Голая сущность застыла в ожидании приговора. Чистая, не прикрытая, увеличенная до полной очевидности, самая что ни на есть главная.

Слабо он ее любил, если бросил. Не хватило дураку терпения, настойчивости, силы. Возомнил себя первым парнем на деревне. Ходил, словно петух. Вихрастый, задористый. Любовался собственным портретом на журнальной обложке. Возгордился своей статью, вот и растратил себя на фантики. Думал – одумается, прибежит, в колени бухнется. Ошибся. Только сильнее узел стянул. Из сердца клин клином не вышибают. Не чурбан деревянный. Напрасно любовь в девке сгубил. Засох в сердце корень. Скукожилась душа и осталась одна бездушная партийная книжка, и он блудливой, прожорливый кобель. Ушли годы, как вода в песок. Почему на войне не погиб? Ради чего в лагерях выстоял? Зачем столько лет землю пахал? Для кого дом ставил? Куда годы ушли? Ни колхоза, ни детей, ни счастья. Лишь лес темный кругом, да волки по ночам воют.

Взьерошил старик остатки седых волос на голове, стукнул кулаком о березовый ствол. Кто в этом виноват?

Вот батяня знал ради чего на земле жил. Мать рассказывала, вставал до зари, ложился затемно. Никто не заставлял. Работал, как вол. За всем следил, до всего докапывался. Каждый день счастливый ходил. Особенно, когда мамку встретил. Хозяйство, как на дрожжах росло. Знал мужик, для чего хлеб сеет. Было за что спину гнуть.

И у него изначально крестьянская душа за землю болела. Насмотрелся на европейские порядки. Увидел как наши неправильно хозяйство ведут. Захотел вступить, да осадили. Как немца под конвоем увели. Не вреди колхозному делу. Молчи в тряпку. В райкоме знают что, где и когда сажать надо, и как с такими умниками поступать следует. Хлебнул горя в лагерях. Еле жив остался.

Эх, как бы изначально техническим способом дело на земле вести. Малым числом, да большим умением, как это у них там заведено. И почему мы не такие? И чем мы хуже?

Вздыхнул дед печально, представил себе, какой замечательной могла бы сложиться жизнь, если бы не Они... Если бы не заклеили его вредителем, не отлучили бы от земли, не вселили страх в сердце, не превратили крестьянскую душу в продажную пролетарскую совесть. Продолжил бы дело отца. Стал бы хозяином. Имел бы хозяйство, большую семью, крепкий дом... Если бы не Они какой хорошей женой смогла бы стать Надька... Но околдовал ее Великий искуситель, запорошил девичьи мозги Мировой революцией, вынул из нее женское сердце, вложил в грудь партийную книжку и дал страшную власть над людьми. А он спасовал перед Ними, не распутал залятье, не снял с сердца печать, уступил грубой силе, отошел в сторону, стал показушным, да ленивым. Ни к чему стало трудиться. Не за что, да и земля чужая.

Так и разлучили их навеки, развели по разные стороны, отделили друг от дружки колючим забором, опутали нелепыми сказками о Светлом будущем, замешанном на человеческих костях. Только для кого оно строилось, не понятно. Не иначе как для мертвецов.

Может от того и рвется к Нему, что, наконец, хочет войти в Его Светлое царство свободы? Или Он настолько крепко припек к её своему сердцу, что даже после смерти не хочет отпустить? Знать, велика сила Его. Не даром Он в Москве погребен. Целым монументом над площадью вздыбился. Не соперник ему старик. При жизни не смог отбить, не сможет и после смерти? Нашла она себе Великого утешителя, срослась с Ним душой и телом. Так стоит ли их разлучать? Надо ли мучить сердце разлукою? Не по-человечески это будет. Не по совести. Плохо они поступили. Нельзя было ее тут хоронить. Без Него, без Отрады души, вопреки последней ее воле. Зря он Эльку послушал. Пошел у баб на поводу. Хотя не сильно тогда и противился. Но зато теперь понял. Только что уже сделаешь? Поздно. В могиле лежит и крест стоит. Да и как ее было отвезти? Совершенно невозможно. Захотел бы, да не смог. Силы на это нет.

Сидел дед Афанасий на бережку, думал тяжкую думу и не находил ответов на мучительные вопросы. Одно оставалось несомненным: просветление пришло слишком поздно, жизнь

прошла зря, виноват в этом он, Надежда погребена не правильно, исправить ничего невозможно. Сам он медленно превратился в скотину, и единственное что осталось, так это утопиться. Незачем больше на свете жить: ни радости, ни интереса.

«Надюхи нет. Я, итить твою макушку, утоплюсь. Баба моя издохнет от горя, – подумал он, – Жако, итить твою макушку. Вся скотина Тоське достанется... И Надьку жалко. Мучается Надька. Надо бы ее все же туда снести. Только вот как? Одному никак. Федьку дождусь. Может он что придумает. Он головастый. С Федькой легче будет. Снесем, а там, итить твою макушку, и помереть можно. Будет, кому в гроб положить».

* * *

– Надо бы нам, дед, с тобой пару бревен на мосту бросить, – предложил участковый, когда понурый Афанасий вернулся вечером к дому, – Могли бы сегодня управиться, да ты где-то весь день прятался. Замучили меня бабы твои, сил нет. Домой хочу. Засиделся я у вас тут. А как перебраться? Я когда сюда шел, бревно подо мной подломилось. Еле на берег vyplыл. Опять в холодную воду лезть не хочу. Была бы у вас лодка, другое дело. Так лодки нет. Пойдем, поутру, мост сделаем.

– Почему не сделать? Пойдем сделаем, – согласился старик.

«Хорошее дело, участковый задумал, – подумал дед, прихлебывая горячие щи на кухне, – Давно, итить твою макушку, пора мост сделать. Пенсии старухам получить. Хлеба свежего купить. Газеты почитать. Сидим тут, как отрезанные. Совсем одичали».

Утром дружно налегли на работу. Срубили вдвоем с Василием Михайловичем пару сосен в лесу, распилили по мерке, через гнилые опоры бросили, скобами железными связали. Худобедно навели переправу. Один мужик вполне пройти может.

– Итить твою макушку, – оценил результат дед, – Не пройдут бабы, узко. Надо бы третье бревно бросить.

– Да, – почесал в затылке Василий Михайлович, – узковато.

– Бревна, итить твою макушку, скользкие, – добавил Афанасий, – Навернутся задами в воду.

Сказано сделано. Трудно первые два положить. Третье само пошло. На четвертое уже сил не хватило. Итак хорошо получилось. Навели мост.

– Дорога подсохнет, скажу, чтобы досок привезли, – сказал участковый, – Доски набьем, на мотоцикле переезжать можно будет.

Удивил милиционер деда. Мало того, что трудился ладно, себя не жалел, за толстый конец бревна первым хватался, так еще и о людях подумал. Переменилось в нем что-то. Даже лицом посветлел. На человека похож стал. Приятно с таким работать. И не только потому, что он как нормальный мужик практически все сам делал: пилил, рубил, таскал, а главным образом от того, что спокойно с ним рядом находиться.

Весь день трудились. Еле управились.

Василий Михайлович умылся в реке после работы, пожал Афанасию руку, набросил на плечи шинель, и направился через мосток на другую сторону. На середине остановился, достал из кармана наручники, покачал их на широкой ладони, словно взвешивая, и выбросил в воду. На другой берег перешел, махнул старику рукой на прощанье, крикнул: «Не пей больше, дед, самогона», – и пошел одиноко в вечерней заре по пустынной дороге к дому.

* * *

С хорошим настроением вернулся домой дед. Взошел на высокое крыльцо, обозрел большое хозяйство, скинул пропитанный потом ватник и сказал жене:

– Завтра, итить твою макушку, в Селки пойду, на почту. Может письма от Федьки есть. Пенсию получу. Скажи бабам. Кому чего в магазине купить?

– Сам скажи, – ответила на ходу супруга, – У меня корова не доена, свинья не кормлена. Ноги то у самого есть, – и исчезла с ведром в хлеву.

Что с дурной бабой делать? Пошел дед сам.

– Тоська, – позвал Афанасий с улицы бывшую доярку, – Переправу наладили. Завтра в магазин пойду. Чего тебе, итить твою макушку, купить? – сказал, когда она на крыльцо вышла, одетая, словно на выход, в сапогах и теплой куртке.

– Хлеба, соли, спичек, сала, пряников и вина, – с ходу выпалила та, практически не заду-мываясь.

– Итить твою макушку, вина то зачем? – удивился старик.

– Самогонку свою сам пей, – ответила Анастасия Павловна, – Вина хочу. Самогонка ваша травленая.

– Вина, так вина, – согласился дед, – Тебе какого белого или красного?

– И белого и красного, – ответила колхозная пенсионерка, – Пряники с медовой начин-кой.

– Ладно. С медовой, так с медовой. Пойду у Эльки спрошу.

– Купи ей книжку про Гитлера, – пошутила бывшая доярка

– Зачем про Гитлера?

– Ей про Ленина уже надоело, – усмехнулась Анастасия Павловна, – Сам-то чего не зай-дешь? Чайку, может, выпьешь? – кокетливо улыбнулась, приоткрыв дверь в дом.

– Некогда мне, итить твою макушку. Вечер уже. В другой раз, – смутился старик, – Идти куда собралась? Приделась. Вместе пойдем, или как?

– Я до Красной избы. Вещи у меня там остались. Может там и переночую, – загадочно улыбнулась Тоська, – На всю ночь. Одна. Скучно будет... одной-то...

– Ты, Тоська, итить твою макушку, того, прости, что так вышло, – виновато произнес Афанасий, – Немного, не в себе был.

– Ладно, – махнула она рукой, – Бог простит. Скажи почтальону, чтобы пенсию скорее нес. Деньги кончились. На продукты денег не дам. Вы мне и так должны, – крикнула старику в след

– Скажу, – облегченно вздохнул дед.

Элеонора Григорьевна встретила старика настороженно. Узнав о цели визита, книги зака-зывать не стала. Попросила купить снотворного и что-нибудь успокаивающее, от нервов.

– Это зачем? – поинтересовался старик.

– Спать плохо стала, – сухо пояснила она.

– Так я же в Селки иду, не в район. В Селках это не купишь. Разве что на почте спросить, – озадаченно поскреб пятидневную щетину на щеке.

– Спроси, – сдержанно молвила бывшая учительница и добавила на прощанье, – Булки купи свежей. Сто лет не ела.

– Куплю, – пообещал старик, хотел было уйти, но вернулся и произнес, – Ты, Элька, того, зла на меня не держи. Прости, если можешь.

– Ступай. На больных зла не держат, – буркнула и ушла в дом.

Темнело. Марью Петровну посетить времени не хватило.

«И не пойду, – подумал дед, – От нее одни неприятности. Хотя, надо бы спросить. Чело-век все же. Ладно, утром, по дороге зайду. Она встает рано».

* * *

Не успел Афанасий утром в Селки уйти, хоть и поднялся раньше обычного, еще до рассвета. Долго, видимо, прособирился. Пока чая горячего в дорогу напился. Рубаху новую одел. Обул сапоги прочные резиновые, высокие. Вместительный заплечный мешок брезентовый от грязи отчистил. Составил длинный список покупок. Пока паспорт нашел, в карман сунул. Пока жена письмо сыну Федьке дописала, в конверт запечатала – солнце взошло, повисло над горизонтом во весь светлый свой диск. Только с крыльца спустился, Анастасия Павловна кубарем, вся растрепанная во двор вкатилась.

– Верка! Верка! – закричала на ходу, промчалась мимо старика, словно не замечая его, и снарядом влетела в дом. – Беда, Верка!

– Что случилось? – встрепенулась хозяйка, одевавшая в сенях свою красную куртку следя за мужем.

– Покойница из могилы вышла, – выпалила на пороге запыхавшаяся Тоська.

– Как вышла? – открыла рот Вера Сергеевна.

– Натурально. Вчера. Ночью.

– Не может быть!

– Богом клянусь. Сама видела. Что б мне пусто было.

– Что за глупости, – произнес сзади Афанасий, из чистого любопытства вернувшийся вслед за гостей.

– Вчера вечером я в Красной избе осталась, – начала волнительный рассказ бывшая доярка, присаживаясь в сенях рядом с хозяйкой на длинную скамейку, – Вещи кое-какие собрать не успела. Думаю, дотемна соберу. А завозились. Темно стало. Домой топать далеко. Волки. Сама знаешь. Решила остаться. Переночевать. Печку стопила. Ужин сготовила. Продукты там кое-какие остались. Не успел твой старик их слопать. Опять же с собой пару картофелин взяла. Печка опять же не дымит. Не в пример моей. Дом у Надюхи – сама знаешь. Хороший. Не моя лачужка. Вот я ужин сготовила, поела, выпила немного, сижу в горенке, вещи собираю, спать собираюсь. Ночь на дворе. Какой час не знаю. Часов нет. Думаю полночь. Нечисть всегда в полночь выползает. У меня свечка в стакане горит. Тут вижу, из спальни свет белый льется. Не как от свечи, больше на электрический похожий. Откуда в доме электричество, думаю. Никак в окно кто фонариком посветил. Заглядываю, а она на кровати сидит. Пишет что-то. «Надежда, ты, что ли?» – спрашиваю, – Так, ты же померла». Она голову подняла, на меня посмотрела сердито и отвечает: «Что же вы волю мою не исполняете? Почему с Лениным меня не похоронили?» Я так и обомлела. Слова сказать не могу. Стою, как дура вкопанная. Спина к косяку прислонилась. Ног под собой не чувствую. А она пальцем вот так погрозила, – рассказчица покачала перед носами замерших слушателей толстым указательным пальцем, – и говорит: «Письмо в Политбюро пишу. Чтобы вас всех расстреляли». Тут мне совсем худо стало.

– Господи, страсти какие, – схватила за сердце Вера Сергеевна.

– И все. Ничего больше не помню. Под утро только в себя пришла. Голова болит, сил нету. Гляжу, лежу на полу, вся, простите меня, мокрая.

– От чего мокрая? – скептически усмехнулся дед, – Обмочилась, что ли?

– Все тебе знать надо. Не твоего ума дело, – зло отрезала Тоська, – Рассолу выпила. Мокрым полотенцем обтерлась. Переоделась, во что было, и бегом к вам. Чего делать-то будем? Есть у тебя что от головы, Верка?

– К Эльке пойдем, – предложила хозяйка, – Пусть она растолкует, что к чему.

– Приснилось, – махнул рукой Афанасий.

– Какое приснилось? Я сама видела! – горячо воскликнула Анастасия Павловна.

– Ну, я и говорю, пойдем. Чует мое сердце, не к добру это, – заключила Вера Сергеевна, – Таблетку сейчас найду. Дам. Мне помогает.

* * *

Элеонора Григорьевна ранних гостей встретила бледная, с посиневшими от волнения губами. С первого взгляда стало ясно, что ночь она провела отнюдь не спокойно.

– Чего вам? – сухо поинтересовалась бывшая учительница.

– Страсти то какие у нас творятся, знаешь? – начала издали Вера Сергеевна.

– Что такое?

– Надежда из могилы вышла. Ночью по деревне ходит, – приглушенно сообщила самогонщица, – Тоську до смерти напугала. Расскажи, Тоська.

Анастасия Павловна еще раз коротко поведала свою жуткую историю.

– Слава Тебе, Господи, – облегченно перекрестилась бывшая материалистка, – Я думала, что с ума схожу. А это и в самом деле есть.

– Что есть? – поинтересовалась деловая самогонщица.

– То чего говорили, что нет, – ответила Элеонора Григорьевна, – Она ко мне уже второй раз приходила. Сегодня ночью тоже была.

– Да ты что?! Правда?! – воскликнула в один голос односельчанки.

– Ленина, говорит, мне дайте, и все тут. Ленина, говорит, хочу. Представляете? И руки ко мне тянет, будто душу вынуть хочет, – поделилась бывшая учительница.

– Господи, страсти какие, – дважды перекрестилась Вера Сергеевна.

– В первый раз я книги в нее бросила, сочинения ее любимого вождя. Она сразу ушла. А сегодня, ночью, сознание от страха потеряла. Она ко мне в туалете явилась. Я, простите, сижу, книжку про любовь читаю, вдруг дверь открывается и она на пороге стоит. Вся белая, прозрачная, злая. Смотрит на меня черными глазами и говорит: «Ленина мне отдай!» Я очнулась – ее уже нет. Я думала, у меня галлюцинации. Расстройство психики. Думала, что я на ста-рости лет умом тронулась, а это – просто необъяснимое явление! – радостно заулыбалась Элеонора Григорьевна, – Это просто чудо какое-то! Ведь не могу же я одна видеть то, чего другие видеть не могут. А если другие видят тоже, что вижу и я, значит это уже не галлюцинация, не расстройства моей психики, а объективная реальность. Это научный факт! Это значит, что Оно есть! Значит, я заблуждалась. Вы понимаете? Заблуждалась. И не только я. Так ведь?

– Ага, – согласно кивнули пенсионерки.

– А если это так, то, следовательно, Оно есть. Оно существует. Оно есть на самом деле. А если Оно есть, то... что нам теперь с этим делать? – вопрос вытек как-то само собой и поставил бывшую учительницу в весьма затруднительное положение. Она не могла на него ответить, ибо впервые столкнулась с таким необъяснимым явлением природы, какое, по существу, разрушало все ее давно и окончательно сложившиеся представления об этом мире. Одно дело не замечать этого, ходить каждый день проторенной дорогой, отрицать то, что не могло установить ни одно научное сообщество. Другое – осознавать себя в мире, где перестали работать все ранее открытые физические законы. Не могут мертвые возвращаться. Не могут бестелесные субстанции говорить и двигаться. Не может человек жить после смерти. Но если это происходит, значит, права любая религия. Значит, есть Бог, долгим отрицанием которого занимались научные коммунисты. А если есть Бог, то... как же она до сих пор жила без Него?

Объяснить это все односельчанкам за пять минут, стоя перед ними на пороге в ночной сорочке с накинутым на плечи шерстяным платком, просто невозможно.

– И что нам теперь делать? – прервала затянувшуюся паузу Вера Сергеевна.

– Что нам теперь делать? – переспросила погруженная в задумчивость Элеонора Григорьевна.

– Да. Что? – подтвердила Анастасия Павловна.

– Не знаю, девочки. Я с этим первый раз сталкиваюсь, – призналась бывшая материалистка, – Может, Марья знает?

* * *

Совещание у Марьи Петровны состоялось волнительное, длинное. Призраки по деревни отродясь не бродили. Что с ними делать, никому неизвестно. А тут еще такой, как сама Надежда Константиновна, собственной неугомонной персоной дома посещать стал. Невозможного требовать.

Вера Сергеевна, как самая по природе энергичная и пока еще непосредственно приведением не потревоженная, а потому объективная, поведала народной целительнице все подробности жутких видений своих односельчанок.

– Господи, – перекрестилась она в заключение своего рассказа, – За что нам такое наказание?

– Может наказание, может испытание, может искупление. Ни кто не знает. Мы ничего сделать не можем. Раз оно есть, живи с ним, – предположила Марья Петровна.

– Какое может быть нам искупление? Какие у нас могут быть грехи? – возразила Элеонора Григорьевна, – Прожили всю жизнь тихо. Никого не обижали. Никого не убили, никого не грабили. Блудом не занимались.

– Не нам об этом судить. Тихая жизнь без толка, хуже любого греха, – пояснила знахарка, – Ошибка – не большой грех, если душа Бога ищет. Плохо, конечно, грешить. Но живая душа, по глупости, ошибиться может. Потом кается и страдает. Ей это прощается, ибо Бог все видит. Но если саму душу от Бога прятать, то это все одно, что убивать ее. Душить. Против ее природы идти. Это душегубством называется.

– О, как у тебя, Марья, лихо выходит, – возмущенно воскликнула бывшая учительница, – Живешь, никого не трогаешь, законов не нарушаешь и еще хуже самого последнего убийцы оказываешься. Здорово. Вот не знала, что можно воровать, а после покаяться и все с рук сойдет. Давно бы какой-нибудь банк ограбила. Поставила бы после этого свечку, и все мне бы простилось.

– Все у вас образованных, не как у людей, – обижено проворчала Марья Петровна, – Все вам надо перевернуть. По-своему вывернуть. Будто слов не слышите. Будто не понимаете, о чем речь.

– Что это мы не понимаем? Поясни нам, непонятливым, – усмехнулась Элеонора Григорьевна.

– Прямо, не понимаешь? – скептически покачала головой знахарка, – Мне бояться нечего. Я женщина простая, не грамотная. Могу говорить свободно. И я, Элька, скажу. Если ты захочешь услышать, то услышишь. Никакие слова не помешают. Потому как слова только путают. Словами объяснить сложно. Ученых слов я не знаю. Говорю простыми. И эти слова сердцем услышать надо. Потому как правда из сердце выходит. Ухом одну ложь слышишь. А ты сердцем слушай. Открой его. Научись слушать. Освободи сердце от шелухи. А то спрятали его за словами. Завесили наукой. Придумали забот разных. Обросли жадностью, запретами, мелочами. В панцире ваше сердце. Захочешь открыть, не достучишься. И так закрыли, что душа в нем задыхается. Кричит, внутри скорлупы бьется. Только кто же ее слышит?

– Ну, завелась опять: душа, душа, – не выдержала Элеонора Григорьевна, – Да кто ее душу твою видел? Где она обитает? Где прячется? Сколько медики мертвых тел не поперевскрывали, нигде никакой души не нашли.

– Ты Надежду два раза видела? – спросила Марья Петровна, – Это и есть душа. Не вся конечно, но душа. А тело, как ватник, что вон на крюке висит. Сколько не рви его, человека не сыщешь. Вышел. Что толку его там доискиваться?

– И в чем мы, по-твоему, провинились, что она нам во искупление послана? – наседали бывшая учительница.

– Я не говорила – провинились, – уклонилась знахарка, – Я про душу сказывала. Про то, что слышать ее надо. Станешь слушать, правда тебе и откроется.

– О чем правда?

– О том, как жить. Что делать, – пояснила Марья Петровна, – Если не знать этого, то и жизнь невесть как пройдет. Как тихо ни живи, все зря получится. Одна бессмыслица. Станешь ходить неприкаянно. Хвататься за все подряд. А что не сделаешь, выйдет бездушно. Мертво. Холодно. Это и есть душегубство. Большой грех. Потому, как за тихой жизнью душа помирает. У бездушного человека жизнь безрадостная. Тишина и человека губит, и людей, что живут рядом. Вот как.

– Что же мы, по-твоему, бессмысленно жизнь прожили? За это нам теперь наказание? – уточнила Элеонора Григорьевна.

– Разве я так сказала? – ответила знахарка, – Я про это ничего не знаю. Про это каждый сам ответ держит. Зря жизнь прожил или не зря. Достиг цели или не достиг. Исполнил желание души или нет. Дело благое сделал, или нет. Сотворил на Земле что или не оставил никакого следа. Не я судья. Нечего меня спрашивать. Себя спросите.

– Ладно. Лирика это все. Пустые разговоры, – сделала общий вывод бывшая учительница, – Что нам с Надеждой, скажи, делать?

– Да, – поддержала Вера Сергеевна, которую эти длинные разговоры явно утомили, – Как от Надежды избавиться?

– Я же говорила: оставьте ее пока, – упрекнула односельчан знахарка, – Поспешили похоронить, теперь она не успокоится. Ходить будет, пока все, как она хочет, не сделается.

– Что же нам обратно ее выкапывать? – испугалась самогонщица.

– Не знаю, – развела руками целительница, – Сами решайте: будете тревожить, или не будете. Я с маетными душами дел не имею. Помочь не могу. Они сами ходят. Одно скажу, если она осталась, значит, держит ее что-то. Не пускает. Если она Этого просит, значит без Него не уйдет, пока Его не получит. Не успокоится. Будет ходить, пока всех не замучает. У нее времени много. Время у нее длинное. Она может лет сто ходить. Ходят и более. Каждую ночь. Особенно на большую луну.

– Что же ее теперь в Москву везти, что ли? – спала с лица вера Сергеевна.

– Не пустят ее в Москву, – убежденно выдала Элеонора Григорьевна, – Если каждый начнет по своему желанию на Красной Площади захораниваться, что же это у нас получится? Не Столица, а сплошное кладбище.

– Всяких не пустят, а Надежду пустят, – не менее убежденно возразила Анастасия Павловна, – Таких как наша Надежда, нет больше.

– Это чем же она так уникальна? – поинтересовалась бывшая учительница.

– Она была истинным коммунистом, – ответила ей бывшая доярка.

– Этого добра в Советском Союзе было – хоть отбавляй. Это не аргумент, – отмахнулась Элеонора Григорьевна.

– Нет, аргумент. Таких, как она, нет больше, и никогда не было. Ведь все что делали? Говорили одно, а все под себя гребли. А она что? Она, что говорила, то и делала. Потому ей и прохода не дали. Туда, – показала Тоська пальцем вверх, то ли в Небо, то ли ниже, на чердак, – Потому что за народ была. Как Ленин. Как народ жила. Погляди, что после нее осталось? Ничего. Ничего за жизнь свою не нажила. Не наворовала миллионов, как другие. Хотя все помнят, работала весь день, без выходных. Нет больше таких, как Надежда.

– Это еще не повод в мавзолей ее класть. Подумаешь, не наворовала. Сколько таких, которые не наворовали? Считай половина России. Все в один мавзолей не влезут, – возразила бывшая учительница.

– А я считаю, что повод. Вот ты, имея возможность своровать, взяла бы? – сощурила на спорщицу глаз бывшая доярка.

– Нет, – уверенно ответила та.

– Врешь. Прихапала бы, и не задумалась.

– Я?

– Ты, – разошлась Анастасия Павловна, – Кто по чужим домам шарил, книжки там разные собирал? Я скажешь?

– Так они брошены были, – возмутилась Элеонора Григорьевна, – Ничьи.

– Откуда ты знаешь, что ничьи? Может они оставленные. Специально. На сохранение. На них написано, что ничьи? Дом закрыли, не значит бросили. Нет, надо было открыть. Отперла и книжки все сперла. Как это называется? А может и еще что прихватила, не только книжки!

– Да ты сама, оставленные дома чистила, как помелом мела! – воскликнула возмущенная бывшая учительница.

– Обо мне речи нет, – остановила ее бывшая доярка, – Я дело другое. Я баба простая. О себе не говорю. Я вон даже в тюрьме сидела. Ты не сидела? А я сидела. Но вот Надежда по чужим домам не шарила. Даже дрова в леспромхозе на пенсию покупала. Не ходила по дворам промышлять. Даже зимой. Заборы с чужих участков не снимала, как некоторые, баньку топить. А могла бы? Могла. Вот я и говорю. Достойна она в мавзолее лежать. Потому как нет больше таких людей. Зря мы ее на нашем кладбище похоронили. Она человек российского масштаба.

– Ну, совсем вы со всех сторон меня заклевали, – возмутилась Элеонора Григорьевна, – Да делайте вы, что хотите. Хотите – выкапывайте, хотите – в Москву везите, только оставьте меня в покое. Что я вам кабинет министров за всех вопросы решать?

– Откопаем и повезем, – решительно заявила Анастасия Павловна.

– Как это повезем? Кто повезет? Мы что ли повезем? – воскликнула Вера Сергеевна.

– А кто? – вытаращила глаза Тоська.

– Пусть её партийные её товарищи возят. У них на это целая Партия есть. Партийные деньги в миллионах. Мы тут причем? – высказалась самогонщица, – У нас денег на это нет. У нас возить её некому. Мы на гроб еле наскребли.

– Вспомнила! Партия! Где ты слыхала про такую Партию? Нет больше такой Партии. Распалось давно Партия. Сгинула КПСС, – напомнила бывшая учительница, – Надо внимательнее, голубушка, следить за политическими процессами в стране. Тогда бы не оставалось больше неоправданных иллюзий. Теперь это наше дело. Деревенское. К нам она по ночам приходит. Нам и решать проблему. Их она ни о чем не просит. Некого просить. Никого не осталось. Она нас терзает.

– Что же нам тогда делать? Как ей этого Ленина дать, гадине? – расстроилась самогонщица.

– Придется везти, итить твою макушку, – тяжело вздохнул Афанасий.

– Правильно. Откопаем и повезем, – поддержала его бывшая доярка.

– Здравствуйтесь, проснулся, – оценила выступление мужа расстроенная супруга, – Тебя только здесь не хватало. Вылез со своим предложениями. Ты подумал, о чем говоришь? Как ты её повезешь? Куда? Это тебе не дохлого кота зарыть в огороде.

– Откопать откопаем. Дело не хитрое. Кто вот гроб понесет, итить твою макушку? – словно соглашаясь, добавил старик, – До Москвы далеко...

– Я не поеду, – решительно заявила бывшая учительница, – Стану я там позориться на старости лет.

– И мы не поедem, – присоединилась Вера Сергеевна, – Это же расходы какие... На кого хозяйство оставить? Кто корову кормить будет? Мы и так сильно потратились.

– Я тоже не поеду, – сбавила обороты Анастасия Павловна, – Страшно оно как то в Москву ехать.... Далеко...

– Вот и образовали команду, итить твою макушку, – заключил дед, – Я гроб один не стащу.

– Куда это ты намылился, черт лохматый, на старости лет? Здравствуйте, – сделала вывод супруга, – Я тебе покажу, один гроб стащу. Даже думать не смей. Везти он собрался. Команду сколачивает. Ишь удумал, черт лохматый! Никакой Москвы. Это их дело, партийное. Мы свое сделали. Дома сиди. Дома дел много.

– И чего мы тут тогда обсуждали? – робко напомнила Элеонора Григорьевна.

Односельчане посмотрели с тоской друг на друга и едва не разрыдались от безысходности. Ленина то в деревню тоже привезти невозможно. Кто ж его выдаст?

– Неужели так и будем жить с приведением? – расстроилась Вера Сергеевна, – Страшно то как, а?

– Ты ее еще не видела. Страшно – не то слово, – протянула Анастасия Павловна, – Мурашки по коже вот такие бегаят, – показала свои пухлые кулачки, – Еле с головой справилась. Так заболела – сил нет. Ужас.

– Хоть из дома беги, – присоединилась Элеонора Григорьевна, – Как вспомню, так вздрогну. Только куда мы сбежим? Было бы куда, давно бы сбежали. Обречены мы здесь на погибель. Остается одно: или мы в Москву к Ленину ее отвезем, или она нас здесь всех передушит.

– Мы тут с волками живем. И ничего. Привыкли. Чего нам Москва? Подумаешь, Москва! Чего там бояться? В Москве волков нет, – едва всхлипывая, тихо произнесла бывшая доярка, – Надежда достойна того, чтобы в Москве лежать. Если таких людей не в Москве хоронить, то для чего тогда революцию делали?

– И то верно, что с волками живем. Всю жизнь боялись. То одного, то другого. От каждого шороха вздрагивали. Жизнь уже кончилась, а мы все боимся, – вздохнула Элеонора Григорьевна и добавила после непродолжительной паузы, – Чего боимся? Будто от этого наша жизнь краше станет. Может в этом и есть промысел Божий.

– Чего, чего? – насторожилась Вера Сергеевна.

– В район ехать надо. К участковому. Бумагу получать. Без бумаги все равно не пустят, – заключила бывшая учительница.

– Надо – съездим. Отчего, итить твою макушку, не съездить? – согласился старик, – И так туда собирался. Завтра и съезжу. Сейчас уже поздно. Не обернись.

– Я предлагаю у нас пообедать. А после заночевать, – пригласила Вера Сергеевна, – Вместе не так страшно.

Радужное предложение встретили общим одобрением. Засидевшиеся гости медленно тронулись к выходу.

– А ты как, Марья, с нами или нет? – робко поинтересовалась на прощанье озабоченная на остаток дня хозяйка.

– Спасибо. Я у себя останусь, – ответила знахарка.

– Не боишься? – удивилась Анастасия Павловна.

– Бояться мне нечего, – улыбнулась знахарка, – Мне она ничего не сделает. Я душу не закладывала. С меня и спрос не велик.

– Кто ж ей закладывал? Я тоже не закладывала. Она сама ко всем в душу лезла. Учила, как надо жить правильно. До сих пор угомониться не может, – тут же возразила с порога Элеонора Григорьевна.

– За то, верно, и мается, – согласилась с ней Марья Петровна, – Возложила на себя тяжкую ношу. Спудом этим и придавило. Прости ее Господи.

Глава 3. Ученики

К вечеру пошел дождь. Дорога укрытая плотным слоем перегнивших листьев сразу раскислась. Деревья почернели, набухли и окружающий лес насутился.

Короткие резиновые сапоги то и дело увязали в размокшей грязи. Узкий гребень разбитой колеи ежеминутно норовил выскользнуть из под ног и опрокинуть в продавленную тракторами ямину, полную черной воды. Тяжелый мешок давил спину, плечи натружено прижимались к тощей груди, намокший брезентовый капюшон настойчиво напознал на глаза. Приходилось его одергивать и холодные капли воды скатывались в рукава, покалывая и без того расчесанные нервы.

Маленькое загородное путешествие непредвиденно затягивалось и перспектива встретить ночь в сыром темном лесу Станислава не очень устраивала.

– Черт меня понес в эту глухомань, – выругался он, – Сдалась мне эта Марья Петровна с ее старыми табуретками. Чтоб она издохла.

* * *

Примерно три года назад у Станислава внезапно умер отец. Причиной смерти послужило, как сказали на похоронах единичные друзья семьи, глубокое разочарование в жизни. Семнадцатилетнему сыну, едва окончившему среднюю школу, досталось печальное наследство в виде убогой двухкомнатной квартиры, престарелой больной матери и кучи долгов. Тогда Станислав напросился в помощники к известному антиквару Натану Григорьевичу Гольцману, старому приятелю отца. Будучи человеком умудренным жизненным опытом, тот снизошел до понимания неподъемности проблем, внезапно обрушившихся на слабые плечи плохо образованного юноши. Дрогнув сердцем, Натан Григорьевич профинансировал получение им отсрочки от призыва на военную службу и взял к себе, с надеждой получить от него хоть какой-нибудь толк в отработку произведенных вложений. К удивлению антиквара молодой человек довольно рьяно взялся за освоение нового для себя дела. В перерывах между разовыми поручениями он с увлечением погружался в изучение немногочисленных искусствоведческих источников, позволяющих с наибольшей степенью вероятности определять по внешним признакам истинную ценность старинных предметов быта, религиозного культа и произведений прикладного искусства. Проштудировав все книги, имеющиеся в антикварном магазине, стал регулярно посещать библиотеку и книжные рынки в поисках новой справочной литературы, отслеживал выход тематических журналов и старался не пропустить ни одной антикварной выставки.

Такое усердие не очень понравилось хозяину. Он полагал, что для надлежащего исполнения обязанностей доверенного лица на побегушках ни к чему отягощаться излишними сведениями, составляющими саму основу антикварного бизнеса. Тем более, что под его неусыпным оком росли и крепились на семейном поприще два родных сына. Выращивать себе конкурента не входило в планы Натана Григорьевича. С другой стороны и увольнять парня, вроде как, оснований не усматривалось.

Тем временем старинные вещи, постоянно окружавшие Станислава, постепенно стали выстраиваться в его сознании в ровные колонки цифр, отражающих предельные закупочные и продажные цены. Литье, бронза, приметы домашнего обихода, мебель и, наконец, иконы с церковной утварью все чаще получали от него поразительно точную оценку, так что к концу третьего года пребывания под крылом прожженного антиквара он начал практически безошибочно угадывать по внешнему виду истинную ценность сдаваемых на комиссию предметов и даже позволял себе делать некоторые неуместные замечания относительно того где и как можно продать их с наибольшей выгодой. Это не могло не вызывать раздражения со стороны

хозяина, тем более, что собственные дети к этому времени не достигли столь же выдающихся успехов в освоении своей будущей профессии.

Дабы избавиться от навязчивого присутствия прижитого порученца, Натан Григорьевич со свойственной ему прозорливостью решил отправить помощника на месяц в командировку месить липкую грязь проселочных дорог, дав поручение обойти окрестные затерянные в глуши деревеньки, втереться в доверие к простодушным селянам и выудить у бесхитростных старушек нажитую за долгую жизнь представляющую ценность утварь. Выдал на время подержанную «девятку», снабдил небольшими деньгами, липовым удостоверением искусствоведа областного краеведческого музея и добрым напутствием – не покупать дорого. Так получилось первое самостоятельное дело. Проверка на прочность. Испытание, определяющее сможет ли он вырваться за жестко установленные рамки мальчика на побегушках. Добьется ли права иметь голос. Обретет ли перспективу профессионального роста в тесном кругу антикваров. Станиславу требовалась только победа.

И еще одно важное обстоятельство заставляло юношу упорно брести через темный лес по разбитой тракторами дороге.

Натан Григорьевич имел дочь Анну. Можно сказать, невесту на выдане. Роскошную, раскрепощенную девицу, вкусившую все прелести красивой жизни и не привыкшую себе ни в чем отказывать. По словам шефа, она гуляла то где-то в Америке, то в Венеции, то в Париже, то отдыхала от чего-то на каких-то островах. Появлялась в магазине редко, но всякий раз шумно. Стремительно влетала в маленький кабинет папаша за очередной суммой денег, вырывала ее с визгом и криками. Натан Григорьевич всякий раз отступал, не мог долго сопротивляться, сдавался и потом долго ругался на свою уступчивость, выплескивая негодование на голову помощника. Единственная дочка, любимая. Баловал ее антиквар на свою голову.

В тайнике своей души Станислав надеялся через год-два завоевать сердце гордой красавицы. Покорить своими невероятными успехами. Войти в семью антиквара на правах члена, а после смерти патрона взять полностью дело в свои руки. Сыновей Натана Григорьевича он всерьез не воспринимал. Слишком они избалованы, не меньше сестры. Привыкли все получать сразу, немедленно. Им не хватало усердия и такта. Особенно там, где требовалась большая выдержка, главным образом в разговорах с пожилыми людьми. Станислав видел, как они злятся на несговорчивую старушку, упорно настаивают на своей цене, ругаются почему зря, вместо того, чтобы поговорить с ней о трудностях жизни, расположить к себе и затем уже облапошить. И та уходила от них обиженная, уносила с собой свою безделушку, лишая возможности получить с нее неплохой навар.

Вот Натан Григорьевич другое дело. Он само обаяние, выдержка и кураж. Он может бесконечно любезничать с самой последней падалью, если разговор касается удачной сделки. И оставаться безучастно жестоким к тем, кто пытается развести его на деньги. Кроме дочери, конечно. Но это семейные терки. У него есть чему поучиться. Мастер своего дела. Первостатейнейший лицедей.

Подняться до вершин своего учителя, превзойти, вырваться вперед и покорить мир, вот основные мотивы, неумолимо толкавшие бедного юношу в скользкую грязь за воплощением мечты.

* * *

В сельмаге деревни Селки Станислав обратил внимание на губастого маленького мужичонку с разлапистыми грязными руками, жалостно созерцавшего большими собачьими глазами ровные ряды недоступного фабричного зелья. Перекинулись парами фраз. Возможность сравнительно легко отовариться моментально настроила того на общительный лад и вскоре он весьма охотно сменял потрепанную старухину икону на сто полновесных рубликов. Мужичку

было тоскливо, душа просила культурной беседы. Променяв чуждый лик неясного существа, ничего хорошего в этой жизни не давшего, на три бутылки дешевой водки, он охотно поведал залетному пареньку про всех окрестных обитателей, ни за грош сдав их пороки и тайные страсти.

Про Марью Петрову рассказал почти сразу, как только узнал о цели визита хорошего городского человека.

– Этого добра у ней много. Самые разные. Какие хошь. Но... – многозначительно почесал мужичок грудь под промусоленным пиджаком, – Баба она вредная.

– Чем же она вредная? – поинтересовался Станислав.

– Увидишь, поймешь. Не любит нашего брата.

– Это почему?

– Ведьма. Вот почему.

– Да ну? – удивился начинающий антиквар, – Настоящая?

– А то как же?

– И на метле летает?

– Этого сказать не могу. Не видел. Зря врать не буду. Но меня один раз от хвори вылечила.

– Это как?

– Застудил я в позапрошлом году спину. По осени в канаву упал, случайно. Пока добирался до дома прохватило. Хорошо мужики на тракторе довели. До нее. А то б издох. Далече она живет. Там, за лесом. Так она дала мне чего-то горькое, пошептала чего-то над ухом и все. Как рукой сняло. Во как, – пояснил мужичок, – Я ей потом крышу перекрывал этим, рубероидом. У нее прохудилось, ветром подрало. Так я новый поверх настелил. Весь день работал. Одной вареной картошкой кормила. Чуть не издох там на крыше. Что б ей пусто было.

– Что ж сразу не ушел?

– Нельзя. Хворь вернется. Отработать надо. Вот и корячился.

– Так она значит не ведьма, а целительница, – уточнил Станислав.

– О точно. Мужика у нее не было. Так и живет в девках, – довольно хрюкнул мужичок.

– Это тут при чем? Я имел в виду, что она знахарка.

– Какая хрен разница. Девка она и живет одна. Одно слово «чертова дочка».

– И далеко до нее ехать?

– Пешком чесать. По лесу. Километров пять.

– Это почему?

– Дорога разбита. Твоя чихалка не пройдет. Туда только на тракторе. И то сейчас не проедет. Реку разлило. Моста, считай, нету. Люди так, по бревнышку, ходят. Но ты мужик крепкий. За день обернешься, – прикинул мужичок.

– И как ее там найти?

– Не сложно. Там домов раз, два и обчелся. Ее крайний, возле речки. Не спутаешь. Хлеба купи и топай, – напутственно посоветовал мужичок.

– Это зачем? – удивился Станислав.

– Городской, темный, – улыбнулся он щербатым ртом, явив недостатку трех передних зубов, – Они ж за пять километров живут. В лесу. Откуда у них там хлеб? Медведь его, что ли, принесет?

– Спасибо. Обязательно возьму.

«Девятку» Натана Григорьевича Станислав оставил в деревне возле магазина под прищмотром мужичка, накинув тому две десятки за караульную службу. Купил десять буханок хлеба, набросил на плечи брезентовый макинтош, сунул в рюкзак каталоги, на случай компетентной беседы для пущей важности, и направился в дорогу, искренне надеясь вернуться засветло. Но просчитался, заплутал. Когда же добрые люди встретили его среди бескрайних заросших полей и указали на путь истинный, то дело уже клонилось к вечеру. В результате

проходил Станислав лишних километров семь, а то и все восемь. А тут еще дождь... будь он неладен.

* * *

Свет в окошке Станислав увидел, когда солнце опускало занавес. Дождь к этому времени кончился. Макинтош промок. Рюкзак протек. Хорошо еще по старой привычке каталоги в полиэтиленовые мешки уложил. Но продукты явно подпортились.

Отыскать дом Марьи Петровны в маленьком заброшенном селении оказалось делом нехитрым. Из трех домов, стоящих возле берега, два почти развалились и только в одном, вросшем в землю по самую крышу, теплился свет. Видимо, там и проживала Марья Петровна.

К концу своего путешествия юноша имел довольно жалкий вид. Вымотанный раскисшей дорогой, промокший, голодный с единственной мыслью в голове найти сухой теплый угол и завалиться спать. Влекомый главным образом только этим желанием, он решительно постучал в окно.

– Верка, опять ты? – раздался из глубины дома женский голос, – Чего надо?

– Извините, не могли бы вы выйти на одну минуту?

– Кто это?

– Я Стопкин, из областного музея. Искусствовед, – соврал Станислав, но что не скажешь ради желания втереться в доверие и проникнуть в теплый дом, – Мне нужно видеть Марью Петровну.

– Кто, кто? – окно распахнулось, и Стас узрел крупное, как ему показалось, молодежливое лицо женщины с правильными чертами, обрамленное черными пышными волосами, затронутыми легкой проседью.

– Стопкин, искусствовед. Вы Марья Петровна?

– Я. А что нужно?

– Извините, я очень устал. Я пришел к вам. Пешком. На машине не проехать. Я условно побеспокоил бы вас раньше, но, извините, заблудился. Не туда свернул. По дороге был дождь. Я промок. Мне надо поговорить с вами. Теперь уже ночь и... я не знаю, где здесь можно остановиться... Не могли бы вы позволить мне переночевать?

– Нет. Как пришел, так и ступай, – строго сказала хозяйка, – Путь известен.

– Извините, я очень устал и... боюсь, в темноте снова сойбьюсь с дороги, сверну опять не туда. Может быть, вы скажете, у кого можно переночевать. Я весь промок... Я хлеба принес. Десять буханок. Я могу заплатить. Пожалуйста. Я меня есть деньги.

Несчастный вид утомленного путника растрогал строгое сердце хозяйки и она сжалась, хотя гость сразу ей не очень понравился.

– Ладно. Входи, – сказала она и захлопнула окно.

Из сумрака сеней Стас шагнул внутрь дома и оказался весь как есть перед лицом Марьи Петровны.

– Ну, садись, Стопкин, – сощурила глаз знахарка, внимательно разглядывая гостя, – Надеюсь, топора за пазухой у тебя нет.

– Помилуйте, какой топор? Я еле жив.

– Звать тебя как?

– Стасом. Станиславом Ефимовичем.

– Ужинать будешь, Станислав Ефимович?

– С радостью.

– Садись, откушай, чем Бог послал, – пригласила хозяйка, накладывая в тарелку горячей пшенной каши, – Еда простая. Готовим, как можем. Не обессудь.

– Я вам хлеба принес. Десять буханок, – повторил Стас, сбрасывая на скамейку мокрый рюкзак, – Правда, он неверно подмок, – извиняющимся тоном произнес он, расстегивая ремни и выкладывая на стол буханки, – Был дождь.

– За хлеб спасибо. Только денег у меня нет.

– И не надо. Это подарок, – услужливо предложил гость.

– Подарков не надо. Подарки нынче дорого стоят. Мы люди бедные. За ночлег возьму, – твердо ответила хозяйка, принимая продукты, – Спать здесь будешь, на кухне. Возле печи. На лавке постелю. Не жестковато будет? Других мест нет.

– Устроюсь по-царски. Я человек привычный.

– Ешь, человек привычный, пока свечка горит. Другой на сегодня не будет. Догорит скоро, – распорядилась знахарка, выставляя еду на стол, – Хлеб сам режь.

– Электричество экономите? – показал пальцем Стас на черную от копоти лампочку, свисающую с потолка.

– Да. Экономим. Лет десять, – пояснила Мария Петровна.

– За свет не платили?

– Да. Не платили. Деньги кончились, – отшутилась хозяйка.

– Веселое местечко.

Стас взялся за ложку и с дальней дороги горячая каша, сваренная на воде, показалась ему вполне сносной. Хотя, может статься, хозяйка сумела ее хорошо приготовить. Тарелку он очесал на два счета. Поблагодарил и стал готовиться к ночлегу.

Внутреннее убранство дома Марьи Петровны назвать богатым смог бы только бушмен из пустыни Калахари. Небольшая кухня, печка с широкой плитой, за ней комнатка в три оконца. Платяной шкаф, железная кровать, круглый стол, да три стула. Тесно, но чисто. Первое, что бросилось в глаза гостю – длинные гирлянды пучков сушеной травы через всю кухню и комнату. За ними, словно за облаками, скрывался широкий ряд деревянных расписных икон. Заботливо пристроенные в красном углу и подсвеченные тремя дешевыми лампадками они гармонично вписывались в серые бревенчатые, тесанные стены, образуя роскошный алтарь в самой глубине дома. Все старые, прокопченные, с темными золотыми окладами.

Сурово взирали лики святых старцев. В самую душу прокрадывались. Даже слегка не по себе стало.

«Намоленные иконки, – оценил Стас, устраиваясь на лавке, – Лет сто каждой».

Ниже следовали полки с различной утварью. В неверном свете свечи угадывались медные тазики, ковшики, ступки, пара бронзовых крылатых подсвечников, фигурные кувшинчики, причудливые баночки, резные шкатулочки... Все на вид старые, может даже дореволюционные, цены, видимо, не малой при хорошем раскладе.

«Интересная полочка, – заметил антиквар, – Мебелишко – барахло, а шалабушки что надо».

Весь вечер, пока догорала свеча, Стас напряженно думал, как завтра лучше наладить разговор. Продолжать играть в искусствоведа и давить на патриотизм, или сразу предложить деньги? «На кой хрен ей это старье? – размышлял он, – Развесила иконы как в церкви. Кому они тут нужны? Хочется лик божий дома иметь, повесь дешевую картинку и плюхайся мордой об пол, сколько душе угодно. На кой черт надо антиквариат иметь? Лучше бы телевизор купила. Смотрела бы по вечерам новости. Просвещенной старушкой стала. Хотя у нее, судя по всему, электричества нет. Вот дыра, медвежий угол... Тоже мне знахарка выискалась. Шарлатанка лесная. Обросла мхом, пожрать толком нечего. Чего ей в такой глуши надо? Перебралась бы в город, сшибала бы деньгу с лохов, клиентов там хоть отбавляй. Облапошивай, и живи красиво. Говорят, эти экстрасенки хорошо загребают... Мне бы эти иконки у нее взять, я бы Натану Григорьевичу их на стол оп-па. На те, Натан Григорьевич. Станислав Стопкин тоже не лыком шит. Могём и мы кой чего! Вот он бы припух. Наварил бы себе с них хороший

гешефт. И мне бы отпало. Но главное уважать бы стал. Компаньоном, может быть, сделал... На кой черт ей эти иконы? Что она с них имеет? Тут же никого нет. Какой от них прок? Ни себе, ни людям. Нет, надо их брать. Но как? Упрямая, судя по всему, баба».

И так ему захотелось иконы прибрать, что он проворочался на жесткой скамье практически всю ночь, не смыкая глаз, слушая, как проникновенно глубоко воют за окном в лесу волки.

* * *

Утро выдалось пасмурное, сырое. Марья Петровна встала рано, запахнулась в махровый халат, загремела кастрюлями. Стала растапливать печь. Разбудила ночлежника. Пришлось тому подниматься.

– Доброе утро, – пробурчал он вежливо.

– Здравствуйте, – ответствовала она.

Стас ополоснул лицо холодной водой из рукомойника, сел за кухонный стол в ожидании завтрака.

– Кофе нет. Чай травяной. Вон хлеба себе отрежь, если хочешь, – догадалась хозяйка, – Кашу вчера доели. Сегодня не варила. С утра не ем. Заварка в чайнике, – сказала и вышла во двор.

Брезгливо осмотрев сомнительной чистоты фабричную железную кружку времен развитого социализма, начинающий антиквар отрезал себе кусок влажного хлеба и стал жевать всухомятку. Хлеб показался ему невкусным. Но на большее рассчитывать не приходилось, да и завтрак не сильно интересовал гостя. Все внимание его приковалось к алтарю с длинными полками в глубине комнаты. С восторгом обозревал он всевозможные старинные вещицы, выстроенные под строгими ликами икон. Да, вчера он не ошибся. Теперь при свете дня стало отчетливо видно, что они не просто старые и большей частью искусной ручной работы, а исключительно редкие, можно сказать, раритетные, коллекционные. Такая находка стоила того, чтобы проташиться за ней через всю грязь, дождь и унижение.

«Это я, кажется, хорошо зашел. Тут, есть что взять, – присвистнул Станислав, – Увесистая старушка. На этом можно, пожалуй, и дело свое начать. На первый расклад хватит, а там раскрутимся...»

Эта мысль настолько сильно запала в душу, что он даже вспотел от волнения.

Отдать все Натану Григорьевичу за спасибо, чтобы он сделал себе хорошие бабки? Ну, нет. Дудки. Это его находка. Это его старушка. Нужно быть последним идиотом, чтобы упустить такой шанс. Столько редкостей в одном месте. Это же просто клад какой-то. Скифский курган. Гробница Тутанхамона. Не дождется Натан Григорьевич с этого стола ни крошки. Хватит на него горбатить. Захотел сбегать на высылки? Сбегрил. Спасибо большое. Теперь на, выкуси. Другого найди себе мальчика, пакетики разносить. Это все и без него легко пристроить можно. Разлетится, как пончики. Одни подсвечники за десять тонн баков пойдут. Все. Хватит. Станислав Стопкин выходит на рынок. Придется считаться с новым удачливым профессионалом.

– Что это ты там крутишься? – ударил в спину строгий голос хозяйки.

– На хозяйство ваше люблюсь, – быстро нашелся антиквар, – Вот увидел пару любопытных вещей. Не пожертвуете их в экспозицию нашего музея?

– Какого еще музея?

– Краеведческого. Музей наш не большой. Денег у нас не много, но по сто рублей за подсвечник охотно могу дать, – как можно приветливее улыбнулся Станислав.

– Не надо мне денег. Ничего не дам. Зачем пришел?

– Я слышал, что у вас много старых вещей есть, икон, разной бытовой утвари. Все это очень интересует наш музей, – заворковал самопальный искусствовед, – История края, сами

понимаете, культурное наследие. Вот ходим по деревням, собираем следы прошлой жизни. Сохраняем, можно сказать, память потомков. Люди будут приходить, смотреть на эти вещи, узнавать про свою историю, про свои корни. Связь времен, так сказать, образуется. Это ведь важно. Особенно для детей. Для правильного их воспитания. Особенно в наши дни, когда люди не помнят кто они, откуда и для чего пришли в этот мир. Цель нашего музея научить их правильно смотреть на историю. Историю своего края, как составную часть истории всей страны, всего нашего народа. Экспозиция нашего музея пока еще не большая. Ваш вклад, уважаемая Марья Петровна, может стать очень ценным, можно сказать, ключевым компонентом. Я как искусствовед авторитетно могу вас заверить, что нет никакого смысла хранить здесь эти старые вещи. Они могут послужить делу просвещения, воспитания молодежи, сохранения народной памяти о тех днях, немymi свидетелями которых они были.

– Врешь ты все. Искусствовед. На иконы позарился, – рубанула с плеча знахарка.

– Что вы такое говорите, Марья Петровна, – смутился Стас, – Вот, я могу доказать. Вот, у меня удостоверение есть. От Новгородского краеведческого музея. Пожалуйста, посмотрите. КATALOGи с собой. Вы можете позвонить директору. Спросить его. Он подтвердит.

Станислав откровенно врал. Он прекрасно понимал, что телефона в деревне нет, проверить его слова невозможно, а разобрать подлинное у него в руках удостоверение или «липа» не сможет даже искушенный милиционер, не то что деревенская бабка.

– Не надо мне этих бумажек. Я ничего в них не понимаю. А тебе так скажу: уходи. Ничего продавать не буду. Ничего от меня не получишь, – сказала, как отрезала, и посторонилась от двери, открывая гостю проход на улицу.

– Напрасно вы так, уважаемая Марья Петровна, – обозлился Стас, – Я мог бы вам заплатить хорошую цену.

– Я сказала. Денег не надо. Уходи.

– Но вы могли бы хотя бы рассказать, откуда у вас такие замечательные иконы? Каким образом они так хорошо сохранились? Сколько им лет, и какие исторические события с ними связаны? Это вы можете? – отступил на шаг ушлый антиквар, прекрасно понимая, что для установления дружеского контакта нужно, прежде всего, человека хорошенько разговорить.

– Не стану ничего рассказывать. Мои это иконы. От матери остались. И все тут. Уходи, говорю, – уже сердито повторила хозяйка.

– Простите, уважаемая Марья Петровна, можно мне хотя бы описать их, сфотографировать, зарисовать некоторые образцы? Это много времени не займет. Всего одну минутку. Я быстренько. Только достану фотоаппарат, – Стас схватил рюкзак и стал в нем копаться, выкладывая на стол один каталог за другим. Он тянул время. Оно было необходимо для подбора ключика к этой несговорчивой, упрямой старухе. Познакомиться поближе, расположить к себе, вызвать улыбку, приветливое доброжелательное отношение, вот что сейчас представлялось для него главным. Для этого нужно не прерывать общение, продолжать разговор на любую приятную собеседнице тему. Но как найти эту тему? Требуется время. Следовательно, он должен отыскать способ, чтобы остаться, задержаться любой ценой. Придумать самый необычный повод, вплоть до банального поноса... Эврика! Она же знахарка!

– Ой, что-то в боку кольнуло, – артистично сморщился он, – С детства там постоянно болит. Не посмотрите?

– Нет там ничего, – сердито ответила Марья Петровна и плотно сжала тонкие губы.

Стас чувствовал, что терпение хозяйки дома начинает стремительно истощаться. Ответный лимит внимания закончился. Положительного результата не достигнуто. Скорее наоборот. Непонятно почему стена отчуждения между ними с каждой минутой росла и крепла. Преодолеть ее известными способами общения он оказался не в состоянии. Впервые у него ничего не получилось. Каждая его попытка установить контакт пресекалась тут же, без какой-либо возможности возобновления. Еще немного и она начнет его активно выставлять вон.

«Интересно, как она будет это делать?» – подумал он, и, вытащив на свет фотоаппарат, радостно произнес:

– Вот нашел. На самое дно провалился. Только сделаю пару снимков и оставлю вас, наконец, в покое.

– Не нужно, – возразила знахарка, – У меня нельзя фотографировать.

– Почему?

– Нельзя.

– Жаль. Очень жаль. Это были ли отличные снимки.

– Уходи. Разговор кончен. У меня дел много, – произнесла она.

– Простите, но... если я не уйду? Тогда что? – неожиданно произнес Станислав, нахально усаживаясь на скамейку, – Я еще чая не пил. Как я уйду без завтрака? – добавил он и взял в руки ранее отвергнутую железную кружку.

– Что ж попей, – сдержанно согласилась хозяйка, подошла к плите, взяла в руки большой половник, зачерпнула из какой-то кастрюли густой заварки, налила в кружку гостя и встала возле него в ожидании, словно стражник.

– Пей, – сказала сухо, – Подожду.

«Так, минуту я выиграл, – подумал Стас, медленно потягивая горячий, душистый травяной напиток, – Вот ведьма упрямая. Стукнуть бы ее по башке, и дело с концом. Меня здесь никто не видел. Никто не знает. Только мужик в Селках. И еще эти „грибники“ по дороге. Но мало ли людей по лесу болтается? Оставлю на столе деньги. Кто потом докажет, что она сама их не получила? Продала и продала... А то и вообще дом поджечь. Сгорел себе и сгорел. Сена внутри много. Полыхнул, выскочить не успела. Никто ничего потом не докажет. Да и определять никто ничего не станет. Мало ли пожаров в лесу бывает... В конце концов, сама виновата. Я честно предлагал продать. Что ей стоило? Зачем упираться? Без этих икон я все равно отсюда не уйду. Мне дело свое начинать надо. Мать из нищеты вытаскивать. И так засиделся в шестерках. Хватит. Пора самостоятельным становиться. Имею я право на хорошую жизнь или нет? Имею право денег много зарабатывать? Или так и буду бегать в шестерках у Натана Григорьевича? Сидит тут, понимаешь, ведьма, как собака на сене, ни себе ни людям. Нет, так не пойдет. Это не честно. С людьми делиться надо. Отжила свое, уступи. Дай дорогу молодым. Другим дай пожить».

– Хороший чай, – вслух произнес он, – В городе такого не попьешь. Интересно, какие травы в него положены?

– Нужные, – ответила знахарка, – Попил?

– Погоди, уважаемая, не гони. Еще минутку дай посидеть, – растянул губы в сладкой улыбке Станислав, чувствуя как медленно покрывается густой испариной, – Очень чай у вас вкусный. Нельзя ли еще плеснуть? На дорожку.

Хозяйка слегка ухмыльнулась, молча взяла из рук гостя кружку, отвернулась к плите, звякнула крышкой.

«Чем бы ее шандарахнуть? – подумал начинающий антиквар, – Ничего под рукой нет. Хоть бы топор какой был. Тюкнул обушком по темечку. Милое дело...»

– На, пей, – протянула ему кружку знахарка.

– Спасибо большое, – принял Стас, – Травки целебные?

– Целебные.

– Полечусь немного. Когда такого еще попить придется. Не возражаете?

– Полечись, полечись, – согласно кивнула головой знахарка.

«И, правда, куда спешить? – подумал Стас, потягивая напиток, – Весь день впереди. Хотя, зачем ждать? Потом опять к ночи вернусь. Вот выпью чая и грохну старушку. Чего тянуть? У меня и шокер для этого есть. Точно, у меня же есть шокер! – он быстро запустил в наружный карман руку, извлек орудие самообороны, – Шарахну, она и не поймет ничего».

– Можно плеснуть еще тепленького, – вежливо попросил хозяйку.
– Много не будет? – сухо поинтересовалась она.
– Вода дырочку найдет. Ничего. Лес кругом, – благодушно ответил гость.
– Твоя воля, – согласилась Марья Петровна, взяла кружку, повернулась спиной, и когда протянула обратно полную заварки, Стас молниеносно ужалил ее в оголенное запястье мощным разрядом электрического тока.

* * *

Отброшенная на спину электрическим ударом, Марья Петровна стукнулась головой об металлическую плиту и теперь лежала на полу бездыханно. Из ранки сочилась густая кровь, расплываясь багровым пятном вокруг круглых березовых поленьев.

– Ух, и ни фиги себе, – испугался Стас, – Укокошил, кажись, старушку.

Резко оборвалась линия жизни. Вспучилась в сознании тяжкая проблема. Какой пакостной оказалась старуха. Не могла мягким кулем свалиться, непременно нужно черепом о железо треснуться, мозги по полу раскидать. Сволочь. Подлая сволочь. Сама издохла и теперь его за собой потянет. Схватила клешнями за горло. Закинула булыжник в душу. Ей там хорошо мертвой лежать, а ему в тюрьму из-за этого топать? Преступником на всю жизнь сделала. Одним мгновением вычеркнула из нормальной жизни. Перевернула чистую биографию. Замазала кровью – не отмоешься. Грех, тяжкий грех крестом поперек спины начертала. Пригвоздила, припечатала. Что теперь делать?

Следствие, суд, решетка, шокер, кровь, труп, иконы, антиквариат, рюкзак, дорога, лес, машина: все закружилось в голове Стаса, смешалось. Вздрыбились внутри свирепые вихри, один следы прятать бросает, другой старухе помощь оказать велит. Столкнулись в душе, рванули в разные стороны. Их два, а сердце одно. Кто кого перетянет. Схватился Стас за голову, как поступить правильно? Людей позвать? А как объяснить, зачем старушку шокером грохнул? Вещи украсть хотел? Одно, потянет другое. Фальшивое удостоверение обнаружится, Натана Григорьевича раскопают. Тот, конечно, выкрутиться, может быть и Стаса от суда отмажет, но это будет полный и окончательный позор. Крушение всех надежд. Пожизненное рабство за жалкие крошки с барского стола. Только он сумел голову приподнять, только ему крупно подфартило и обратно в навоз, в самый что ни на есть чахлый отстой, на дно, откуда выбраться будет совершенно невозможно. Нет, это не правильно. Этого допустить нельзя. Значит надо следы прятать. Старуху хоронить. Но куда? Как? Дом спалить? Угли следы не хранят. Огонь все спрячет. Смываться надо по-тихому.

Руки мелко дрожат, безудержно запихивают в рюкзак вожаделенные иконы, сгребают с полок старую утварь.

Распух рюкзак, потяжелел, все в него не вместились. Вытащил Стас каталоги, бросил на стол. Жалко, но что поделать. На все места нет. Все равно толку от них сейчас мало. Пускай пропадают вместе с домом. Другие купить можно. Из-под скамейки выдернул старый пыльный мешок. Стал утрамбовывать вещи прямо в него, навалом, потом разберемся.

«Скорее, скорее, – стучало в голове, – Лишь бы не пришел кто».

Пальцы, как ватные, не гнутся. Черт бы их всех побрал!

Рюкзак с мешком увязаны и приготовлены, во двор оттащены. Глаза лихорадочно по стенам рыскают. Не осталось ли что лишнего? Ни забыл ли что прихватить? Все ли сделал правильно?

Кухонный стол набок опрокинут. Сушеная трава сдернута прямо с веревок, вокруг ножек кучей сложена. Старые тряпки с вешалок сброшены, березовыми поленьями сверху придавлены. Смятые страницы каталогов между пучками рассованы. Дубовый веник, старая кадушка,

штампованные пластмассовые тарелки – все, все сметено в одно большое кострище посреди дома.

Сердце в груди гулко колотится, больно в висках отдается, руки судорожно обшаривают кухонные полки в поисках спичек.

Лежит Марья Петровна возле плиты не двигается.

Последний взгляд, последний вздох, чиркнула спичка, ярко вспыхнула и сильная резь, как стрела пронзила самый низ живота. Тяжко сдавила, потянула к земле, глухо булькнуло и Стас, задув спичку, пулей ринулся в укромное место в самой глубине дома. Только успел скинуть штаны и зависнуть над черным проемом оча, как из него словно из ракетного сопла на старте рванула такая мощная реактивная струя, что он вполне смог бы пробить головой потолок, если бы топливо в нижней ступени так стремительно не закончилось.

Холодная испарина моментально покрыла все тело. Жуткая слабость навалилась чугунной болванкой на узкие плечи и минуту томила, не давая возможности снова собраться с духом.

Подобный вираж совершенно не входил в его планы. Несколько смущенный таким поворотом событий, он возвратился обратно на кухню, но едва взял в руки брошенный коробок спичек, как новый сильный позыв быстро вернул на стартовую площадку, где он произвел вторичную безуспешную попытку взмыть над сложными жизненными обстоятельствами к иным горизонтам мира.

На этот раз силы восстановились не сразу. Но едва он почувствовал себя способным к реализации задуманного мероприятия, как снова истоками своего существа оказался возвращен на исходную позицию, совершенно недоумевая по поводу природы данного явления.

Опустошенный и обессиленный Стас, слегка придерживаясь рукой за стену, втащился на кухню и в очередной раз захотел приступить к завершению прерванного замысла, как вдруг обнаружил, что тело покойницы исчезло. На полу возле плиты осталась лишь лужа крови вокруг белых березовых поленьев. Их тронуть он не посмел то ли из-за брезгливости, то ли из страха.

Мысли окончательно спутались в его перенапряженном мозгу, обезвоженным внеплановыми очистительными процедурами. Если она жива, то не нужно больше поджигать дом. А если кто-то пришел и ее вынес, то, значит, свидетель находится где-то недалеко и нужно бежать. Скорее уносить отсюда ноги. Прихватить то, ради чего принял на себя столь тяжкие испытания, и рвать когти.

Стас выкатился на улицу, взвалил на плечи нетронутые рюкзак с мешком и дернул, как мог узкой тропой воссоединился.

В голове страх стучит, по спине пот катится, свинцовая поклажа ноги прогибает, но те сами словно чужие вперед несут.

Вот и мосток, три бревна скобами связанные через речку переброшены. Свежие, влажные от утренней росы, скользкие. Спешит Стас, торопится поскорее уйти с проклятого места. До середины дошел, но об скобу споткнулся. Потерял равновесие, не устоял на слабых ногах, тяжелая ноша назад опрокинула. Бултых спиной в холодную воду. Мешок с железьями сразу на дно потянул. Рюкзак с иконами течение подхватило, понесло, закувыркало. Зацепился Стас за него рукой, попытался к берегу выплыть. Но не пускает рюкзак, быстро воды набрал, как камень пошел вниз. И плыть с ним нельзя, и бросить жалко. Пока думал, да дергался, свело холодом ноги. Вместе с ним и пошел ко дну вместе с рисованными богами, только пузыри наверх узкой дорожкой побежали.

* * *

Снова собрался дед Афанасий в Селки на почту да за продуктами. Только теперь еще и участкового найти предстояло. Получить бумагу о смерти Надежды Константиновны.

Идет дед лесной дорогой, птичек слушает, на свежую зелень любит. Зазеленел лес новым листом, повеселел. Кружевная ветреница землю усыпала, искристый подснежник голубыми островками в низинках раскинулся, ландыш вот, вот цветом взорвется. Поет жизнь солнышку весеннюю песню. Возрождается после холодной спячки.

Вышел из-за поворота к реке и видит, как с моста какой-то мужик в зеленом макинтоше с двумя мешками рушится. Кувырнулся с бревна спиной вниз, плюхнулся в воду и исчез из вида.

Бросился дед вперед, подбежал к берегу – нет нигде мужика. Спустился к воде смотрит, а того течением вместе с мешком к броду несет. Берегом не пройти, кустарником все заросло, гнилыми бревнами завалило, заболотило. Пришлось вокруг по дороге на перехват бежать. Пока добрался, пропал мужик. Сам выбрался или утонул? Присмотрелся к воде старик, пузыри возле самого брода со дна поднялись, подол зеленого макинтоша всплыл. Скинул дед с себя ватник, погрузился в воду почти по самую шею, приблизился к нужному месту, подцепил мужика за одежду, перехватил за ворот, вытащил на берег, вместе с мешком. Крепко утопленник в поклажу вцепился, еле из руки вырвал. Бросил тяжелый рюкзак возле самой кромки воды, оттащил мужика повыше, перегнул через колено лицом вниз, постучал ладонями по спине, положил на спину, сделал искусственное дыхание, откачал вроде немного. Речная вода ртом пошла, закашлялся парень. Молодой оказался, и откуда только его принесло?

Минут через пять Стас открыл глаза и узрел своего спасителя.

– Ты кто ж таков будешь? – поинтересовался старик, выливая из сапог воду.

– Где я? – спросил парень.

– На берегу, итить твою макушку. А ты где хотел быть? – приветливо ответил Афанасий.

– Я что, утонул?

– Да вроде того. Со дна тебя вытащил. Можно сказать, с того света, итить твою макушку.

– Спасибо дед, – спасенный закашлялся, выплевывая остатки воды.

– Живи, коли человек хороший, – старик стал снимать с себя промокшую насквозь одежду и выкручивать из нее воду, – Вот, понимаешь, в Селки собрался, итить твою макушку. На почту. А тут ты, того, с моста, итить твою макушку... Придется теперь возвращаться... итить твою макушку. Весь промок. Переодеться надо. Какой теперь магазин, итить твою макушку? Ты одежду того, снимай. Застудишься. Сам-то кто?

– Из города, – нехотя ответил бывший утопленник, – Стасом зовут.

– Стас, так Стас, – согласился старик, – Меня Афанасием кличут. Никитичем. Тут я в деревне живу. С бабой своей. Да, что там, – махнул рукой, – От деревни одно слово осталось, итить твою макушку. Пустошка, она и есть Пустошка.

– Я так понимаю, дед, что ты жизнь мне спас, – медленно проговорил спасенный.

– Да, вроде того. Пришлось, понимаешь, итить твою макушку, нырять, – скромно признался Афанасий.

– Теперь, значит, я тебе, Никитич, обязан.

– Да, ладно. Сочтемся. Как там, на том свете? Видал что? – поинтересовался старик, больше для поддержания разговора, чем из любопытства. Хотя слышал, что некоторые спасенные что-то такое видели, вроде ангелов.

– Не пустили меня, – ответил парень, – Батька мой не пустил.

– Во как! Не пустил? Батьку, стало быть, видел?

– Видел. Он меня в конце тоннеля встречал. Светлого такого, как солнце. Рано, говорит, пришел. Не время еще. Дел много. Мать, говорит, болеет. На кого её бросил? Один ты, говорит, остался. За меня, и за себя. Больно, говорит, на тебя смотреть. Нехорошо ты поступил. Ступай обратно. Исправь, что наделал.

– Нагрешил, стало быть, – догадался дед.

– Вроде того, – виновато опустил глаза Стас.

– Стало быть, тебя на второй срок определили. На первом не справился. Что ж натворил такого, что тебе поворот дали? – Афанасий внимательно посмотрел на парня.

– Хотел я вашу знахарку ограбить, – признался вдруг тот.

– Марью?

– И вот как все получилось, чуть сам на тот свет не ушел.

– О как! Итить твою макушку! Чего у нее грабить? Она же нищая! – удивился старик.

– Иконы. Хорошие у нее иконы. Старинные. Настоящие. Цены необыкновенной. Вещи разные старые есть, – пояснил бывший утопленник, – Хороших все денег стоят. Вот это и захотел забрать. Сначала продать предложил. Но она отказалась. Вон погнала. Тогда, ограбить решил. Черт меня, дед, попутал. Сам не свой был. Трясло всего. Это же деньги какие.... так захотелось забрать, чуть не убил ее. Слава Богу, жива осталась.

– Эка..., – почесал дед щетинистую щеку, – Итить твою макушку. Не знал. Не знал, что за старое барахло человека убить можно. Неужели время такое пришло, что вам, молодым, вещей мало стало. Старье собираете. Итить твою макушку. Все развалились. Ничего путного выпускать не стали.

– Это редкие, старые вещи. Таких, давно уже никто не выпускает. Их нигде больше нет. Только здесь, в таких отдельных, глухих местах, они еще и остались. Только здесь их еще и найти можно. Потому они и стоят дорого, – оправдывался парень.

– Не знал, что на старости лет мы все такими богачами стали, что к нам с тором приходиться можно, – словно не слушая его, продолжал размышлять старик, – Не знал, что ты мужик такой пакостный. Ни за что в воду бы не полез. Итить твою макушку, кого вынул... кого спас...

– Был. Был, батя, пакостным. Был, пока в реку вот в эту не упал. Вся пакость с меня смылась, – горячо воскликнул Стас, – Стыдно мне, понимаешь. Стыдно. Да, хотел я ее ограбить, хотел. А теперь на колени перед ней упасть хочу. Прощение просить. Назад хочу все вернуть. Не надо мне ничего этого больше. Правду говорю, Никитич. Поверь. Стыдно мне. Перед отцом своим стыдно. Если бы не было стыдно, стал бы я тебе во всем признаваться? Гадом буду.

– Может, у меня в доме посмотришь? У меня старья много. Навалено всякого на чердаке, – сощурил старик глаз, – Баба моя, итить твою макушку, запросто тебе все продаст, коли за деньги. Упрямиться не будет. Она деньги любит. Сторгуетесь. Это Марье они ни к чему. Она баба тихая. Она иконами людей лечит. Это же у нее станок, аппарат лечебный, как в поликлинике. Продаст, а чем лечить станет?

– Не надо мне ничего. Отторговался. Все. Хватит. Другим делом займусь. Не знаю еще каким, но займусь, – отвернул лицо в сторону молодой антиквар, пытаясь спрятать накатившие слезы.

– Кто вас теперь разберет, итить твою макушку... – покачал головой старик, – У вас теперь все не как у людей... Чего это? – внезапно насторожился он, всматриваясь куда-то между соснами, – Никак горит что-то?

– Где?

– Да вон. Дым пошел. В небо. Гляди. В деревне. Никак пожар! Вставай. Деревня горит. Вставай, горю, быстро! – скомандовал Афанасий и, не дав спасенному опомниться, поднял его на ноги и потащил за собой, – Быстрей, быстрей. Не отставай. Некогда в грязи вязнуть.

* * *

Когда дед со Стасом прибежали к месту пожара, вся деревня находилась уже там. Горел дом Марьи Петровны. Мощные языки пламени вырывались из окон и распахнутой двери. Жар стоял такой, что подойти к дому ближе, чем на десять метров не представлялось возможным. Бабы дружно таскали ведрами из реки воду и плескали на заднюю бревенчатую стену, еще не объятую пламенем. Только толку от этого было мало. Все одно, что костер гасить кап-

лей. Хорошо еще, дом знахарки стоял на берегу, в низине, окруженный с трех сторон огородами. Ветра почти не ощущалось. Погода стояла пасмурная, облачная. Высокие сосны близко не росли. Перекинуться на лес огонь сразу не мог.

– Марья, Марья где? Марью не видел? – встретила мужа вопросом взволнованная Вера Сергеевна.

Дед отрицательно покачал головой.

– Марьи нигде нет. Представляешь? – выпалила она и тут же дала указание, – Деревья рубите. Что встал, черт лохматый! Топор у калитки лежит. Я его там бросила.

Старик и так знал, что следует делать. Спорить не стал.

– Марью не видел? – налетела на него Тоська.

– Нет, – сухо ответил он.

– Горе то такое, – взмахнула она ведрами, – А это кто? – указала на Стаса и, не дождавсь ответа, выдала, – Кур спасать надо. В сарае они. Вы уже мокрые? А я для вас несла. Бегите скорее. Сгорят все, – и ринулась плескать воду на стену.

– Вот и подсушимся, – произнес Афанасий, – Итить твою макушку. Эка!

Стасу слегка стало не по себе. Его пробирал мелкий озноб. Речная вода выдавливалась из промокшей насквозь одежды. Кидаться в огонь ради каких-то кур не возбудило в нем ни малейшего желания.

– Не бойсь, итить твою макушку, – хлопнул его по плечу старик, – Два раза на дню не помрешь. Одному всех сразу не вынести.

Прикрыв мокрыми рукавами лицо, он первым вбежал в горящий сарай. Стас произвел робкую попытку последовать его примеру, но тут же был отброшен назад весьма сильным жаром.

– Куда? Куда, черт лохматый! – закричала энергичная женщина в красной куртке, что дала указание рубить сосны, – Назад!

– Зачем он туда? – поинтересовалась у Стаса тяжело переводящая дух маленькая сухая старушка с толстыми линзами очков на лице.

– Кур спасает, – сухо пояснил он.

– Каких кур? – возмущенно воскликнула подбежавшая к ним женщина в красной куртке, – Нет там никаких кур. Все куры давно по лесу разбежались. И коза с ними.

– Я думала, куры в сарае, – произнесла толстая нелепо одетая баба, определившая их к этому делу.

– Дура, ты, Тоська, – набросилась на нее женщина в красной куртке, едва не прибив на месте пустым ведром, – Совсем дура! Последнего мужика сгубить хочешь! Нет там никаких кур! – бросила ведра на землю, подбежала к сараю и крикнула в самое пекло, – Афаня! Афоня! Нет там кур! Выходи!

Но из сарая никто не вышел. Только жаркое пламя вырвалось из самой глубины и лизнуло острым языком серое небо.

– Сгубили, сгубили мужа, гадины, – истошно завопила баба, падая на землю.

«Что же это я, как сволочь стою, выручать мужика надо», – подумал Стас, прикрыл, как дед, глаза рукавами, вздохнул поглубже и нырнул в огненное жерло.

Старик лежал на земле, в двух шагах от горящего дверного проема. Жар внутри стоял такой, что от мокрой одежды сразу повалил густой пар. Вокруг все застелило едким дымом.

Обхватив деда поперек груди, Стас приподнял его, но тут же бросил. Тяжелый старик оказался. Взялся за кисти рук, закинул тело на спину и ринулся вместе с ним наружу изо всех сил, только волосы на голове задымились. Вырвался на чистый воздух, сбросил деда под ноги женщины в красной куртке и вздохнул полной грудью.

– Афонечка, ты живой? – склонилась она над ним.

Старик открыл глаза, кашлянул.

– Вот, черт лохматый, – стукнула баба деда кулаком по груди, – На кой черт ты туда полез? Жить надоело? Чертяка лохматый!

Афанасий сел, откашлялся, потер ладонью ушибленный лоб, посмотрел на горящий сарай, перевел взгляд со Стаса на Тоську и молвил:

– Кур не нашел. Не успел. Башкой, итить твою макушку, о притолоку звезданулся. С разбегу. Дымно. Не видно ни черта. Итить твою макушку. Сгорели, поди, все.

– Нет там никаких кур. И не было. Вышли они давно. Черт лохматый, – обняла его за шею баба в красной куртке.

– Вот как? Зря, значит, ходил, итить твою макушку.

– Ангелов, Никитич, видел или как? – шутливо поинтересовался спаситель.

– Ни черта не видел. Одни искры из глаз, – усмехнулся старик и снова потер шишку на лбу, – Однако, сильно горит. Руби, парень, сосны. Все. Вдоль ограды.

– Зачем? – спросил Стас.

– Лес полыхнет. Все сгорим, – быстро вскочил на ноги Афанасий, – Где, ты говоришь, топор бросила?

* * *

Мелкий дождик начал слегка накрапывать, мягко остужая разгоряченные лица добровольных пожарных. Женщины снова схватились за ведра, стали речную воду на огонь плескать. Стас старательно принялся валить молодые сосны. Афанасий немного отдышавшись, навалился на старый забор.

Полдня деревня с пожаром боролась. Бабы все руки ведрами оттянули. Стас на ладонях кровавые пузыри топором взбил. Втянулся в общую заваруху, увлекся спасением леса так, что и забыл, что сам недавно хотел дом поджечь. На совесть трудился. Мокрая одежда на нем совсем высохла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.